

Св. Тереза АВИЛЬСКАЯ

ВНУТРЕННИЙ ЗАМОК

Св. Тереза АВИЛЬСКАЯ

ВНУТРЕННИЙ ЗАМОК

ИЛИ

ОБИТЕЛИ

Перевод с испанского
под редакцией Н.Т.

Брюссель 1992

Издательство «Жизнь с Богом»
© Foyer Oriental Chrétien
206, Avenue de la Couronne
1050 Bruxelles 5 – Belgique

Брюссель 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение это под названием «Внутренний Замок» написала Тереза Иисусова, монахиня Ордена Кармильской Пресвятой Богородицы, для своих сестер и духовных дочерей, босоногих монахинь кармелиток.

СПАСИТЕЛЬ

1. Редко послушание было для меня столь трудным, как в этот раз, когда я должна писать о молитве. Во-первых, мне кажется, что Господь не даровал мне ни вдохновения, ни охоты; во-вторых, у меня уже три месяца кружится голова и шумит в ушах, так что даже то, что нужно, я пишу с трудом. Но, понимая, что власть послушания облегчает даже то, что кажется невозможным, я весьма охотно берусь за это, хотя природное мое естество и страдает, ибо Господь не даровал мне силы, чтобы непрестанно бороться с немощью среди многообразных забот. Однако Он совершал из милости ко мне и более трудные дела, так что я уповаю на Его милосердие.

2. Думаю, что скажу немного сверх того, что уже писала, когда мне велели, и даже боюсь, что получится почти то же самое. Говорящие птицы знают лишь то, что видели и слышали, и твердят это; вот так и я. Если Богу угодно, чтобы я сказала что-то новое, Он даст мне благодать или соблаговолит напомнить то, что я уже написала. Я и тому была бы рада, ибо память моя ослабла, и хорошо бы вспомнить хоть то, что, как говорят, я сказала удачно, если это и пропало¹. Если же Господь и этого не даст, ибо я устала и голова болит от послушания, все будет мне польза, хотя бы слова мои никому ничем не помогли.

Итак, начинаю послушание сегодня, в день Пресвятой Троицы² в толедском монастыре Св.Иосифа Кармильского, где я сейчас нахожусь, подчиняясь во всем, что пишу, весьма ученым людям, давшим мне это послушание³. Если

что-нибудь не будет согласно с учением Римско-Католической Церкви, это по моему невежеству, а не по злому умыслу. Можете не сомневаться и в этом, и в том, что я всегда была и есть, и буду ей покорна по милости Божьей. Да будет Он на веки благословен и прославлен, аминь.

3. Тот, кто велел мне писать, сказал, что монахиням этих монастырей Кармильской Божьей Матери надо бы разъяснить некоторые сомнения о молитве. Ему думается, что женщинам легче понять женщину, а меня они любят, и лучше поймут мои речи, так что, он полагает, будет неплохо, если мне удастся что-то сказать. Вот я и буду говорить с ними, не помышляя о том, что это может послужить еще кому-нибудь. Великую милость мне окажет Господь, если кому из монахинь это пойдет на пользу, дабы она хоть немного больше Его прославила; Он-то знает, что ничего иного я и не хочу. Само собой ясно, если я что сумею сказать, они поймут, что это не от меня, куда мне, у меня не хватит ни уменья, ни разума, если Господь не даст их по Своей милости.

ОБИТЕЛЬ ПЕРВАЯ

(в ней две главы)

ГЛАВА I

где говорится о красоте и достоинстве наших душ, дается сравнение, чтобы все понять, а также идет речь о том, как полезно разуместь это и знать, какие милости мы получаем от Бога, и о том, что врата в замок – молитва.

1. Когда я молила сегодня Господа, чтобы Он говорил через меня, ибо я не знала, что сказать и как приступить к послушанию, мне пришло на ум то, что я сейчас скажу, чтобы хоть как-то начать, что-то положить в основу: душу можно сравнить с замком из цельного алмаза или ясного кристалла, в котором много комнат, как в раю много обителей⁴. Ведь если подумать, сестрицы, душа праведника – ничто иное, как рай, где сотворяет обитель Господь. На что же, по-вашему, походит покой, где обретает отраду такой могучий, мудрый, целомудренный и всеблагий Царь? Я не найду ничего, с чем могла бы сравнить великую красоту и вместительность нашей души; поистине, самый острый наш ум едва способен их постигнуть, равно как и Бога, ибо Он Сам говорит, что создал нас по Своему образу и подобию.

Если все это так, не стоит тратить силы, стремясь уразуметь красоту замка. Он отличен от Бога, как всякая тварь от Творца, но Господь сказал, что душа создана по Его образу, и потому нам очень трудно постичь ее достоинство и красоту.

2. Очень жалко да и совестно, что мы по своей собственной вине не понимаем самих себя и не знаем толком, кто мы. Разве не будет большим невежеством, если кого-нибудь спросят, кто он, а он не знает даже, кто его отец и мать

и откуда он родом? Это великая глупость, но еще больше наша, когда мы не ведаем, кто мы такие, знаем лишь, что у нас есть тело, а что есть душа, знаем понаслышке и потому, что так говорит вера. Что же до богатств и благ души, или Того, Кто обитает в ней, или ее великой ценности, мы мало об этом думаем и потому мало печемся о том, чтобы сохранить ее красоту. Все уходит на грубую ее оправу или на ограду, нашу плоть.

3. Представим же, что в этом замке, как я говорила, много комнат, одни наверху, другие внизу, третьи – по сторонам, а посреди – самая главная, где и свершается сокровеннейшее общение между Богом и душой.

Запомните это сравнение. Может быть, Богу будет угодно, чтобы через Него я хоть как-то объяснила вам, какие милости посылает Он душам и какая разница между ними, насколько сама это пойму. Всех милостей не постигнет никто, тем паче я, недостойная. Если Господь даст вам такие милости, утешительно знать, что это возможно; а не даст – вы и тогда Его прославите. Нам не вредит, если мы думаем о небе и о блаженстве святых – нас это радует и побуждает стремиться к тому же; не будет вреда и если мы увидим, что здесь, в изгнании, такие зловонные червяки могут общаться с таким великим Богом и любить столь великую благость и безмерное милосердие. Если кто и огорчится, узнав, что здесь, в изгнании, Бог дает такую милость, он покажет, я твердо в это верю, что ему недостает смирения и любви к ближним; иначе как не радоваться, что Господь дает такую милость одному из наших братьев, а может дать и нам, и что Он кому-то явил Свое величие? Иногда Он так поступает, чтобы явить свое милосердие, как Он сказал, когда открыл слепому очи, и апостолы спросили, страдал ли тот за свои грехи или за грехи родителей⁵. Тогда Он дарует Свою милость не тому, кто святее и праведней другого, но чтобы мы знали, сколь Он велик и прославляли Его в Его творениях (так было с апостолом Павлом и с Марией Магдалиной).

4. Вы скажете, что все это невозможно и лучше не вводить в соблазн слабых. Но будет меньше вреда, если они нам не поверят, лишь бы те, кому Бог такие милости дарует, сумели воспользоваться ими и порадовались и побудили других больше любить всемогущего и великого Бога; тем паче, что, поистине, я говорю с теми, кому опасность эта не грозит, ибо они знают и верят, что Бог являет и большую любовь. Уверена я и в том, что не верящий в это ничего сам и не узнает, ибо Господь благоволит к тем, кто не кладет Ему предела, а потому, сестрицы, да не случится этого с теми, кого Он не поведет этим путем.

5. Вернемся же к прекрасному и усладительному Замку, и посмотрим, как в него войти.

Так и кажется, что я говорю несуразное, ибо если замок – наша душа, незачем в него и входить, это мы и есть – ведь нелепо сказать, чтобы вошел в комнату тот, кто уже в ней. Но поймите, что пребывать можно по-разному. Многие души – в ограде замка, там, где стража, – совсем не хотят войти в него и не знают, что внутри, кто обитает в столь дивном доме, мало того – какие в нем комнаты. Наверное, вы читали, в книгах о молитве, что надо войти внутрь, в свою душу; это – одно и то же.

6. Недавно один ученый человек говорил мне, что душа без молитвы – как тело расслабленного или недвижимого, у которого есть руки и ноги, но он не может ими двигать. Бывают такие больные, обращенные лишь к внешнему, что помочь им нельзя, войти в себя они не могут. Душа так привыкла общаться со зверями и гадами, живущими в ограде замка, что почти уподобилась им, и хотя от природы она столь богата, что могла бы беседовать с Самим Богом, помочь ей уже нельзя. Если такие души не постараются, оглянувшись, понять и исцелить свою великую немощь, они обратятся в соляной столп, подобно оглянувшейся жене Лота⁶.

7. Насколько я могу понять, ворота в замок – молитва и размышление. Я не говорю «умная молитва», а не «уст-

ная», ибо молитвы нет без размышления: если не думать, с Кем говоришь и чего просишь, и у Кого, и кто такой ты сам, это уже не молитва, даже если мы часто шевелим губами. Правда, иногда усилий нет, ибо есть молитвенный навык. Если же кто обращается к Богу как к рабу, не заботясь о том, как молится, и говорит что попало, повторяя, что затвердил, это, по-моему, не молитва, и не дай Бог так молиться никому из христиан! Что же до вас, сестры, уповаю, что Господь такого не попустит, ибо вы приучены к молитвенному деланию, а это поможет избежать подобного скотства⁷.

8. Итак, мы обращаемся не к расслабленным душам – если Сам Господь не повелит им встать, как пролежавшему тридцать лет в купальне⁸, их ожидают беды и опасности – а к тем, кто рано или поздно войдет в замок. Они погружены в мирскую суету, но намерения их добры; иногда они предают себя Господу и размышляют о том, кто они такие, хотя и без особого усердия. Разок – другой в месяц они молятся, но думают о несчетных заботах, они всегда о них думают, они к ним привязаны, а где сокровище, там и сердце⁹; однако время от времени они пытаются отрешиться от суеты, а уже очень много увидеть себя и понять, что идешь по неверному пути. В конце концов они входят в первые комнаты, внизу, но вместе с ними туда вползает столько гадов, что они не могут ни узреть красоту Замка, ни обрести покой: вошли – и на том спасибо.

9. Вам может показаться, доченьки, что все это не к месту, ибо, по милости Божией, вы не из таких. Но потерпите – ведь иначе мне не объяснить то, что поняла я о молитве. Я молю Бога, чтобы Он помог мне сказать хоть что-то – очень трудно объяснить это все, если у вас нет опыта; если же он есть, вы поймете, что приходится коснуться того, от чего, по милости Своей, Господь нас избавил.

ГЛАВА II

где говорится о том, как безобразна душа в смертном грехе, и о том, как Господь соизволил показать это одному лицу. Говорится здесь и о том, как познать себя. Глава полезна, ибо в ней есть вещи, достойные внимания. Говорит она и о том, как понимать эти обители.

1. Прежде чем идти дальше, я скажу вам: подумайте о том, как опасно видеть сверкающий, прекрасный замок, эту жемчужину Востока, это древо жизни, посаженное у вод живых, если ты – в смертном грехе. Самая крошечная тьма, самый черный мрак не темнее этого¹⁰. Знайте одно – в сердцевине души все еще светит солнце, придававшее ей столько блеска и красоты, но его как бы и нет, душа ему как бы не причастна, хотя может воспринимать Его величие, как кристалл, отражающий солнечный свет. Ничто не идет ей впрок, а отсюда следует, что какие бы добрые дела ни совершала она в смертном грехе, они никак не помогут обрести небесную славу, ибо не проистекают из того Начала (то есть – из Бога), чрез Которое добродетель наша блага, и, отделяя нас от Него, не могут быть угодными в Его очах. Собственно говоря, человек, совершающий смертный грех, стремится угодить не Богу, а дьяволу; поскольку же он – сама тьма, то и бедная душа становится тьмою.

2. Я знаю человека¹¹, которому Господь наш пожелал показать, какова душа, совершающая смертный грех. Человек этот говорит, что, на его взгляд, никто бы не смог грешить, если бы это понял, и пошел бы на самый великий труд, какой и представить себе нельзя, только бы бежать от соблазна. Он очень захотел, чтобы все это уразумели; а вы, доченьки, постоянно молитесь Богу о тех, кто в таком состоянии, о всех, кто стал тьмою, и тьма – их дела. Ибо как из чистого источника вытекают только чистые ручейки, так и душа в благодати Божией – дела ее приятны Богу и

людям, ибо они питаются из источника жизни, словно дерево у воды, которое не дало бы ни плодов, ни прохлады, если бы не росло у источника, и тот не питал его, дабы оно не сохло и давало добрые плоды. Так и душа, если по своей вине удалится от источника и пустит корни в черных и зловонных водах, от нее проистечет лишь нестроение и нечистота.

3. Заметим, что ни источник, ни солнце, сверкающее посредине души, не утратят красы и сияния; ничто не лишит их красоты. А вот если кристалл, пребывающий на солнце, прикрыть чернейшей тканью, само собой разумеется, что солнце светит на него, но кристалл не сверкает.

4. О души, искупленные кровью Христовой! Познайте себя и сжальтесь над собою! Неужели, зная, кто вы, вы не захотите стереть смолу с кристалла? Смотрите: если жизнь ваша кончится, вы никогда не сможете радоваться свету. Господи, как тяжело видеть душу, удалившуюся от света! Какими стали злосчастные обитатели замка! В каком смятении чувства его обитатели! А власти, управители и дворецкие, как слепы они как плохо правят! Да и какие плоды может дать дерево, укоренившееся в дьяволе?

5. Однажды я слышала от одного духовного человека, что его устрашали не столько дела, совершенные людьми в смертном грехе, сколько то, чего они не делали. Да избавит нас Бог по Своей милости от такого великого зла, ибо, пока мы живы, именовать злом мы вправе лишь то, что доводит до вечной гибели. Вот, доченьки, чего мы должны бояться и о чем должны просить Бога в наших молитвах, ибо если Господь не хранит города, мы напрасно трудимся¹²; ведь мы – сама суета.

Тот человек говорил мне¹³, что благодатью Божьей он вывел из этого два заключения: во-первых, он очень боится оскорбить Бога и потому непрестанно молит, чтобы Он не попустил ему впасть в грех, наносящий такой страшный урон; во-вторых, он обрел зеркало смирения, и видит, что добро, которое мы совершаем, идет не от нас, но от источ-

ника, у которого растет дерево нашей души, и от солнца, согревающего наши дела. Он говорит, что все это представало ему с такой очевидностью, что, совершая что-либо доброе или видя, как другие творят добро, он возводил все это к Началу, понимая, что без этой помощи мы ничего не можем; и потому тут же славил Бога и, обыкновенно, забывал, что он делал добро.

6. Если мы будем помнить об этих двух вещах, то время, которое вы, сестрицы, посвятите чтению, а я – писанию, не пропадет втуне. Ученым и мудрым это и так известно, но мы, женщины, знаем мало, и нам это нужно. К счастью, Господь соблаговолил дать нам вот эти уподобления. Молите, чтобы Он даровал и благодать, чтобы мы их уразумели.

7. Эти духовные вещи столь неясны, что такой невежде, как я, волей-неволей приходится говорить много лишнего и даже нелепого, прежде чем я скажу хоть что-то правильное. Пусть читатель запасется терпением – терплю же я, когда пишу о том, чего не знаю. И впрямь, иногда я возьму бумагу, а сама, дура-дурой, не знаю, что сказать, как начать. Я хорошо понимаю, как важно для вас, чтобы я объяснила вам по мере сил некоторые духовные вопросы. Ведь мы вечно слышим, какое благо – молитва, и Устав наш предписывает нам молиться столько часов¹⁴; но речь там идет лишь о том, что можем сделать мы сами; о том же, что Господь совершает в душе, о сверхприродном, мало что сказано. Мы говорим об этом и объясняем это на разные лады, и нам принесет большое утешение, если мы рассмотрим это небесное искусство, мало известное смертным, хотя многие тянутся к нему. Хотя в некоторых моих сочинениях Господь дал мне что-то уразуметь, я понимаю, что кое-что, самое трудное, уразумела только теперь. Плохо другое: как я уже говорила, чтобы до них добраться, надо будет не раз повторять известное, иначе мой неотесанный язык с этим не справится.

8. Вернемся, однако, к нашему замку, где много обителей. Совсем не надо представлять их одну за другой, как в

анфиладе. Вглядитесь в самую середину, где тронный зал, а в нем – король, и представьте капустную пальму, у которой съедобная сердцевина, самая вкусная, прикрыта листьями. Так и тут – вокруг залы много комнат, есть они и над нею. Все, что касается души, должно рассматривать во всей полноте и широте, и мы не преувеличим, ибо душа способна на большее, чем мы себе можем представить, и солнце, которое светит в зале, освещает все ее части. Очень важно, чтобы душа, которая предается молитве в большей или меньшей мере, не ощущала ни стеснения, ни оставленности. Пусть свободно ходит по комнатам, вверх и вниз, повсюду, ибо Господь наделил ее великим достоинством, и она не должна против воли оставаться долго в одном месте. Ох, только бы она познала себя! Поймите меня, это очень нужно даже тем из вас, которые у Господа в одной с Ним обители. Сколь бы высоко душа ни поднялась, вы никогда ничего не сделаете сами, и не могли бы, как бы того ни хотели, ибо смирение трудится, словно пчела в улье, иначе все ни к чему. Но не забудем, что пчела вылетает из улья к цветам; так же поступает и душа, познавая себя самое. Поверьте мне, и взлетайте порою, чтобы созерцать безмерность и величие Бога. Тогда мы лучше избавимся от гадов, пробравшихся в первые комнаты, где мы познаем себя, и душа лучше увидит свою низость, чем если бы никуда не выходила. Я уже сказала, что Бог оказывает ей великую милость, позволяя познать себя, но, как говорится большее – не помеха меньшему, и с помощью Божией мы достигнем большего блага, чем если бы оставались прикованными в нашей земле.

9. Не знаю, хорошо ли я объяснила, ибо познать себя очень важно, и мне хотелось, чтобы вы занимались этим без усталости, как бы высоко вы ни парили в небесах; ведь пока мы на этой земле, самое главное для нас – смирение. Итак, повторю: очень хорошо, просто превосходно стремиться сначала в ту комнату, где мы познаем себя, прежде чем улетать в другие. Вот наш путь, и если можно идти по

верному, ровному пути, зачем нам крылья? Старайтесь идти по нему; но, мне кажется, мы никогда не познаем толком себя, если не постараемся познать Бога. Созерцая его величие, мы задумаемся о нашей низости; созерцая Его чистоту, увидим нашу грязь; размышляя об Его смирении, увидим, как далеко до смирения нам самим.

10. Тут два приобретения: во-первых, совершенно ясно, что белое кажется белее рядом с черным, а черное кажется чернее рядом с белым; во-вторых, наш ум и наша воля становятся лучше, им легче совершать доброе, когда наш взгляд обращен к Богу; если же мы никак не выберемся из тины нашей немощи, это нам очень мешает. Мы говорили, что те, кто совершил смертный грех, пребывают в черных и зловонных водах. Так и тут, хотя это – другое дело, избави нас Боже от полного подобия! Если мы всегда погружены в убожество этого, земного мира, нам не выбраться из тины страхов, малодушия и трусости. Мы вечно будем думать, что о нас подумают; не опасно ли идти вон туда; не будет ли гордыни, если мы на это решимся; можно ли мне, такой ничтожной, заниматься столь возвышенным делом; не сочтут ли, что я лучше других, если я не пойду по общей дороге; не дурны ли крайности, даже и в добродетели; не упаду ли я, грешная, с еще большей высоты; может, я и сама вперед не пойду и причиню вред добрым людям; и, наконец, куда уж мне выделяться!

11. О, Господи, доченьки, сколько душ погубил, наверное, дьявол таким вот образом! Им кажется, что все это – смирение (тут я могла бы сказать гораздо больше), а происходит это от того, что мы плохо знаем самих себя, плохо видим. Что ж тут странного, если мы никогда из самих себя не выходим! Можно бы опасаться и еще худшего. Вот я и говорю вам, доченьки, что мы должны смотреть на Христа, наше Благо. У Него мы научимся истинному смирению, Он и Его святые улучшат наш разум, как я уже говорила, и мы сможем познавать себя без малодушия и низости. Хотя это первая обитель, она очень богата и столь ценна, что всякий

спасшийся от гадов, живущих в ней, непременно пойдет и дальше. Ужасны сети и ухищрения дьявола, которыми он мешает душам познать себя и найти правильный путь.

12. О первой обители я могу сказать много, я ее знаю по опыту. Только, прошу вас, не думайте, что помещений мало, их тьма тьмущая, ибо души по-разному входят сюда, и намерения у них добрые. А вот у дьявола намерения дурные, и он населяет каждый покой легионами бесов, чтобы души не перешли из одной обители в другую. Бедная душа этого не понимает, и он на тысячи ладов раскидывает нам сети. Это ему труднее, если кто близко к царской зале, а здесь все еще поглощены мирскими уладами, опьянены почестями и тщеславием, и потому вассалы души – чувства и способности, данные ей Богом от природы – малосильны, душу легко победит, даже если она не хочет гневить Бога и совершает добрые дела. Те, кто в этом состоянии, должны как можно чаще обращаться с молитвой к Царю Небесному и просить, чтобы Его Благословенная Матерь и святые сражались за нее, ибо слуги не в силах ее защитить. Поистине, в любом положении сила должна приходиться к нам от Бога. Да подаст Он нам ее по милости Своей. Аминь.

13. Какой жалкой жизнью мы живем! Я уже говорила, доченьки, о том, как вредит нам, если мы не понимаем толком смирения и не умеем познать себя, и больше говорить не буду, хотя для нас это важнее всего. Дай мне Бог сказать хоть что-нибудь полезное.

14. Заметьте, что свет, исходящий из королевской залы, едва доходит до первой обители, ибо, хотя она не так темна и черна, как душа в грехе, все же там темновато, чтобы тот, кто в ней, не мог ее разглядеть. Виновата не сама обитель – как бы мне это объяснить? – просто всякая нечисть, гады, ужи, ядовитые змеи, заползшие туда, мешают увидеть свет, словно в светлую комнату зашел человек, у которого так запорошило глаза, что он открыть их не может. В комнате светло, а он не рад, ему мешают все эти гады, он закрывает глаза и видит только их. Такова, по-моему, и ду-

ша, которая, хоть и не в плохом состоянии, но так поглощена мирскими заботами и так занята своим именем, почестями, делами (это я уже говорила), что она бы и хотела видеть свою красоту и наслаждаться ею, да гады мешают, никак она от них не отделается. Чтобы войти во вторую обитель, очень полезно, по мере сил, оставить все ненужные дела и заботы, у кого какие; иначе не достигнешь. Если с этого не начать, тут и надеяться не на что, трудно даже остаться в безопасности там, где ты есть, хоть ты и вошел в замок, ибо, если ты среди ядовитых гадов, кто-нибудь нетнет да укусит.

15. Что же будет, доченьки, если те, кто уже освободился от этих помех, как мы с вами, и проник дальше, в другие потаенные обители, по собственной вине вернется к прежней суете, как было, по нашим грехам, со многими душами, которым Бог даровал милости, а они сами впали в такое убожество? Здесь мы свободны от внешних забот; да будет угодно Богу, чтобы мы были свободны духовно и да освободит Он нас! Храните себя, доченьки, от чужих забот. Смотрите, только в немногих обителях замка бесы уже не ведут брани. Правда, в некоторых обителях им препятствуют стражи – кажется, я говорила, что это способности души, – но очень важно, чтобы мы не были беспечны, и видели их козни, иначе диавол прельстит нас под видом ангела света. У него много способов повредить нам, проникая мало-помалу в нашу душу, а мы и тогда ничего не замечаем.

16. Я уже говорила¹⁵, что диавол действует тихо, как напильник, и надо услышать его как можно раньше. Скажу еще кое-что, чтобы вы лучше поняли. Например, он внушает одной из сестер такую тягу к покаянию, что она места себе не находит, если себя не мучает. Вроде бы это неплохо; но если настоятельница велела не истязать себя без разрешения, а диавол внушает сестре, что ради такого хорошего дела можно и не послушаться, и она тайно себя умерщвляет, то она утратит здоровье и воспротивится уставу. Видите, до чего довело такое благо.

Другой сестре он внушит сильное стремление к совершенству. Это очень хорошо, но может получиться так, что любой проступок сестер кажется ей страшным грехом и она за ними следит и жалуется настоятельнице, а иногда так ревнует об уставе, что не замечает собственных проступков. Сестры же не знают, что у нее в душе, а дела ее видят, и, может быть, не слишком хорошо принимают.

17. То, чего хочет здесь диавол, не так уже ничтожно: он охладил бы любовь между сестрами, а это большой вред. Поймите, доченьки, подлинное совершенство – любовь к Богу и к ближнему, и чем лучше мы исполняем эти заповеди, тем мы совершенней. Весь наш устав и все наши правила – только средства, чтобы исполнять их самым совершенным образом. Воздержимся же от неблагоразумного усердия, которое может принести немало вреда. Пусть каждая следит за собой.

Больше говорить не буду, я и так много об этом говорила в другом месте¹⁶.

18. Взаимная любовь между нами так важна, что я хотела бы, чтобы вы никогда о ней не забывали. Если следить у других за мелочами, которые порбю и не грехи, мы просто мало знаем и так их видим, если следить за ними, то душа может утратить покой и беспокоить прочих; вот как дорого обходится такое совершенство. Дьявол может искушать так и настоятельницу, это еще опасней. Тут требуется много благоразумия, ибо когда дело доходит до нарушения устава и правил, не следует это попускать, надо сказать ей самой, а если не исправится – духовному руководителю общины. Вот в чем любовь. Так же надо поступать и с сестрами, если вина большая; а все попускать, чтобы не впасть в искушение, – само по себе искусительно. Никак нельзя (чтобы дьявол не обманул нас) обсуждать все это друг с другом, ведь он может извлечь тут большую выгоду, внушить нам привычку к пересудам; говорите только с той, кого это касается. Здесь, слава Богу, этого нет, потому что мы молчальницы, но лучше нам быть настороже.

ВТОРАЯ ОБИТЕЛЬ

(тут – одна-единственная глава)

В ней говорится о том, как важно претерпение, чтобы достигнуть последних обителей, и о том, как противится дьявол, и о том, как важно с самого начала не сбиться с пути. Дается и очень хороший способ, проверенный на опыте.

1. Поговорим теперь о душах, которые входят во вторые обители и о том, что они в них делают. Я скажу об этом кратко, ибо уже говорила подробно в других местах, но не смогу избежать повторений, потому что не помню, что же я говорила¹⁷. Если бы я смогла состряпать одно и то же по-разному, я знаю, вы бы не рассердились – ведь мы не устаем читать книги про это, сколько бы их ни было.

2. Речь идет о тех, кто уже начал молиться и понял, как им важно не застрять в первых обителях¹⁸, но не всегда решаются их покинуть, ибо не избегают случаев, ведущих к греху, а это очень опасно. Однако большая милость и то, чтобы иногда им удалось спастись от ужей и ядовитых гадов, и понять, как хорошо от них избавиться.

В некотором роде им труднее, чем первым, хотя опасность и меньше, ибо они ее понимают и можно надеяться, что они пойдут дальше. Я сказала, что им труднее, ибо в первых обителях души как бы немые, которые ничего не слышат, и потому легче переносят немоту, чем те, которые слышат, но не могут говорить – этим было бы тяжелее. Но это не значит, что лучше ничего не слышать; ведь очень хорошо понимать, что тебе говорят. Итак, они слышат, как зовет их Господь, ибо приближаются к месту, где Он обитает, а Он добр, милосердие Его и благость велики, и даже если мы в суете, делах, усладах, обманах, даже если мы грешим и каемся (гады ядовиты, рядом с ними опасно, они так кишат, что не захочешь – споткнешься), даже при всем при этом Господь наш так ценит нашу любовь и жела-

ние быть с Ним, что то и дело зовет нас, чтобы мы подошли к Нему, и голос Его так прекрасен, что бедная душа изо всех сил стремится поскорее выполнить Его повеления. Вот почему, как я сказала, ей труднее, чем если б она ничего не слышала.

3. Не думайте, что эти крики и призывы – такие, как те, которые я опишу после. Это просто слова добрых людей, проповеди, хорошие книги и многое другое, о чем вы слышали, – через все это Бог призывает, – или болезни, испытания, или истины, которым Он учит нас, когда мы молимся, пусть и нерадиво, Бог все равно это ценит. А вы, сестры, не пренебрегайте этой, первой милостью и не скорбите, если не ответите сразу Господу, ибо Он умеет ждать много дней и лет, особенно если видит наше постоянство и добрую волю. Постоянство нужно больше всего, ибо благодаря ему достигнешь многого. Но бесы борются страшно, самыми разными способами, и для души это намного тяжелее, чем в предыдущей обители. Там душа немая и глухая, ну – очень плохо слышит и меньше противится, как тот, кто не надеется победить. Здесь она лучше все понимает и больше может; а бьют ее и по ней стреляют так, что поневоле услышишь. Именно здесь являют ей бесы своих ужей, мирские утехи, и показывают, что те, кто доволен этим миром, едва ли не вечны; напоминают, как чтили ее в миру, сколько было друзей и родичей, как вредит здоровью покаяние (войдя в эту обитель, душа всегда стремится хоть к каким-то подвигам) и чинит сотни других препятствий.

4. О Господи, какую суматоху поднимают бесы в душе, как мучается она, бедная, не зная, идти ли ей вперед или вернуться в первую обитель! Разум, с другой стороны, подсказывает ей, что она заблуждается, полагая, будто все это – совсем не то, чем кажется. Вера учит ее, что она должна делать. Память показывает, чем кончаются такие вещи, напоминая, что те, кто ставил их во главу угла, все равно умерли, она сама это видела. Видела она и то, что многие умерли скоропостижно, и о них скоро забыли, других же,

20

которых она знала во славе и почете, попирают, проходя по их надгробным плитам¹⁹, и сама она много раз проходила над ними, и знала, что тело их кишит червями, и прочее в том же роде. Воля велит любить, видя столько благ и знаков любви Божией, ей хочется отплатить Ему хоть как-то, особенно же когда она помышляет о том, что Любящий ее поистине никогда не оставляет ее, Он всегда с нею, Он дает ей жизнь. Тут разум подсказывает ей, что она не найдет лучшего Друга, сколько бы лет ни прожила; что мир исполнен лжи, а улады, которые сулит ей диавол, – забот, мучений и противоречий. Еще разум говорит, что уже наверное она не найдет вне замка ни безопасности, ни покоя, и лучше ей не ходить по чужим домам, когда ее дом полон благ, если только она пожелает в нем остаться. Кто еще мог бы найти в своем доме все, что нужно, особенно когда там – Господь, который ставит ее владычицей надо всеми благами, если она не захочет погубить себя как блудный сын, который ел на чужбине вместе со свиньями²⁰?

5. Вот доводы для победы над бесами. Но, Господи и Боже мой, как портит все привязанность к суетным вещам, которые всех привлекают! Ибо вера так мертва, что мы предпочитаем то, что видим, тому, что она говорит нам, хотя мы видим только, как плохо тем, кто гонится за видимыми вещами. Но это дело ядовитых тварей, о которых мы толкуем: ужаленный ядовитой змеею весь отравлен и опухает; так и мы. Мы не бережемся – значит, надо много лечиться, чтобы выздороветь; спасибо еще Богу, если мы не умерли. Конечно, душа очень мучается, особенно если бес поймет, что нрав ее и обычай предрасполагают ее идти вперед; тогда весь ад ополчится, чтобы она вернулась и вышла из замка.

6. О Господи! Здесь нужна Твоя помощь, ибо без нее ничего не сделаешь²¹. Ради благодати Твоей не допусти эту душу впасть в обман и оставить начатое! Просвети ее, чтобы она узрела, что в этом – все ее благо и оставила дурное сообщество. Ведь великое благо быть с теми, кто так же

мыслит, и вести дружбу не только с теми, которые в тех же покоех, что и она, но и с теми, которые, вроде бы, ближе к царскому чертогу. Это поможет ей, она войдет в общение с ними, и, может быть они проведут ее с собой. Пусть не дает она себя победить; ведь если бес увидит ее решимость — увидит, что она скорее отдаст жизнь и покой и все, что он ей предложит, чем вернется назад, он быстро от нее отстанет. Да будет она мужественной, а не такой как те, которые пили воду на коленях перед сражением (не помню уж, с кем²²), и пусть решит твердо, что будет бороться со всеми бесами и нет оружия лучшего, чем крест.

7. Хотя я это и говорила, это так важно, что скажу здесь снова: пусть забудет душа об утешениях и наградах, ибо недостойно начинать с этого, когда строишь такое большое и прекрасное здание. Если основание — на песке, все рухнет, никогда не избавимся мы от недовольства и искушений. Не в этих обителях падает манна небесная, те — дальше. Там все убажывает душу, ибо она хочет лишь того, что угодно Богу. Удивительно вот что: у нас тысяча недостатков и затруднений, добродетели наши еще ходить не умеют, они едва родились и дай-то Бог, чтобы они вообще были, а нам не стыдно искать утешения на молитве и сетовать на душевную сухость! Да не будет с вами этого, сестры! Возьмите крест, который Жених ваш нес на Себе, и поймите, вот ваше дело. Кто из вас может больше вытерпеть, пусть и терпит ради Него и обретет больше свободы. Если же Господь даст вам все остальное, то есть второстепенное, возблагодарите Его.

8. Вам покажется, что вы готовы к внешним испытаниям, если Бог дает вам внутренние утешения. Но Царь Небесный лучше знает, что полезнее, незачем советовать Ему, что нам давать, ибо Он вправе сказать, что мы «сами не знаем, чего просим»²³. Не забудьте, это очень важно, что вступающий на путь молитвы должен стремиться лишь к труду, решимости и к тому, чтобы как можно лучше сообразовать свою волю с волей Божьей. Я повторю позже,

а вы твердо верьте, что в этом – наивысшее совершенство, какого можно достигнуть на духовном пути: чем этого больше, тем больше ты получишь от Господа и дальше продвнешься. Не думайте, что здесь что-то недосказано и непонятно; все наше благо в этом. Если мы с самого начала пойдём не в ту сторону, а потом захотим, чтобы Господь делал по-нашему и вел нас, куда нам заблагорассудится, может ли здание быть прочным? Постараемся делать, что в наших силах и беречься от ядовитых гадов, потому что Бог часто попускает, чтобы нас преследовали и огорчали дурные мысли и душевная сухость, от которых нам никак не избавиться; иногда Он даже допускает, чтобы гады укусили нас, чтобы мы были впредь осторожнее и чтобы испытать, каемся ли мы, что Его оскорбили.

9. Поэтому не падайте духом, если иногда оступитесь, – все равно идите вперед, ибо даже из падения Господь извлекает добро, как торговец противоядиями, который выпивает яд, чтобы проверить их силу. Если мы никак не видим, какие мы жалкие создания и сколько зла мы причиняем себе непостоянством наших мыслей, достанет этой борьбы с бесами, чтобы мы снова сосредоточились. Бывает ли что хуже, чем не найти себя в своем собственном доме? Можем ли мы надеяться на отдых у чужих людей, если не находим его у себя? Душевные способности – истинные, верные друзья и родичи, с которыми нам вместе жить, хотим мы или не хотим. Порою кажется, что они идут против нас, как бы мстя нам за то, что против них шли наши пороки. «Мир, мир», говорил Господь, много раз повторял Своим апостолам²⁴. Поверьте, если у нас не будет мира и мы не будем искать его в своем доме, мы не найдем его у чужих. Кончайте же борьбу! Кровью, пролитой за нас, я молю тех, кто еще не вошел в чертог души, и тех, кто уже вошел, не возвращаться из-за этих препятствий. Смотрите, упасть в другой раз хуже, чем упасть однажды. Ты думаешь, что гибнешь, так положишься не на себя, а на милосердие Божье, и увидишь, что Господь поведет тебя из одних покоев в другие и

введет туда, где гады не смогут ни тронуть тебя, ни досадить. Он свяжет их всех и посмеется над ними, а душа будет наслаждаться благами, превосходящими все ее ожидания, и, заметьте, в этой жизни.

10. Я уже писала в начале о том, как вам быть во время смущения, причиняемого здесь бесом, и о том, что сосредоточенности в молитве нельзя достигнуть силой, тут нужна постепенность, и потому не буду больше говорить об этом, а скажу, что, по-моему, очень важно советоваться с опытными людьми, иначе вам покажется, будто то, что нужно делать, может сильно повредить вам. Только не оставляйте дела, а Господь все повернет к нашему благу, даже если мы не найдем никого, кто бы наставлял нас. Против этого зла²⁵ нет лекарства, если не начнешь все сызнова, а теряешь день ото дня понемногу душу. Дай то Бог, чтобы мы это поняли.

11. Кто-то может подумать, что если так дурно вернуться вспять, лучше бы не начинать совсем, а оставаться вне замка. Я уже сказала вам вначале и Сам Господь говорит, что тот, кто любит опасность, впадет в нее²⁶, и что дверь, ведущая в замок, – это молитва. Глупо и нелепо думать, что ты войдешь на небо, если прежде не вошел в свою душу, не познал себя и не понял, как мы ничтожны и как обязаны Богу, и не просил его многожды о милости. Сам Господь говорит: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня»²⁷ (не помню, так ли точно Он сказал; кажется – так). И вот еще: «кто видит Меня, видит и Отца Моего»²⁸. Если мы никогда не будем глядеть на Него и думать о том, чем мы Ему обязаны, и о том, что Он за нас умер, просто не знаю уж, как мы Его познаем и Ему послужим делами, ибо какую цену может иметь вера без дел и без участия в заслугах блага нашего, Христа? Кто побудит нас любить Господа?

Молите, чтобы Он показал нам, что мы Ему дорого стоим и что слуга не выше Господина Своего²⁹, и что мы должны трудиться, чтобы войти в Его славу, а для этого надо молиться, дабы не впадать в постоянные искушения³⁰.

ОБИТЕЛЬ ТРЕТЬЯ (в ней две главы)

ГЛАВА I

где говорится о том, что мы – в неуверенности, пока мы в изгнании, какой бы высоты ни достигнули, и о том, что нужно в страхе ходить перед Богом. Здесь есть несколько полезных советов.

1. Тех, кто милостью Божией и своим постоянством победил в сражениях с дьяволом и вошел в третью обитель, мы можем только сказать: «Блажен муж, боящийся Господа»³¹. По моей неразумности, Всевышний оказал мне великую милость, ибо он дал мне понять, что значит этот стих, именно сейчас, в этом месте. Конечно, справедливо назвать его «блаженным», ибо он, насколько мы можем понять, на пути в спасению, если только с него не свернет. Вот смотрите, сестры, как важно выстоять в сражениях; потом Господь, я уверена, оградит совесть от мучений, а это – немалое благо. Нет, я плохо сказала, ведь в этой жизни ни в чем нельзя быть уверенным; так что вы всегда понимайте, что я говорю: «если не свернете с начатого пути».

2. Жить в этой жизни очень трудно, ведь тут так, словно враг на пороге, нельзя ни спать, ни есть без оружия, и все боишься, как бы кто не ворвался в крепость с какой-нибудь стороны. О Господи и все мое благо! Как же Ты хочешь, чтобы мы любили такую жалкую жизнь? Как можно было бы не просить, чтобы Ты взял нас отсюда, если бы не надежда пожертвовать жизнью ради Тебя или отдать ее Тебе на служение, а тем паче – понять, что такова Твоя воля? Если же она такова, о Господи, да умрем мы с Тобой, как сказал апостол Фома³², ибо жить без Тебя и постоянно бояться, что потеряешь Тебя навеки – все равно что много раз умирать. Вот я и говорю вам, доченьки, что мы должны просить такого блаженства, чтобы мы были в безопасности,

вместе с блаженными. Живя в таком страхе, какая радость у того, чья единственная радость – радовать Бога? Смотрите, этот страх, и даже больший, был у некоторых святых, которые впадали в тяжкие грехи; разве это нас не убеждает, что Бог подаст нам руку, поможет и покаяться, как они, и пребывать с ними?

3. Поистине, доченьки, я так боюсь, когда все это пишу, что прямо и не знаю, как пишу и как еще живу, только все вспомню, а бывает это очень часто. Молитесь, доченьки, чтобы Господь всегда был со мной, иначе в чем я буду уверена, если так плохо жила? И вы не горюйте, что это так, – много раз я видела, что вы горюете, а все от того, что вы хотите, чтобы я была очень святой, и вы правы, я сама бы этого хотела. Но что мне делать, если я утратила святость по своей вине! На Бога я не сетую, Он ничуть не лишил меня помощи, ее было достаточно, чтобы исполнилось ваше желание, так что я не могу говорить об этом без слез, и совсем не смущаюсь, что я пишу для тех, которые могли бы наставить меня. Трудно мне было принять это послушание! Да будет угодно Богу, раз я уж это делаю ради Него, чтобы труд мой принес вам пользу и вы умолили Его простить меня несчастную, безрассудную. Господь хорошо знает, что я могу уповать только на Его милосердие, ибо не могу стать иной, чем была, и мне остается только одно: полагаться на Его благодать, на заслуги Его Сына и на Деву Марию, Матерь Божию, Чье одеяние я недостойно ношу; а вы, благодарите Бога, что вы и впрямь Ее дочери, и с такой хорошей Матерью вам незачем обижаться, что я такая жалкая. Подражайте Ей и размышляйте о том, как велика наша Владычица и как отрадно быть под Ее защитой, ибо даже моих грехов и того, какова я, не хватило, чтобы хоть как-то уменьшить славу нашего святого ордена.

4. Только предупрежу вас: хоть вы и в этом ордене и у вас такая Мать, не считайте, что вы в безопасности. Давид был очень святым, а смотрите, каким стал Соломон. Не полагайтесь ни на затвор, ни на дела покаяния, ни на посто-

янные беседы о Боге, ни на пребывание в молитве, ни на удаление от мирской суеты, ни на то, что вам мнится, будто вы ее презираете. Все это хорошо, но этого мало (как я уже говорила вам), чтобы избавиться от всякого страха. Храните в памяти и постоянно повторяйте стих: «Блажен муж, боящийся Господа»!

5. Я очень отвлеклась и не помню, о чем говорила, а когда вспоминаю о себе, у меня крылья опускаются и я не могу сказать ничего хорошего, вот и не хочу больше говорить. Итак, возвратимся к тому, что я говорила о душах, которые вошли в третью обитель. Господь оказал им великую милость, помог им пройти начальные трудности. Наверное, таких душ немало; по милости Господней они очень хотят не оскорблять Господа, избегают даже мелких грехов, любят покаяние, проводят часы в размышлении, употребляют время с пользой, творят милосердие на благо ближних, скромны в разговорах и одежде, хорошо управляют домом, если он у них есть. Поневоле позавидуешь им – так и кажется, что ничто не помешает дойти до сокровенной обители, и Господь не откажет им, если они туда стремятся, ибо расположение их – как раз такое, чтобы Он оказал им всякую милость.

6. О Иисусе! Кто скажет, что не желает такого блага, особенно если он уже миновал самое трудное? Наверное, никто. Мы все говорим, что хотим его обрести, но, чтобы Господь совсем овладел душою, одних слов недостаточно, как было с юношей, которого Господь спросил, хочет ли он стать совершенным³³. С тех пор как я начала говорить об этих обителях, я все время его вижу, ибо мы именно такие и потому, обычно, ничего не чувствуем на молитве, хотя бывают и другие причины. Я говорю не о тех нестерпимых душевных муках, которые терпят безвинно многие добрые души, пока Господь не избавит их, и с большим прибитком, и не о тех, кто страдает меланхолией или другими болезнями; в конце концов, никогда не надо пересуживать суды Божьи. Я имела в виду самое простое, самое частое:

такие души видят, что ни за что не согрешат по своей воле даже в самом малом; что и время свое и добро употребляют на благо ближним – и не могут вытерпеть, что перед ними закрыта дверь, ведущая в покой Царя, чьими слугами они себя справедливо считают. Однако и земной царь, у которого много слуг, пускает не всех в свои покои. Входите, входите, доченьки, внутрь себя; не останавливайтесь на том немногом, что сделали, ибо вы, христианки, должны сделать все это и гораздо больше, и с вас хватит, что вы служите Богу. Не стремитесь получить столько, чтобы остаться ни с чем. Посмотрите на святых, вошедших в царский покой, и увидите разницу между ними и нами. Не просите того, чего не заслужили, и не думайте, что мы, оскорблявшие Бога, достойны того, что и они.

7. О, смирение, смирение! Не знаю, в какой уж соблазн я впала, что все думаю: вот люди столько возятся со своим нечувствием, а это ведь, хоть немного, и от того, что нету смирения. Здесь я говорю не о тех великих внутренних муках, о которых я говорила, – там много больше, чем недостаток умиления. Испытаем сами себя, сестрицы, или пусть Господь нас испытывает, Он-то это умеет, хотя мы сами зачастую не хотим этого понять. Вернемся же к благоразумным душам и посмотрим, что они делают для Бога и увидим, как несправедливо сетовать на Него. Он говорит нам, что нужно, чтобы стать совершенным, а мы поворачиваемся к Нему спиной и отходим с печалью, как Евангельский юноша; что же Ему делать, по-вашему, если Он воздает по любви к Нему? Любовь эту, доченьки, не воображение рождает, а доказывают дела. Впрочем, не подумайте, что Богу не нужны наши дела – Он ищет в нас благого намерения.

8. Может показаться, что мы сделали все, облачившись по своей воле в монашескую одежду и отказавшись ради Бога от мирской суеты и нашего имения, хоть бы оно было не больше, чем невод апостола Петра – ведь тому, кто отдает все, и это покажется многим. Это хорошее располо-

28

жение, если душа ему не изменит и не вернется к гадам из первых комнат, ну пусть – не хочет вернуться; если она упорствует в отрешенности от всего, она, конечно, достигнет своей цели. Однако напомним вам, что есть и условие: надо считать себя нерадивым слугой, как сказал нам апостол Павел или Сам Христос³⁴, и верить, что Господь никак не обязан оказывать нам милости, скорее наоборот – Чем больше кто получил от Него, тем больше Ему задолжал³⁵. Что можем мы сделать для такого щедрого Бога, Который и умер за нас, и сотворил нас, и хранит? Как не счесть себя счастливыми, если можешь отдать хоть малость за все, чем мы Ему обязаны, и за все, чем Он послужил нам (пишу это слово неохотно, но так уж оно есть, Он ведь ничего другого не делал, пока жил в этом мире); а мы все просим у Него новых милостей и утешений!

9. Подумайте хорошенько о том, что я сейчас говорила, хотя и бестолково, а ведь иначе не умею. Господь даст вам разумение, чтобы вы через бесчувствие на молитве обрели смирение, а не тревогу, которой добивается бес. Не сомневайтесь, если есть истинное смирение, Господь, быть может, не пошлет особых даров, но даст мир и послушание, которые дадут больше радости, чем дают иным особые дары. Часто – вы сами об этом читали – Бог посылает их самым слабым, и я думаю, они их не променяют на крепость тех, кто пребывает в бесчувствии. Мы больше любим радость, чем крест. Испытай же нас, Господи, Тебе ведь ведома вся правда, и дай нам познать самих себя.

ГЛАВА II

в ней говорится о том же и о сухости на молитве и о том, что, по ее мнению, тут может случиться, и о том, как надо себя испытывать, и как испытывает Господь тех, кто находится в этих обителях.

1. Я знала людей, даже немало людей, достигших такого состояния, которые, насколько дано нам судить, много лет

жили в праведности, в ладу душой и телом, и уже достигли если не господства над миром, то хотя бы совершенного в нем разочарования, но тут Господь испытывал их какой-нибудь малостью, и они так метались, так томилась, что я приходила в недоумение и очень боялась за них. Советы ничего не дадут им, они ведь долго толковали о добродетели и потому им кажется, что это они должны учить других и что у них-то есть причины для страданий.

2. Так я не нашла никакого средства и не знаю, как утешить таких людей, разве что очень сочувствовать их горестям (их и впрямь жалко) и с ними не спорить, ибо все укрепляет их в мысли, что страдают они ради Бога, и потому они никак не поймут, что дело тут в несовершенстве. Вот еще одно обольщение для людей, ушедших так далеко на пути добродетели; не надо удивляться, что они страдают, хотя, по-моему, надо пройти побыстрее такие нестроения. Очень часто Бог хочет, чтобы Его избранники сознали свою немощь, и Он оставляет их немного без Своей помощи – не больше, чем нужно для того, чтобы они поскорее себя узнали. Вскоре они понимают, что это – испытание, ибо хорошо видят, чего им не доставало, а иногда они скорее страдают от того, что еще чувствительны к земным неудачам, даже самым малым, чем от самой причины огорчения. Это, по-моему, великая милость Божья, ибо ошибка много дает смирению.

3. С теми же, о ком я говорю, все иначе: они считают святыми свои страдания и хотят, чтобы и другие так думали. Расскажу один такой случай, чтобы мы поняли друг друга и испытывали самих себя прежде, чем Господь испытает нас, ведь очень полезно приготовить заранее, чтобы познать себя.

4. Богатый человек без детей и наследников потерял часть имения, но у него осталось достаточно для себя и для хозяйства – даже больше, чем надо. Если он потеряет покой, словно у него нет хлеба, как попросит его Господь, чтобы он оставил все и последовал за Ним? Здесь Он ска-

жет, что страдает, ибо не сможет помогать бедным. Мне кажется, что Господу важнее наша покорность Его воле и мир душевный, чем такое милосердие. Если человек не помогает ближним, потому что Господь его не сподобил, – ну и Бог с ним; только бы он понял, что ему не достаёт свободы духа, и Господь ее даст, ибо он о ней попросит.

У другого человека очень много всего, просто столы ломаются, но ему предложили приобрести ещё что-то. Возьмет он, если дают – ну и хорошо, только бы потом не хотел все больше и больше. Иначе при самых лучших намерениях (а они хорошие – это ведь, как я сказала, люди молитвенные и добродетельные) ему не подняться до обителей, которые близко от обители Самого Царя.

5. То же самое бывает, когда им окажут хоть небольшое пренебрежение или заденут их честь. Бог даёт им благодать перенести это терпеливо, Он любит поддерживать добродетель на людях, чтобы она не пострадала, а они ведь и служили Ему, а Он, Благо наше – благ; и все-таки они беспокоятся, что их мало ценят, и это не проходит скоро. Господи, да они ли столько думали о страстях Христовых, о пользе страданий и о том, как они хотят пострадать? Они желали, чтобы все брали с них пример и дай то Бог им не свалить свою вину на других, а себе ее вменить в заслугу!

6. Вы подумаете, сестрицы, что это все некстати, и к вам не относится, тут ничего такого не бывает, у нас ведь нет ничего, мы ничего не хотим, ни о чем не печемся, и никто не оскорбляет нас. Поэтому примеры неуместны; а указывать на это нехорошо и незачем; но из них можно вывести много такого, что имеет отношение и к нам. Вы поймете, от всего ли вы отказались, ибо вам представляются случаи, хотя и другие, испытать себя и понять, победили ли вы свои страсти. Поверьте мне, дело не в том, носим ли мы монашескую рясу или нет, а в том, стараемся ли мы упражняться в добродетели и покорны ли мы во всем воле Божьей, согласна ли с ней наша жизнь и не хотим ли мы, чтобы исполнялась наша воля, а не Божья. Если мы еще не дошли до

этого, будем помнить, как я уже говорила, что смирение – елей для наших ран. Если оно поистине есть, врач наш, Господь, придет, иногда – нескоро, и нас вылечит.

7. Дела покаяния у таких душ так же налажены, как и вся их жизнь. Они очень хотят послужить нашему Господу и ничего плохого в этом нет, но соблюдают большую рассудительность, чтобы не повредить своему здоровью. Не бойтесь, что они уморят себя, у них достаточно благоразумия а любви не хватает, чтобы победить рассудок. Я желала бы, чтобы она была у нас, и мы служили Богу иначе, шли вперед быстрее, а то мы никогда не дойдем до конца пути. Поскольку, на наш взгляд, мы идем и устаем (это ведь путь нелегкий), хорошо, если мы не заблудимся. Не кажется ли вам, сестрицы, что если из одной страны в другую можно пройти дней за восемь, разумно ли потратить на это целый год из-за снега, и ветра, и дождя, и плохих дорог? Не лучше ли пройти этот путь сразу, несмотря ни на что, даже на ядовитых гадов? О, сколько добрых советов могла бы я дать вам! И дай то Бог, чтобы я сама ушла дальше; мне часто кажется, что этого нет.

8. Поскольку мы идем вперед так осторожно, все тяготит нас, мы всего боимся, и не смеем продвинуться дальше, словно мы достигнем последних обитателей, а идти будет кто-то иной. Это невозможно, так что, сестрицы, постараемся уж из любви к Господу, предадим Ему нашу рассудительность и наши страхи, забудем нашу врожденную немощь, которая может принести много хлопот. О плоти нашей пусть пекутся настоятели, это их дело, а наше – побыстрее идти, чтобы узреть Господа. Тут у нас мало, а то и совсем нет утешений, но забота о здоровье может прельстить нас, хотя от тревог оно лучше не станет, это уж я хорошо знаю. Еще я знаю, что дело не в том, печемся ли мы о плоти, это значит меньше всего, главное – идти с большим смирением. Надеюсь, вы поняли, что именно его недостаток мешает нам продвинуться вперед. Будем же думать, что мы прошли очень мало, и отстаем от наших сестер, а также –

будем не только желать, но и добиваться, чтобы нас считали самыми недостойными из всех.

9. Тогда духовное наше состояние будет просто прекрасным; иначе же мы останемся на одном месте, страдая и горюя. Ведь мы не отвергли себя, значит – путь очень труден и тяжок, мы несем мирское бремя бед, от которого свободны достигающие других обителей. Там Господь не преминет вознаградить по правде, да и по милости, ибо Он всегда дает нам не по нашим заслугам, а гораздо больше, и утешения Его несравненно лучше, чем в мире со всеми его уладами. Не думаю, чтобы Он часто давал «улады»; Он ведь просто показывает нам, что в других обителях, дабы мы пожелали войти в них.

10. Вам может показаться, что «улады» и «утешения» – это одно и то же, и тогда зачем я их различаю? По-моему, разница есть, и очень большая, хотя я могу и ошибиться. Что я об этом думаю, я скажу вам после, в четвертой обители, которая следует за этой, ибо там мне придется говорить об уладах и радостях, которые Господь дает здесь, это будет уместнее. Вроде бы это бесполезно, но может кому-нибудь пригодиться, ибо, различая их, вы постараетесь достичь лучшего, а кроме того, это очень утешит тех, кого Бог довел дотуда, и смутит тех, кому кажется, что они всего достигли, если же они смиренны, подвигнет на благодарение Богу. При недостатке же смирения они огорчатся без всякого повода, ибо совершенство не в утешениях, а в силе любви, а воздаяние – тому, кто лучше трудится в духе правды и истины.

11. Вы спросите, стоит ли рассуждать об этих духовных уладах и объяснять, какие они, если все это правда (а так оно и есть)? Сама не знаю; спросите лучше того, кто велел мне писать, потому что я должна не спорить со старшими, а слушаться их. Одно могу сказать точно: когда у меня этого не было, и я ничего не знала по опыту, и не надеялась даже узнать в этой жизни (и была права, ибо хватит с меня узнать или предположить, что я хоть чем-то угодила Богу),

так вот, когда я читала о благодатных милостях и утешениях, которые Господь посылает Своим слугам, я очень радовалась и это побуждало меня горячо прославлять Его. Если я, недостойная, так делала, как же восславят Его добрые и смиренные души! А если хоть одна восхвалит Его, это, мне кажется, сказать стоит, как и для того, чтобы мы поняли, какую радость мы теряем по нашей вине. Если эти утешения – от Бога, они несут с собою любовь и силу, а те помогут душе легче продвигаться вперед и возрастая в подвигах и добродетелях. Не думайте, совсем немало, чтобы мы делали, что в наших силах, ибо Господь справедлив, и если мы сделали все, Он даст нам другим путем то, что отнял на этом, ибо пути Его непостижимы, но, без всякого сомнения, Он сделает именно то, что нам подобает.

12. По-моему, тем из нас, которые, по милости Божьей, находятся на этой ступени, было бы очень полезно стремиться к полному послушанию (как я уже говорила, это милость, потому что они могут подняться выше). Даже если они не монашеского звания, было бы очень хорошо, если они, как многие люди, посоветуются с кем-нибудь, чтобы не поступать ни в чем по собственной воле, ибо именно так мы обычно себе вредим, и притом искали не такого советника, который им по духу, то бишь слишком боязлив, а просили совета у тех, кто отрешился от всего мирского, ибо, зная подобных людей, лучше познаешь себя и поймешь, что казавшееся нам невозможным на самом деле возможно и даже легко. Пример ободряет и, видя, как летают другие, мы летим, подобно птенцам, которых обучают родители: они подражают им понемногу, прежде чем отважиться на большие полеты. Это очень полезно, я-то знаю. Как бы твердо ни решил человек не оскорблять Бога, будет совсем хорошо, если он избегает таких случаев. Ведь он еще близко к первой обители и может с легкостью в нее вернуться. Крепость их не стоит на твердой земле, как у тех, кто уже закален в страданиях и знает, что не надо бояться морских бурь и желать мирских наслаждений. Вполне возможно,

что им не устоять под напором искушений – ведь бес, нам на беду, умеет строить козни – и, ревностно стремясь исправить чужие грехи, они вернутся назад.

13. Давайте же смотреть на свои грехи, и забудем о чужих, ибо такие осмотрительные люди всего пугаются, тогда как может случиться, что тот, кто испугал нас, способен научить самому главному. Можем мы и превзойти их поведением и манерами, и это хорошо, но не важнее всего. Не зачем желать, чтобы все шли нашим путем или наставлять других в духовном делании, не зная толком, что это такое. Мы хотим облагодетельствовать других, и это от Бога, но можем наделать множество ошибок. Поэтому лучше всего придерживаться правила нашего Устава: «стараться жить в молчании и надежде»³⁶, а Господь Сам позаботится об этих душах. Если мы прилежно молимся о них, мы принесем им достаточно пользы по милости Божьей, да будет Он благословен во веки веков.

ОБИТЕЛЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(в ней три главы)

ГЛАВА I

где говорится о разнице между отрадой, усладой и умилением в молитве и о том, как хорошо, что разум – иное, чем воображение. Это очень полезно для тех, кто часто отвлекается от молитвы.

1. Дабы заговорить о четвертой обители, нужно сделать, что я сделала – предать себя Святому Духу, прося, чтобы Он говорил вместо меня, иначе я не скажу ничего вразумительного. Ведь тут идут уже вещи сверхъестественные, их очень трудно объяснить, если Господь не поможет. В другой моей книге я написала четырнадцать лет назад то, что более или менее поняла. Теперь я вроде бы немного лучше понимаю милости, которые Господь посылает некоторым душам, но и рассказать о них труднее. Да поможет мне Бог принести хоть какую пользу, а если нет, так нет.

2. Поскольку эти обители ближе к покою Царя, они очень красивы, в них увидишь и поймешь столько прекрасного, что не хватит умения хоть что-нибудь описать тем, кто ничего не знает по опыту; а те, кто знает, прекрасно меня поймут, особенно если опыт у них большой.

Вам может показаться, что для того, чтобы достигнуть этой обители, надо много времени провести в предыдущих; обычно и вправду нужно побыть в тех, о которых мы говорили, но это не твердое правило, как вы уже не раз слышали; ведь Господь дает Свои милости когда хочет, как хочет и кому хочет, никого не обижая³⁷.

3. В четвертую обитель редко проникают ядовитые твари, если же и проникнут, они не причинят вреда, это скорее на пользу. Мне кажется, гораздо лучше, чтобы они появлялись и вступали в брань на этой ступени молитвы, ибо ког-

да совсем нет искушений, бес может обмануть нас, под видом утешения от Бога, и повредить больше, чем если бы они были. Если он не обретет эту душу, он хотя бы отнимет все то, что можно поставить ей в заслугу, и оставит ее в постоянной растерянности. А когда это есть, мне кажется, Дух Господень не сможет пребывать в нас в нашем изгнании.

4. Итак, поговорим о том, что я обещала здесь сказать, – о разнице между отрадой в молитве и духовной усладой. Мне кажется, отрадой можно назвать то, что мы получаем, когда размышляем и молим о чем-нибудь Господа; она идет от нашего естества, хотя в конце концов дается не без помощи Божьей; это нужно подразумевать во всем, что я скажу, потому что без Бога мы ничего не можем. Получаем мы отраду и от добрых дел, которые мы творим, и нам кажется, что мы приобретаем ее своим трудом и по справедливости довольны, что занялись такими делами. Но, если подумать, такую же отраду мы получаем от многого другого, что случается с нами на земле: если кому-нибудь вдруг достанется большое богатство; если мы неожиданно встретим того, кого любим; если нам удастся важное и большое дело, которое все одобряют; если женщина увидит живым мужа, брата или сына, хотя говорили, что он умер. Я видела, как проливали слезы от большой радости; иной раз случалось это и со мной. Мне кажется, радости эти естественны; естественны и те, которые мы получаем от дел Божьих, только они намного благороднее, хотя и первые не так уже плохи. В конце концов все они берут начало от нашего естества и завершаются в Боге.

Духовные же улады берут начало в Боге, а воспринимает их наше естество, доставляя нам такую же радость, как и те, о которых я говорила, и даже еще большую. О Господи Иисусе, как бы я хотела толком сказать все это! Я ведь, вроде бы, вижу, в чем тут разница, а объяснить не могу. Пусть объяснит Господь.

5. Я сейчас вспомнила стих, который мы произносим на чтении Первого часа, кончая первый из псалмов: «Когда

Ты расширишь сердце мое...». У кого есть духовный опыт, тем этого хватит, чтобы увидеть, какая тут разница, а для тех, у кого его нет, этого мало. Отрады, о которых я говорила, не расширяют сердце; напротив, обычно кажется, что оно немного сжалось, хоть и отрадно видеть то, что делается для Бога; появляются даже печальные слезы, словно вызванные какой-то страстью. Я мало знаю о душевных страстях; не будь я такой несведущей, я могла бы, наверное, объяснить, что здесь от чувствительности, и что от нашего естества. Тогда я смогла бы это объяснить – ведь если бы я это испытала, я бы и поняла. Знать и учиться очень полезно.

6. А вот по опыту я знаю об утешениях и отраде при молитвенном размышлении, поскольку, размышляя над Страстями, я начинала плакать и не могла остановиться, пока не трещала от боли голова. Когда я думала о своих грехах, бывало то же самое. Это большая милость Божия; но сейчас я не хочу разбирать, что лучше, только хотела бы объяснить, какая тут разница. Иногда этим слезам и желаниям помогает наше естество и душевное расположение, но в конце концов, как я уже сказала, они возвращаются к Богу. Их надо очень ценить, если достанет смирения понять, что мы из-за этого не стали лучше других. Ведь не всегда мы можем понять, от любви ли все это, а если от любви – значит, от Бога.

Большей частью души испытывают это в предшествующих обителях, ибо почти непрестанно пытаются там понять себя, а потому погружены в размышления; и хорошо делают, если им не дано большего, хотя порою еще лучше было бы раз от разу прославить Бога, восхвалить Его милосердие и Самую Его суть, и устремиться к Его славе – это уж как кто может, ибо так пробуждается воля. Только пускай будут очень внимательны, когда Господь пошлет им все это, и не упустят ради своих обычных размышлений.

7. Поскольку я много говорила об этом в другом месте, здесь ничего не скажу. Только хочу предупредить вас: что-

бы преуспеть на этом пути и подняться к другим обителям, надо не много размышлять, а сильно любить; поэтому делайте все то, что побуждает нас любить больше. Может быть, мы еще не знаем, что такое любить, я ничуть не удивлюсь; ведь дело тут не в большей радости, а в том, чтобы мы твердо решили и желали во всем угождать Богу, стараться, сколько можем, не оскорблять Его грехами, молить Его о прославлении и почитании Его Сына и возрастании Католической Церкви. Вот признаки любви, но не думайте, что нельзя подумать и о другом и вы все утратите, если немного отвлечетесь.

8. Иногда я очень горевала от суматохи в мыслях, и только года четыре с лишним, как на собственном опыте поняла, что думать (или воображать, так будет понятней) – не то же самое, что разуметь. Я спросила одного ученого человека, а он сказал мне, что это именно так, и я очень обрадовалась. Разум – одна из способностей души, и мне было тяжело, что он – иногда в таком смущении, воображение сразу улетает и только Бог может обуздать его, когда Он притягивает нас к Себе так, что нам кажется, будто мы в некотором роде освободились от тела. Мне казалось, что я чувствую, как душевные силы устремляются к Богу и собираются в Нем, но мысли путались, и я становилась какой-то глупой³⁸.

9. Господи, зачти нам, сколько мы терпели на этом пути, потому что мало знаем! Вот беда, ведь мы и не думаем, что надо знать хоть что-то, кроме как помышлять о Тебе, и потому – не умеем спросить у тех, кто это знает, и даже не понимаем, о чем их спрашивать. Мы испытываем страшные мучения, не понимая самих себя, и принимаем за большой грех не то, что плохо, а то, что хорошо. Многие люди, которые пробуют молиться, сетуют на то, что им плохо и очень трудно (чаще всего они совсем необразованные). Поэтому они впадают в уныние и хворают, а то и бросают молитву, ибо не знают и не думают, что внутри у них – особый мир. Точно так, как мы не можем задержать движение

небес, и они летят с большою скоростью, не можем мы удержать и наши мысли, все остальные силы души сразу устремляются за ними, и нам уже кажется, что мы погибли, и плохо растратили время, которое проводим перед Богом. Но душа, быть может, – с Ним, в самых близких к Нему обителях, а воображение томится в окрестностях замка, среди тьмы свирепых и ядовитых тварей, заслуживая себе прощение через эти муки. Итак, не тревожьтесь из-за этого и не бросайте все в угоду дьяволу. Почти все наши беспокойства и терзания – от того, что мы не понимаем себя.

10. Я это пишу, а в голове у меня – тот шум, о котором я говорила вначале, и я еще думала, что не смогу написать то, что мне велели. Прямо как будто в ней много рек и водопадов, и много птичек свистит, только не в ушах, а наверху, где, говорят, высшая часть души. Я долго думала, что это дух сильно стремится вверх. Дай мне Бог не забыть и сказать в других обителях, в чем тут дело. Здесь это не к месту. Может, Господу было угодно послать мне головную боль, чтобы я лучше все поняла, потому что весь этот шум не мешает мне ни молиться, ни писать, душа вся целиком пребывает в мире, и в любви, и желании, и ясном познании.

11. Если высшая часть души – в верхней части головы, почему это не мешает? Этого я не знаю, зато знаю, что сказала правду. Когда молишься непрерывно, голова болит, но от этого совсем не плохо; а вот плохо, если бы из-за этой помехи я молитву оставила. Нехорошо, чтобы нас смущало воображение, это все неважно: ведь если это от дьявола, то он отстанет, если же от нашей немощи, которую мы унаследовали от Адама со многими другими слабостями – перетерпим, перенесем из любви к Богу. Нам ведь приходится есть и спать, ничего не поделаешь, а это трудно.

12. Поймем же нашу слабость и устремимся туда, где нас «не осуждали бы»³⁹. Иногда я вспоминаю, что слышала эти слова, их говорит Невеста в «Песне песней»; и впрямь, в нашей жизни нет ничего, что можно бы сказать с большим основанием, ибо, мне кажется, все осуждения и все испыта-

ния наши – ничто в сравнении с этой духовной борьбой. Можно перетерпеть любые горести и любую брань, если мы находим мир в своем доме, как я уже говорила; но если мы хотим отдохнуть от мирских тревог и Сам Господь желает приготовить нам отдых, а препятствие этому в нас самих, то это очень тяжело, почти непереносимо.

Поэтому, Господи, приведи нас туда, где нас не оскорбят наши слабости; ведь иной раз кажется, что они глумятся над нашей душой.

Однако и в этой жизни Господь от этого освобождает, когда душа поднимается к последней обители. Об этом я еще скажу, если Богу будет угодно.

13. Эти недуги не на всех будут нападать и мучать многие годы, как мучали меня, из-за моих пороков, словно я мстила сама себе. Мне было очень тяжело, и я думаю, что было бы тяжело и вам, вот и повторяю много раз, чтобы вы хоть один раз поняли, как это бывает, и не испугались, не загоревали. Пускай мельница трещит, а мы будем молотить муку, и пускай работают воля наша и разум.

14. Помеха эта то больше, то меньше, смотря по здоровью и по другим обстоятельствам. Пусть же страдает бедная душа, хоть она в этом и не виновата, зато виновата в другом, так что потерпим. Мало нам того, что мы читаем и того, что нам советуют – чтобы мы не обращали внимания на такие помехи; да и знаем мы мало, вот почему мне кажется, что я трачу время не напрасно, объясняя все это и утешая вас. Пока Господь не соблаговолит просветить нас, все это принесет не много пользы, и все-таки очень нужно, и Господь этого хочет, чтобы мы как только можем, познавали самих себя, и не обвиняли свою душу в том, что идет от больного воображения, от естества и от козней дьявола.

ГЛАВА II

где продолжается то же самое и объясняется с помощью сравнений, что такое услада или духовная радость и как ее достигнуть

1. О Господи милостивый, Боже, за что я только взялась! Я забыла уже, о чем говорила, ибо из-за дел и здоровья отложила все до лучших времен, а поскольку память у меня плохая, выйдет как-то бестолково, я ведь это не перечитала. А может, вообще несвязно, что я говорю; во всяком случае, так мне кажется.

Вроде бы мне осталось сказать о духовных утешениях. Иногда они облакаются нашими страстями, и мы плачем навзрыд, а от некоторых я слышала, что у них сжимает грудь, и еще они мечутся, не могут остановиться, да так, что порой идет кровь из носа и бывают всякие другие болезни. Об этом ничего не знаю и не скажу, со мной такого не было, но утешение, наверное, остается, ибо, как я уже говорила, все дело в том, желаем ли мы угодить Богу и наслаждаться Его Величием.

2. То, что я называю «усладами от Бога», а в другом месте называла спокойной молитвой⁴⁰, совсем иного рода, как знают те из вас, кто по милости Божией это испытал. Чтобы все это лучше понять, представим себе два водоема, наполненные водой, я не найду лучшего сравнения для этих духовных понятий, чем вода, я ведь знаю мало, ум не помогает мне, а я ее очень люблю и смотрела на нее внимательней, чем на что иное. Поистине во всем, что создал такой великий, такой мудрый Бог, непременно есть великие тайны, из которых мы можем извлекать пользу, это и делают те, кто понимает. Каким бы ни было малым создание Божие, в нем намного больше, чем мы в силах понять, будь это даже муравей.

3. Итак, два водоема наполняются водой по-разному. В один вода течет издалека по разным акведукам и трубам.

Другой стоит у самого источника и наполняется бесшумно. Если источник обильный, как тот, о котором мы говорим, то когда водоем наполнится, вода течет из него широким потоком, не нужно никаких приспособлений, вода и так все время прибывает.

4. Во второй водоем вода течет из самого источника, то есть от Бога, и когда Всевышний соблаговолит послать нам какую-нибудь сверхъестественную благодать, Он изливает ее очень мирно, тихо, кротко, из самых наших глубин. Не знаю уж, куда и как течет эта вода и какую радость ощущает сердце (это в начале, потом она все наполнит), пока не проникнет во все обитатели, и не достигнет тела. Потому я и говорю, что она исходит от Бога, а завершается в нас. Ведь всякий, кто это испытал, знает, что радостью и тишиной наслаждается весь наш внешний человек.

5. Писала я это и смотрела, что в том стихе: «Расширил сердце мое», тоже говорится, что сердце расширяется; но я думаю, что все это зарождается не в сердце, а где-то поглубже, в самой глубине. Наверное, это сердцевина души, я позже поняла и потом скажу; ведь в нас самих я вижу такие тайны, что страшно становится. Сколько же их там еще! О Господи, Боже мой, как велико Твое величие! А мы тут, как дурочки, – вроде про Тебя что-то поняли, да ничего и нету, своих великих тайн понять не можем. Я говорю – ничего и нету, потому что в Тебе очень-очень много, а не потому, чтобы мы совсем Твоего величия не видели, что-то мы все же постигаем.

6. Возьмем опять стих, который, мне кажется, помогает объяснить, что это за расширение сердца. Так вот, по-моему, только потечет небесная вода из источника, то есть из нашей глубины, все наше нутро как будто растет и расширяется, и такая приходит радость, что не выразишь, и сама душа не понимает, что же это такое. Ощущает она, скажем так, благоухание какое-то, словно в этой глубине есть жаровня, а на ней – душистые благовония. Света нет, где это все – не видно, но тепло и благовонный дым проникают во

всю душу, а часто, как я сейчас говорила, даже и в тело. Вы поймите, ни жара нет, ни запаха, это все куда тоньше, я просто хочу получше объяснить. Пускай поймут те, с кем такого не бывало, ведь это и впрямь вот так, и мы так это чувствуем, даже яснее, чем я теперь рассказываю. Такое не привидится, ведь своим старанием такого не добьешься; вот и видно, что это – не из нашего металла, а из чистейшего золота Божьей премудрости.

Тут, как мне кажется, силы души еще не соединились, их как бы затопило, а они сами испугались и смотрят, что же это с ними.

7. Может быть, о таких глубинах я сама говорю не то, что раньше говорила. Что же удивительного, я писала почти пятнадцать лет назад; может, Господь больше просветил меня, чем прежде. Я и теперь, и тогда могу во всем ошибаться – но не лгать, ибо, по милости Божией, лучше бы тысячу раз умерла. Говорю, что понимаю.

8. Воля наша, мне кажется, должна соединиться как-то с волей Божией. Однако все эти истины о молитве лучше всего узнаются по делам и по плодам, нет лучшего горнила, чтобы их проверить. Великая милость Божия, если тот, кто получит такие дары, их узнает, и еще большая, если он не повернет назад.

Вы, доченьки, хотели бы уже сейчас достичь такой молитвы, и вы правы, ибо, как я сказала, душа не сразу понимает то, что дает ей Господь, с какой любовью Он приближает к Себе, вот вы и хотите знать, как достигнем мы этой милости. Я вам скажу, что сама поняла.

9. Оставим пока те случаи, когда Господь это делает просто потому, что такая Его милость. Тут Он знает причину, не нам в это вмешиваться. Сделали все, что было в первых обителях, и смиримся, смиримся! Господь дает смирению побудить Его Самого, чтобы Он нам дал то, чего мы от Него хотели. А смущение у нас есть, это первым делом видно по тому, что мы и не думаем, будто заслужили эти блага и радости от Господа и не ожидаем их в этой жизни.

Вы мне скажете, как жё этого достигнуть, если не добиваться? А я отвечу, что лучше всего, как я сказала, не добиваться, и вот почему: во-первых, тут важнее всего любить Бога бескорыстно; во-вторых, немножко несмиренно думать, что через наши жалкие заслуги мы можем столь многого достигнуть; в-третьих, чтобы получить все это, надо желать страдания и подражания Христу, а не радостей, мы Его даже обижаем; в-четвертых, Господь не обязан их давать, как не обязан нас прославить, если мы соблюдаем Его заповеди, мы и без утешений можем спастись, а Ему виднее, что нам подобает и кто Его по правде любит. Это уж точно, я знаю, и людей таких знаю, которые идут путем любви, как и нужно, чтобы служить своему Распятому Христу, а утешений не просят и не желают, даже молят не посылать их в этой жизни. Так оно и есть. В-пятых, мы все равно трудились бы напрасно, ведь эта вода не течет по каналу, так что если Сам Источник не пожелает ее доставить, незачем изнурять себя. Я хочу сказать, сколько бы мы ни размышляли, сколько бы себя ни принуждали, ни плакали, вода не прибудет. Она дается тому, кого Бог любит, и тогда, когда душа об этом и не заботится.

10. Мы, доченьки, – Его, Боговы, вот пускай Он и делает с нами, что хочет, и ведет нас, куда пожелает, только бы мы Ему служили. Я так думаю, если кто и впрямь смирится и откажется (я говорю «и впрямь», то есть не только в мыслях, нам ведь часто мерещится, что мы отказались от всего), так вот, если кто смирится, Господь не лишит этой милости, а также и многих других милостей, которые мы даже пожелать не сумеем. Да будет Он благословен во веки! Аминь.

ГЛАВА III

где говорится о том, что такое сосредоточенная молитва, которую Господь обычно дарует прежде той, о которой уже говорилось; о ее плодах, обо всем, что еще осталось сказать про духовные радости, которые дает Господь.

1. Плодов от этой молитвы много; о некоторых я скажу, но сперва скажу о другом роде молитвы, который идет раньше, а поскольку я уже о нем говорила, здесь будет совсем мало. Сосредоточенная молитва, на мой взгляд, – сверхъестественная, ведь ты и не в темноте, и глаз закрывать не надо, ничего внешнего нету, а все-таки не хочешь – закроешь глаза и пожелаешь уединения⁴¹. Без всяких ухищрений возводится здание, о котором я говорила, все эти чувства и все внешнее уходят как будто сами собой, ибо душа обретает свое, которое потеряла.

2. Говорят, что «тыходишь в себя», а иногда что ты «поднимаешься над собой». Такими словами я ничего не объясню, и очень жаль, если только мне самой понятны те слова, которыми я сумею это высказать, чтобы вы меня поняли. Представим себе, что эти чувства и способности (я уже говорила, что это – люди из замка, я такое сравнение взяла, чтобы хоть как-то объяснить), так вот, что они вышли и много дней и лет знают с чужими людьми, которые не хотят этому замку добра. Увидели они, что дело плохо, и вернулись, приблизились, а войти не решаются, отвыкли, но они уже не изменники и ходят вокруг замка. Великий Царь, живущий в замке, видит их доброе желание и по своей милости хочет вернуть их к себе, зовет, как Добрый Пастырь, свищет так нежно, что они его почти не слышат, но Он помогает им распознать его голос, чтобы они не бродили одни, а возвращались в его обитель. И такая сила в этом посвисте, что они покидают все внешнее, из-за которого ушли от себя, и возвращаются в замок.

3. Кажется, я никогда не объясняла так хорошо; ведь чтобы искать Бога внутри (а там Его легче найти, чем в созданиях, и для нас полезней, так говорил святой Августин, который Его там обрел, а долго искал повсюду). Так вот, чтобы искать Бога внутри, такая милость Божья – большая помощь. Только не думайте, что тут поможет разум, если мы возомним, что Бог в нас, или воображение, если мы представим Его в себе. Такое размышление – очень хорошее, даже превосходное, потому что оно основано на истине, Бог ведь и впрямь в нас; это каждый может делать (конечно, как и все, с помощью Божией), но то, о чем я сейчас говорю, – совсем другое. Очень часто люди уже в замке, а они еще о Боге и не подумали; уж и не знаю, как и где они услышали посвист Пастыря. Конечно, не слухом, тут ничего не слышно, это в душе что-то тихо сжимается; у кого это было, тот поймет, я лучше не объясню. Кажется, я читала, что так сжимается еж или черепаха, когда они как бы уходят в себя⁴², и тот, кто это написал, видно, знал, в чем тут дело. Но они уходят в себя, когда захотят, а мы – когда Богу угодно даровать нам эту милость. Я так думаю, Господь ее дарует тем людям, которые уже отказались от всего мирского. Я не говорю, что они получают по делам, это невозможно; они получают по желанию, Он ведь и просил, чтобы они были внимательны к тому, что внутри. Вот я и думаю: если мы хотим впустить Бога, Он даст не только это тому, кто попросит что-нибудь еще.

4. Кто ощутит это в себе, пусть благодарит Господа, ведь как тут не заметить милости; а если ты поблагодаришь, ты сумеешь принять и большие дары. Тогда легче услышать; некоторые книги советуют не размышлять, а сосредоточиться, чтобы заметить, что творит Господь в твоей душе⁴³. Но если Господь еще и не начал проникать в душу, не пойму, как сдержат размышление, чтобы оно не причинило больше вреда, чем пользы, хотя и об этом спорили духовные лица; а о себе признаюсь, что мне не достало смирения, потому что их доводы не убеждали меня. Один напомнил

48

мне книгу святого Петра из Алькантары (я думаю, он святой), с которым бы я согласилась, ибо я знаю, что он в этом разбирается. Мы стали читать, а он говорит то же самое, что я, хоть и не такими словами; но из того, что он говорит, понятно, что на этой ступени любовь уже проснулась. Может я ошибаюсь, но вот мои доводы:

5. Во-первых, в этом духовном труде тот, кто меньше размышляет и меньше хочет сделать, делает больше. Делать же надо вот что: просить, как нищие, у великого и богатого Царя, а потом опустить глаза и смиренно ждать. Когда Он своим, тайным путем покажет, что слушает нас, лучше молчать, раз уж Он позволил быть возле, а хорошо бы и не думать, если можешь, конечно. Но если мы еще не почувствуем, что Владыка нас слышит и видит, то это все было бы глупо; когда стараешься ни о чем не думать, душа становится куда суше, а воображение только растревожится из-за таких усилий. Бог хочет, чтобы мы Его просили и чувствовали, что Он тут, а Он Сам знает, что нам дать. Никак не поверю, что наши усилия нужны там, где Он положил пределы и оставил это для Себя; много другого можем мы делать с Его помощью – каяться, трудиться, молиться по нашей немощи.

6. Во-вторых, все это делается тихо и мирно; делать трудное – скорее вредно, чем полезно. Я называю трудным, то, что мы делаем через силу, например – трудно задержать дыхание. Надо предать свою душу в руки Божии, чтобы Он делал с ней, что пожелает; как только можно пренебрегать своим успехом и покориться воле Божией. В-третьих, когда мы стараемся ни о чем не думать, воображение наше может думать особенно много. В-четвертых, Богу важнее и любезней всего, чтобы мы помнили о Его чести и славе и забывали о себе, о нашей пользе, об удовольствии и утешении. А может ли забыть о себе тот, кто так старается, двинуться не смеет и не позволяет ни воображению, ни воле возжелать вящей славы Божией или приобщиться к ней? Когда Всевышний пожелает, чтобы разум наш совсем не

не работал, Он займет его иначе и даст нам свет познания, который превосходит все, чего мы только можем достигнуть сами. Этот свет так поглотит душу, что, сама не зная как, она постигает куда больше, чем при всех своих стараниях, они ей скорее вредят. Бог дал нам способности, чтобы мы ими пользовались, и получали за все вознаграждение, а не просто упивались ими; они должны делать, что им положено, тогда Господь даст им еще большее.

7. Я так думаю, что душе, которую Господь пожелал допустить в эту обитель, лучше всего делать то, о чем я сказала, – по мере сил, без натуги и без шума, приостановить воображение, но не разум, разум пускай напоминает, что она стоит перед Богом и Кто этот Бог. Восхитит ее то, что она почувствовала – пускай, это хорошо; но не старайтесь понять, что ж это такое, ведь это дается по воле Божией. Пускай душа наслаждается и ничего не делает, разве что скажет какие ласковые слова. Чаще всего в таком состоянии мы стараемся совсем ни о чем не думать, но это допустимо лишь на очень короткое время.

8. В начале этой главы я говорила о том, какая бывает отрада при молитвенном размышлении, а уж потом – о сосредоточенной молитве, с которой должна бы начать. Она дает куда меньше духовных радостей (которые, как я говорила, от Бога), но без нее не придешь к такому способу молитвы. Итак, при сосредоточенной молитве не нужно оставлять ни размышлений, ни работы ума. Когда вода идет из родника, а не по акведуку, работа разума умеряется или совсем останавливается, ибо ему не понять того, что хотелось бы. Он блуждает, как у безумного, туда-сюда, и ни на чем не останавливается. Воля крепко удерживает его в Боге, ибо сильно встревожена таким беспорядком, однако она не должна обращать на него внимания: чтобы не утратить многих своих наслаждений, лучше оставить его и остаться в объятиях любви Божией. Господь Сам наставит ее, что ей делать в таком состоянии, а примерно это – вот что: пусть чувствует, что недостойна такого великого блага и горячо благодарит Бога.

9. Повествуя о сосредоточенной молитве, я не говорила о плодах или признаках, которые получают те, кому Господь ее даровал. Так вот, мы явственно чувствуем, как что-то расширяется или поднимается в душе, словно вода прибывает из родника, а уйти не может, однако, источник этот так устроен, что, когда он дает больше воды, он и сам становится больше. Мне кажется, так бывает и при этой молитве, и еще много чудес совершает Бог в душе: Он ее подготавливает, приспособливает, чтобы она все могла вместить. Потому она и возносится, и проявляется это в том, что она уже не связана служением Богу, а свободна, и в том, что она не трепещет от страха перед адом. Она еще больше хочет ничем не оскорбить Бога, но рабской боязни тут нету – она больше уверена в том, что ей уготовано блаженство. Она не боится, как прежде, что заболит от подвигов покаяния – теперь ей кажется, что все возможно с помощью Божией, и она еще больше к покаянию стремится. Немного меньше боится она испытаний, ибо верит и понимает, что если Бог их послал, то Он же поможет Своей благодатью терпеливо их перенести. Порою душа даже хочет их, очень уж хочется ей сделать что-нибудь для Бога. Чем больше она познает Его величие, тем больше презирает сама себя. она извела радости Божьи, мирские ей кажутся сором, она мало-помалу удаляется от них и, удаляясь, все больше овладевает собой. Наконец, она укрепляется во всех добродетелях и возрастает в них, если только назад не повернет; согрешив перед Богом, она все потеряет, даже если была уже на самой вершине.

10. Только не думайте, что Бог дарует эти милости раз другой! Их нужно получать постоянно, и в этом – все наше благо. Тех, кто достиг такого состояния, я должна особенно предостеречь, чтобы они бдели и остерегались случаев, ведущих к греху. Душа еще не выросла, она – как младенец, который только начал сосать; и если отнять его от груди, что ожидает его, кроме смерти? Я очень боюсь, за тех, кому Бог даровал эту милость; если они без особой, исклю-

чительной надобности оставят молитву или не вернуться к ней очень скоро, все пойдет хуже и хуже. Тут есть чего опасаться, я это знаю, знаю таких людей, сама видела, как они оставили Того, Кто с такой любовью отдавал Себя за них и показывал им это на деле. Еще раз предостерегу: избегайте обольщения – дьяволу важнее соблазнить одну из таких душ, чем многие другие, не получившие милостей от Господа, ведь они ему сильно вредят, увлекая за собою других, принося большую пользу Церкви Божией. Достаточно и того, что Господь их особенно милует, чтобы дьявол хотел их погибели. Вот эти души и терпят от него, он на них нападает, и если они поддаются, то падают куда ниже, чем другие.

Вы, доченьки, насколько мы можем судить, свободны от такой опасности. Да избавит вас Бог от гордости и тщеславия, и если дьявол попытается подделать эту милость Божию, вы не обманетесь, ибо в душе будет не так, как я говорила, а наоборот.

11. Еще хочу предостеречь вас от одной опасности, хотя и говорила об этом в другом месте⁴⁴. Она угрожает духовным, т.е. благочестивым людям, особенно женщинам, потому что мы слабее и нам легче впасть в состояние, которое я сейчас опишу. Некоторые женщины слабы здоровьем от подвигов, молитв, бдений и даже без всего этого; вот духовные дары и ослабляют их. Если они испытывают духовное блаженство, телесные силы падают, они слабеют, их как бы клонит ко сну; это – духовная сонливость, но им чудится, что это – духовное исступление, и они поддаются такому опьянению, а я назову это неразумием, от которого только потеряешь время да здоровье.

12. Одна женщина пробыла так восемь часов, не теряя сознания и не помышляя о Боге. Она излечилась, когда стала больше есть и спать, меньше – умерщвлять себя, ибо один человек понял, в чем тут дело; но она ввела в заблуждение и своего духовника, и других людей, и себя саму, хотя и не хотела обманывать. Я думаю, дьявол уж постарался воспользоваться всем этим и извлек немалую выгоду.

13. Нужно знать: когда это вправду от Бога, изнемогаешь и телом, и душою, а душа сильна и чувствует, что Бог близко. Бывает это недолго, очень быстро проходит, и хоть возвращается, – кроме случая, который я описала, – до полного бессилия не доводит; правда, тело совсем ничего не чувствует. Итак, будьте бдительны и, если с вами случится что подобное, скажите настоятельнице и постарайтесь отвлечься, сколько можете. Пускай такая сестра не проводит много часов в молитвенных размышлениях – чем меньше, тем лучше – пускай она спит и ест вволю, чтобы силы вернулись, если тело изнурено от голода и недосыпания. Когда же оно так ослабело, что этого недостаточно, знайте и верьте, что Господь призывает к деятельной жизни. В монастыре есть место для всех. Займите эту сестру разными работами и позаботьтесь, чтобы она не оставалась долго одна, а то совсем потеряет здоровье. Такая жизнь будет для нее большим испытанием, но Господь хочет испытать, любит ли она Его, и как без Него живет. Через некоторое время Он, если Ему угодно, восстановит ее силы; если же нет, устная молитва да послушание принесут ей столько же пользы и заслуг, сколько она получила бы, а может, и больше.

14. Могут быть и слабые рассудком и воображением (я таких знала): все, что придет в голову, они принимают за правду. Это очень, очень опасно; но, даст Бог, мы поговорим об этом потом, не здесь, слишком я разговорилась, описывая эту обитель; ведь я думаю, что больше всего душ входит и природное сочетается в ней со сверхъестественным, а потому дьяволу может нанести самый большой вред. В следующих покоях Господь ему дает меньше свободы. Да будет Он благословен во веки. Аминь.

ПЯТАЯ ОБИТЕЛЬ (содержит четыре главы)

ГЛАВА I

где начинается объясняться, как душа в молитве соединяется с Богом. Говорит о том, как различить, что это – не обман.

1. О сестры, как я смогу описать вам богатства, сокровища и улады, которые есть в пятой обители! Наверное, лучше бы ничего не говорить о других обителях, после этой, ведь никак не описать их, разуму их не понять и сравнений подходящих нету, земные понятия слишком для того низменны.

Пошли, Господи, свету с небес, чтобы я хоть немного просветила Твоих слушательниц, Тебе ведь угодно посылать некоторым из них такие радости – так пусть дьявол не обманет их под видом ангела света, ибо они только и хотят угодить Тебе.

2. Хотя я сказала «некоторым», на самом деле мало кто не входит в обитель, про которую я сейчас скажу. Есть благодать побольше, есть поменьше, вот я и говорю, что сюда входят очень многие; и все-таки, некоторые вещи, о которых я сейчас скажу, по-моему, не так уж часто встречаются. Великое милосердие Божие уже и в том, что пойдешь до входа, ибо сказано: «много званых, но мало избранных»⁴⁵. Поэтому здесь я прибавлю: хотя все мы, кто облечен в священные одежды Кармила, призваны к молитве и созерцанию, – ведь это и есть начальная цель нашего ордена, и все мы принадлежим к роду святых отцов горы Кармил, которые в таком уединении и таком презрении к мирскому отыскивали это сокровище, немногие из нас расположены принять от Господа драгоценную жемчужину этой милости. Мы исполняем уставные правила, и этого было бы достаточно, чтобы получить такую милость, если бы к нашим

добродетелям не нужно было прибавить очень многого и не пренебрегать ничем даже в самом малом. Вот почему, сестрицы, будем ревностью молить Бога, чтобы Он Сам помог нам Своей благодатью хоть как-то насладиться Небом на земле, не лишиться этого по нашей провинности. Да укажет Он нам путь и даст духовную силу, чтобы мы рыли землю нашей души, пока не найдем сокрытого в ней сокровища. Это я и хотела бы объяснить вам, если Богу угодно.

3. Я сказала: «душевную силу», чтобы вы поняли, что не нужно телесной крепости, когда Господь наш ее не дает. Он никому не возбранил купить Его богатства – если каждый даст за них что имеет, Ему довольно. Да будет благословен такой великий Бог! Только смотрите, доченьки, Он ведь хочет, чтобы у вас совсем ничего не было; мало ли, много, – все для Него, а вы получите больше ли, меньше ли милости, смотря по тому, что дали. Ничто не показывает так, вправду или нет достигли мы единения с Богом, как наша молитва. Не думайте, что это нам мерещится, как было в предыдущей обители. Я говорю: «мерещится», потому что душа вроде бы задремала, то ли она во сне, то ли наяву. А здесь все чувства уснут, и так крепко, что не ведают ни земных вещей, ни нас самих. По правде сказать, пока это длится – а длится это недолго, – душа вроде бы и не чувствует, и думать не может, даже если бы пожелала. Теперь уже и стараться не надо, чтобы мысли остановились.

4. Даже любовь – если она есть – уже не поймет, что она любит, чего хочет. Словом, мы совершенно умираем для мира, чтобы полнее жить в Боге. Это – сладостная смерть, душа как будто покидает тело, так что я и не знаю, остается ли в нем столько жизни, чтобы дышать (я как раз думала об этом, и кажется мне, что нет, во всяком случае если оно и дышит, то само не замечает); мы бы очень хотели понять, что с нами такое, но сил не хватает, и мы так пугаемся, что не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, как бывает, когда человек упадет без чувств, а кажется, что он умер.

О, тайны Божии! Я никогда не устала бы описывать их вам, если бы думала, что преуспею, а так я скажу тысячу несуразностей в надежде, что хоть что-нибудь будет правильно, дабы мы постоянно славили Господа.

5. Я сказала, что это не мерещится; а в предыдущей обители, пока душа не обрела большого опыта, она все гадает, почудилось ей что-то, приснилось ли, от Бога это или от беса, притворившегося ангелом. У нее очень много сомнений, и это хорошо, потому что, я уже говорила, естество наше может обмануть нас. Там меньше места для ядовитых гадов, а малые ящерики проникнуть могут, они юркие; правда, они не причинят вреда, особенно если не обратишь на них внимания, мелкие мысли, порожденные воображением или другими причинами, могут стать и очень докучливыми. В этот же покой ящерики, хоть бы самые юркие, не залезут, ведь ни воображение, ни память, ни разум не препятствуют нашему благу. Смеею сказать: если это и впрямь единение с Богом, дьяволу невозможно ни войти, ни повредить, ибо Господь так близко и в таком единении с самой сутью души, что тот не посмеет приблизиться и даже не знает о тайне. Это ясно; он ведь, говорят, не понимает наших мыслей, куда же ему понять тайну, которую Бог не открывает и нашему разуму? О, сколь благо состояние, в котором нечистый не причинит нам зла! Душа получает такие великие милости, ибо Сам Господь действует в ней, и никто даже мы сами, не чинит Ему препятствий. Чего же не даст Тот, Кто любит давать и может дать, что захочет?

6. Наверное, я смутила вас, когда сказала: «если это и впрямь единение с Богом», а значит, допустила, что бывает союз ненастоящий. Как не бывать! Дьявол может воспользоваться суетою, когда мы привязаны к ней, но она не принесет душе ни услаждения и довольства, ни мира и радости, какие приносит Бог. Эта радость выше всех земных радостей и улад, ибо исходит из совсем другого начала и порожаемое ею – совсем другого рода, как вы и сами знаете из опыта. Помню, я сказала, что можно таким же образом

сравнить то, что они как будто в этом грубом теле или в мозге костей, и правильно, так оно и есть, лучше мне не сказать.

7. Но, боюсь, вам мало этих объяснений, и вы думаете, что можете ошибиться, ибо трудно разобраться в том, что происходит внутри души. Хотя этого и достанет каждому, у кого есть опыт, тут ведь большая разница, дам-ка я все-таки ясное указание, чтобы вы не обманулись и твердо знали, от Бога это или не от Бога. Господь навел меня сегодня на эту мысль, и она, мне кажется, поможет. Когда что трудно, а я думаю, что хорошо понимаю и не лгу, я все-таки говорю: «кажется», – ведь если я ошибусь, я всегда готова поверить тому, что скажут люди ученые. Если у такого человека мало опыта – он все равно может дать совет, ибо Бог поставил его светильником Своей Церкви, и просвещает его, чтобы он наставлял в истине. Если он благочестив и не суетен, но служит Богу, он не удивится величию дел Божиих, ибо поймет, что Ему возможно и большее. Если же совсем уж трудно, он найдет в книгах доказательства, что такое бывает.

8. У меня тут большой опыт; видела я и боязливых, неученых людей, и знакомство это обошлось мне очень дорого. Как бы то ни было, а мне кажется: если человек не верит, что Бог может много больше, чем то, что Он делал и делает для Своих созданий, он запирает накрепко дверь к таким дарам. Так что, сестрицы, да не случится этого с вами! Верьте, что Бог силен сделать куда больше, и не смотрите на добродетели или недостатки тех, кому Он дарует такие милости. Господь Сам все знает; я уже говорила, не зачем нам вмешиваться. Наше дело – служить Ему в смиренности и простоте сердца, восхваляя Его деяния и чудеса.

9. Возвратимся теперь к тому, верному признаку. Душа, которую Господь совсем лишил разума, чтобы запечатлеть в ней истинную мудрость, ничего не видит, не слышит, не понимает. Ей кажется, что состояние это – короче, чем на самом деле. Бог запечатлевает Себя в душе, и когда она оч-

нется, она никак не усомнится, что Он был в ней и она была в Нем. Убеждение это столь неколебимо, что если Господь много лет не окажет ей больше этой милости, она не сможет ее забыть и усомниться в ней. О благодатных действиях, пребывающих в душе, я скажу после, это очень важно знать.

10. Вы скажете: «Как же душа увидела или поняла, если она не видела и не понимала?» Я и не говорю, что она это видела тогда, она это видит потом и не потому что это – видение, а потому, что Бог даровал ей уверенность. Я знаю женщину, которая не ведала сперва, что Бог – во всем Своим Присутствием, Силою и Сущностью. Когда же она получила от Него такую милость, она поверила в это твердо. Один из тех недоучек знал так же мало, как и она знала, прежде чем Бог оказал ей милость; она спросила его: «Как же Бог присутствует в нас?», а он ответил ей, что Бог бывает в душе только по благодати, но она была так утверждена в истине, что не поверила ему. Потом она спросила об этом других и узнала истину, и очень утешилась.

11. Только не думайте, что когда есть присутствие, в котором вы уверены, Бог присутствует в душе телесно, как присутствует Он невидимо в Святых Тайнах. Здесь Он не в этом естестве, а только в Божественной сущности. Как же можем мы быть столь уверенными в том, чего не видели? Не знаю, это – дело Божие. Зато я знаю, что говорю правду, и если у кого нет такой уверенности, я сказала бы, что с Богом соединилась не вся душа, а только одна из ее сил или из многочисленных даров Божьих. Не надо гадать, почему это все бывает, причины непостижимы разуму. Тогда зачем нам понапрасну гордиться? Довольно знать, что это – дела Всемогущего. Мы не можем, как ни старайся, обрести эту благодать, это – дело Божие, так что не пытайтесь и понять его.

12. Вот я говорила, чего мы не можем, и вспомнила, что говорит Невеста в книге Соломоновой «Песнь Песней»: «Царь привел меня в винный погреб», или, кажется: «су-

нул». Она не сказала, что сама вошла. И еще она говорит, что ходила повсюду, искала Возлюбленного⁴⁶. Это, я так понимаю, и есть тот погреб, куда Господь нас хочет привести, когда Ему угодно и как Ему угодно. Сами мы туда не войдем, сколько бы ни старались. Господь должен ввести нас и проникнуть в глубину нашей души; чтобы лучше явить нам Свои чудеса, Он хочет, чтобы мы не принимали в этом большого участия, но только предали Ему свою волю и не отворяли дверь нашим чувствам и способностям, которые уже уснули. Он хочет войти в глубину души Один, без них, как вошел к Своим ученикам и сказал: «Мир вам», или как Он восстал из гроба, не сдвинув камня⁴⁷. Потом вы увидите, как в последней обители Он позволит душе улаживаться Своим Присутствием в самой ее глубине; ведь там, в последних покаях, Он куда больше с нами, чем в этом.

13. О, доченьки, много мы еще увидим, если признаем, что мы ничтожны и убоги, и поймем, как мы недостойны служить такому великому Господу, что чудных Его дел и не постигнешь! Да будет Он прославлен во веки, аминь.

ГЛАВА II

о том же самом. Объясняет молитву единения с помощью тонких сравнений, описывая, как она действует в душе

1. Вам может показаться, что я уже все сказала об этой обители, а на самом деле многого не хватает, ибо, повторю, в ней можно найти и больше, и меньше. Что до единения с Богом, я думаю, я бы могла что-нибудь прибавить, но еще можно сказать о душах, которые Бог одаряет этими милостями, и о действии этих Божиих даров. Теперь я расскажу о некоторых дарах и действии их на душу, когда она готовится, чтобы принять Его. Чтобы лучше объяснить, употреблю сравнение, пригодное для этой цели; оно покажет, как нам подготовиться к восприятию Божией ми-

60

лости, хотя все зависит от Его произволения; мы не можем сделать от себя ничего, что достойно этого дара Господня, но можем сделать много, чтобы расположить Господа и Он даровал нам эту милость.

2. Наверное, вы слышали, каким чудесным способом делают шелковую ткань; только Богу возможно изобрести такой способ. Как все, он имеет начало от семени, похожего на зернышко перца (сама я его не видела, говорю понаслышке, и если что не так, вина не моя). Когда потеплеет и шелковица покроется листьями, зерно оживает – прежде, без пищи, оно было как мертвое. Питаются червячки листьями, пока совсем не вырастут. Тогда им подкладывают веточки, и они своими ротиками начинают прядь шелк, вытягивая изнутри и наматывая на себя плотные маленькие коконы, так и заворачиваются. Потом большой и некрасивый червяк превращается в белую хорошенькую бабочку, а она выходит из кокона. Если бы мы этого не видели, нам бы только рассказывали, что это бывало в прежние времена, разве бы мы поверили? Как бы мы доказали, что неразумный червяк или пчела столь искусно и прилежно работают на нас, а бедный червячок еще и жертвует жизнью? Одного этого, сестрицы, хватило бы для размышления, если я и не прибавлю ничего – вот вам чудеса и мудрость нашего Бога. А что было бы, если бы мы ведали свойства всех вещей на свете? Очень полезно размышлять об этом величии и радоваться, что ты – невеста такого могущественного и мудрого Царя.

3. Однако продолжим то, о чем говорили. Шелковичный червь оживает от тепла Духа Святого, и начинает пользоваться духовной помощью, которую наш Господь дал нам всем в Своей Церкви – частой исповедью, проповедью, душеполезными книгами. Это все – духовная помощь, лекарства для души, омертвевшей от нерадения и греха и пребывающей в искушениях. Тут душа начинает жить и питается этой пищей, душеполезными размышлениями, пока не достигнет духовной зрелости. Вот что мне важно, в остальном важности мало.

4. Когда шелковичный червь вырастет, как я говорила в начале этого рассуждения, он начинает прясть шелковую нить и строить из нее дом, в котором умрет. Я бы хотела, чтобы все поняли: дом этот – символ Христа. Кажется, я где-то читала или слышала, что наша жизнь скрыта во Христе или в Боге, это ведь одно и то же, или наша жизнь – Христос⁴⁸. Читала я это или нет, мало прибавит к тому, о чем речь.

5. Видите, сестрицы, что мы можем сделать с Божией помощью. Сам Господь будет нашей обителью, и мы ее построим в единении с Ним, Он ведь и есть наша обитель. Тут можно было бы сказать, что мы в силах прибавить что-то Богу, я ведь сказала, что Он – наша Обитель, и мы сами можем ее соорудить, чтобы войти в нее. Конечно, можем. То есть можем не отнять от Него, а взять у себя и дать Ему, подобно шелковичным червям. Прежде, чем мы сделаем, что можем, Бог примет от нас этот малый, ничтожный труд и соединит его со Своим величием, сообщая ему такую ценность, что вознаграждением будет Он Сам. Обошлось Ему это очень дорого, и Он присоединит наши малые тяготы к Своим, великим, которые Он перенес ради нас, и сольет их в одно.

6. А если это так, доченьки, поторопимся совершить этот труд, спрядем этот кокон, отказавшись от себялюбия, своеволия и привязанности к земному. Совершим труд покаяния, молясь в умерщвление плоти, в послушание и во все остальное, что вы только знаете. Да поможет нам Бог сделать то, что нас учили делать! Тогда червяк умрет – он ведь умирает, когда сделает, для чего создан – и мы узрим Господа, когда будем в бездне Его величия, словно червяк в коконе. Я говорю: «Узрим Господа», а значит это, что Он Сам соизволит открыть Себя, если мы достигнем такого с Ним единения.

7. Теперь посмотрим, во что превратится червь, ибо все, о чем я говорила, к этому ведет. Когда он умер для мира, он выходит из кокона, превратившись в белую бабочку. О,
62

величие Божие! Сколь преображенной выходит отсюда душа, побыв немного в этой бездне, и сколь едина она с Ним! Я сказала: «немного», ибо, по-моему, это длится так с полчаса. Поверьте, это правда, душа сама себя не узнает. Смотрите, какая разница между уродливым червем и белой бабочкой. Так и тут. Душа понять не может, как удостоилась она такого дара и откуда это пришло к ней; то есть, она признает, что недостойна, и хочет восславить Господа, совсем уничтожиться ради Него, умереть тысячу раз. Потом она неудержимо жаждет испытаний, и ничего другого делать не может. Она желает покаянных подвигов, и одиночества и того, чтобы все познали Бога; и еще она очень мучается, что Бога оскорбляют. В следующей обители речь об этом пойдет подробней, ведь в этой, пятой – все как в шестой, хотя там духовные силы проявляются совсем иначе. Если же, когда Бог введет ее сюда, душа постарается продолжать путь, она увидит дивные дела.

8. Посмотрим теперь, как тревожится бабочка, хотя она никогда в жизни не была в таком покое и мире. Она ведь не знает, где ей быть. После дарованной ей милости, ее ничто не удовлетворит на земле, если же Господь часто дает ей этого вина, она каждый раз обретает что-то новое. Она больше не вменяет ни во что свою пряжу, над которой трудилась потихоньку, когда была червяком. Теперь у нее крылья, ей ли довольствоваться ползанием, если она может летать? Вот ей и кажется ничтожным все, что она бы ни сделала для Бога. Подвиги святых не изумляют ее, она узнала на опыте, как помогает Господь и преображает душу, так что даже облик ее совсем другой. Раньше она считала, что неспособна к подвигам, – теперь обрела силу. Она больше не привязана к родственникам, друзьям или имению. Прежде все ее добрые намерения не могли ослабить этих уз, только связывали крепче, теперь же ей в тягость обязанности, которые приходится исполнять, чтобы не противиться воле Божией. Все утомляет ее, ибо она узнала по опыту, что сотворенный мир не может дать ей истинного покоя.

9. Вроде бы я слишком разговорила, но я могла бы добавить куда больше. Те, кому Бог послал эту милость, увидят, что я еще не все сказала. Что ж удивиться, если бабочка ищет себе места, как чужестранка на земле? Куда же ей, бедной, направиться? В кокон не вернешься, это не в нашей власти, тщетны старания, пока Сам Господь не окажет опять этой милости. Господи Боже! Как ей будет трудно! Кто бы подумал, когда она получила столь высокий дар! Что ж, в конце концов нам положено нести крест, пока мы живы. А если мне кто скажет, что, достигнув такого состояния, он наслаждается отдыхом и отрадою, я отвечу, что он его и не достиг, разве что добрался до предыдущей обители, и познал там какие-то радости, по своей природной немощи, а то и от дьявола, который оставил душу в покое, чтобы подвергнуть ее еще большим искушениям.

10. Я не хочу сказать, что достигшие этой обители не находят мира; в душе у них царит мир, ибо испытания их так ценны и превосходны в своем начале, что, как бы суровы они ни были, они приносят мир и радость. Но мирская суэта терзает и печалит здесь душу, и ей так хочется оставить этот мир, что у нее одно облегчение, от мысли, что и это изгнание – воля Божия. Да и того мало, чтобы ее утешить; хоть она и восходит по пути добродетели, она еще не совсем подчинилась ей, как будет видно позже, хотя теперь принимает ее покорно, плача и сожалея, что не может сделать больше, ибо ей больше не дано. Всякий раз молитва ее сопряжена с печалью; она горюет, что Закон Божий попирают грешники, что люди в этом мире оскорбляют Бога, что в нем гибнут души мавров и неверных, а больше всего горюет она о душах христиан, хотя она и знает, сколь велико милосердие Божие, так что живущие в грехе могут покаяться и спастись.

11. О, величье Божье! Несколько лет, а может – несколько дней назад, душа эта помышляла только о себе. Кто же привел ее к таким скорбям и тревогам? Даже если мы будем думать целые годы, мы не испытаем такой печали, ка-

кую она испытывает. Господи, помоги мне! Много дней и лет стараюсь я понять, как же это люди ни во что не ставят Бога, и думаю о том, что Его дети, мои братья, осуждены на вечные муки, и о том, среди каких опасностей мы живем и как хорошо бы покинуть жалкую земную юдоль. Разве этого мало? Нет, доченьки, скорбь, о которой я говорю, – не такая, как та. Эту мы милостью Божьей обретаем от многих размышлений, но она не доходит до самых наших глубин, а та раздирает душу, просто мелет, душа ничего и не делает, порой – ничего и не хочет. Что же это такое? Откуда эта скорбь? Сейчас скажу.

12. Вы ведь слышали – я недавно говорила, хотя и по другому поводу, что Господь ввел невесту в дом пира, и зная Его – любовь?⁴⁹ Вот отсюда и то, что творится с ее душой. Она предала себя в руки Господни и совершенно подчинилась Ему по великой любви. Ничего она больше не знает и не хочет, только воля Божья исполняется в ней. Я думаю, Бог не окажет этой милости душе, если Он не считает ее совсем Своей. Он желает, чтобы она вышла из того дома, запечатленная Его печатью. И впрямь, душа тут подобна воску, на который накладывается печать. Воск нельзя запечатлеть без печати, он только для того пригоден. Он ведь мягок, податлив, а больше размягчиться не может, застынет неподвижно. О, благий Боже! Ничего не сделать без Тебя. Ты хочешь только, чтобы мы отдали нашу волю в Твои руки, чтобы воск тебе не мешал.

13. Видите, сестрицы, что тут делает Бог наш, дабы душа ощущала, чья она. Он ей дает, что имеет, а это было здесь, при жизни, у Его Сына, больше Он дать нам не может. Кто так хотел уйти отсюда? Христос и сказал на Своей Вечере: «Очень желал Я...»⁵⁰.

Господи, как же Ты не подумал о тяжелой, страшной смерти, которую Тебе предстояло претерпеть? – «Я очень люблю вас и очень хочу, чтобы спаслись души, это неизмеримо сильнее Моих мучений. Того, что Я перенес и переносу с тех пор, как Я в этом мире, достанет, чтобы не вменить это ни во что».

14. Вот как я думала не раз. Я знаю, как мучалась и мучается одна известная мне особа⁵¹, когда она видит, что грешники презирают закон Божий, муки ее столь нестерпимы, что она лучше бы умерла. Думала я и о том, что если душа, чья любовь – почти ничто перед любовью Христовой, просто вынести этого не может, каковы же страдания Господа нашего, Иисуса Христа? Как же тяжело Он жил, если видел, что Его Отца ужасно обижают? Скорби эти уж наверное тяжелее, чем Крестные муки, ибо тогда Он хоть знал, что будет конец мучениям. Кроме того, Он радовался, что спасет нас и докажет Свою любовь Отцу, страдая по Его воле, и Ему было легче, как это бывает с теми, кто из любви к Богу совершает великие подвиги, почти и не чувствуя их тяжести. Что же испытывал Господь, когда так усердно доказывал Своему Отцу верность в послушании Ему и Свою любовь к нам? О, великая радость страдать и исполнять Волю Божию! Но, вместе с этим, – видеть постоянно такие оскорбления, наносимые Богу, и гибель стольких душ, сходящих в ад, должно быть для Него так тягостно, что, думаю, было бы достаточно одного дня подобных страданий, если бы Он был только человеком, чтобы положить конец многим жизням, тем паче – одной.

ГЛАВА III

продолжает о том же самом. Говорит о другом роде единения, которого может достигнуть душа милостью Божьей, и о том, как важна тут любовь к ближнему. Глава эта очень полезна.

1. Вернемся теперь к нашей бабочке и посмотрим, что дает Господь, в эту пору. Конечно, мы предполагаем, что она все время старается лучше служить Господу и познавать себя. Если же, получив эту милость, она возомнит, что она в безопасности, и предастся небрежению и забудет путь на Небо, то бишь заповеди Господни, с ней случится

то, что случается с бабочкой вышедшей из кокона; ибо та кладет яйца, чтобы размножились другие, а сама умирает. Я говорю, что она кладет яйца, ибо, полагаю, Богу не угодно, чтобы такой великий дар давался напрасно и, если душа не воспользуется им, воспользуются другие. Словом, пока она еще не сошла с пути добродетелей и у нее добрые желания и навыки, она пользует других, сообщая им свое пламя. Даже если оно остыло, она все-таки хочет помочь ближним, поведав им о милостях, которые Бог посылает любящим Его слугам.

2. Я знала одну особу⁵², с которой так было. Хотя она совсем сбилась с правого пути, ей нравилось, чтобы другие пользовались от благодеяний, полученных от Бога, и она учила молитве тех, кто не понимает, и принесла много пользы, очень много. Потом Господь снова просветил ее. Правда, до того времени у нее не было опыта в молитве, о которой я говорила выше. Но сколько же, наверное, таких, кого Господь призвал к апостольству, как Иуду, и беседовал с ними, или к царствованию, как Саула, а после они по своей вине погибли! Вот мы и можем заключить, сестрицы; чтобы удостоиться новых милостей и избежать такой гибели, самое верное средство – исполнять заповеди Божьи, не кривя душой. Говорю это не только о тех, кто получает особые дары от Бога, а всем вообще.

3. Несмотря на все, что я сказала, мне кажется, что эта обитель описана не очень ясно. Вход в нее дает столько преимуществ, что хорошо бы не лишать надежды тех, кому Господь не даровал столь сверхъестественных даров, ибо истинного единения с Богом можно достигнуть еще и просто по Его милости, стараясь, чтобы у нас были только Его желания. Сколь многие из нас говорят и думают, что не хотят ничего иного и готовы за это умереть! Вроде бы я уже это сказала; но снова скажу и повторю много раз, что если вы на самом деле достигли единения с Богом, – не зоботьесь о другом усладительном единении, о котором шла речь, ибо самое ценное в нем – то, что в корне, подчинение

нашей воли Богу; без этого же оно не будет подлинным. О, как оно желанно! Счастлива душа, достигшая его; она будет жить в мире и в этой жизни, и в будущей. Ничто земное не сокрушит ее, разве только опасность отдалиться от Бога, утерев Его благодать; ни болезни, ни бедность, ни смерть (разве что умрет тот, кто нужен Церкви Божьей) не смутят ее, она знает: Ему виднее, что Он делает, чем ей – чего она хочет.

4. Наверное, вы замечали, что скорби бывают разные. Одни, нам свойственные по природе, приходят неожиданно, как радость и сочувствие, подобное тому, которое испытал Господь, когда воскрешал Лазаря⁵³; они не нарушают единения с волей Божьей и не будоражат душу беспокойной тревожной страстью, которая длится долго. Эти скорби проходят быстро, ибо, как я говорила об уладах при молитвенном размышлении, они, наверное, доходят не до глубин души, а только до чувств и сил. Так бывает в тех, прошлых обителях, но не в этой, здесь мы, как я уже говорила, отрешаемся от чувств, ибо Господь властен обогащать души по-разному, вводя их в эту обитель иными путями, а не кратким, о котором я сказала.

5. Только заметьте, доченьки, что червь должен умереть и это обойдется вам дорого. Умереть легче, если живешь новой жизнью, а вот эту, которой мы здесь живем, надо убить самим. Прямо скажу, это нелегко, зато награда ценнее, больше чести, если победите. Только не сомневайтесь, с волей Божьей можно поистине соединиться.

Такого единения я всю мою жизнь хотела, его непрестанно прошу у Бога, оно всего яснее и вернее.

6. Но, увы, немногим из нас суждено его достигнуть, хотя тому, кто старается не оскорблять Бога и пошел в монахи, кажется, что он все исполнил. Ох, есть еще червяки, которых и не заметишь, пока не подточат наших добродетелей, как подточили плюц у пророка Ионы⁵⁴, пользуясь самолюбием, тщеславием, осуждением хоть бы и в самом малом, и недостатком любви; ведь мы не любим ближних, как

себя, мы насилу исполняем долг, чтобы только не согрешить, для того же, чтобы наша воля совсем соединилась с Божьей, нам не хватает многого.

7. Как вы думаете, доченьки, чего Он хочет? Чтобы мы были совсем совершенны; а смотрите, сколького нам недостает, чтобы мы были одно с Ним и Его Отцом, как Он просил нас⁵⁵. Поверьте, я пишу и страдаю, что сама так далеко от этого; ведь тут не требуется особых даров от Господа, хватит того, что Он дал нам Своего Сына, а Тот указал нам путь. Не думайте, дело не в том, чтобы не горевать, когда умер отец или брат, как бы смирившись с Волей Божьей, или терпеть и радоваться, если будут беды и болезни. Это все хорошо, да и разумно, ибо ничего не поделаешь, только мы принимаем нужду за добродетель. Много такого делали философы, ну, не такого, так другого, все по своей мудрости. А нас тут Господь просит о двух вещах: любить Его и ближнего, над этим нам и надо трудиться. Сохраним это в совершенстве – сотворим Его волю, вот и будем с Ним одно. Только как же мы далеко (это я уже говорила) от того, чтобы сделать, что должны такому великому Богу! Молите Его, чтобы Он дал благодать и мы удостоились этого состояния. Если и впрямь его желаем, то сможем.

8. Мне кажется, самый верный признак, что мы исполняем эти две заповеди, – поистине любить ближних. Ведь не узнаешь, любишь ли ты Бога, хотя и есть немалые признаки, чтобы это понять; а вот любовь к ближнему узнать легко. Так и знайте, чем больше вы в ней преуспеете, тем сильнее ваша любовь к Богу; ведь Он так нас любит, что за нашу любовь к ближнему на самые разные лады усилит нашу любовь к Нему. В этом я не сомневаюсь.

9. Очень важно все время испытывать себя, соблюдаем ли мы эту заповедь, – ведь если мы соблюдаем ее в совершенстве, мы уже все сделали. Природа наша повреждена, и, я так думаю, нам невозможно любить ближнего совершенно, если наша любовь не укоренена в любви Божией. Это для нас особенно важно, постараемся же познать себя

даже в самом малом, не обращая внимания на то великое, что придет нам в голову на молитве, и мы уж думаем пустить это на пользу ближним, или на спасение пусть хоть одной души. Ведь если наши дела потом будут не такие, незачем и мнить, что это сделаешь. То же самое скажу о смирении и обо всех добродетелях. Дьявол так и старается внушить нам, что у нас имеется хотя бы одна, когда ее нету, он ради этого весь ад тысячу раз перевернет. И прав, это ведь очень вредно, такие выдуманнные добродетели всегда еще вызовут и тщеславие, они одного корня, а те, которые дает Господь, свободны от кичливости и гордыни.

10. Забавно бывает, как иным душам на молитве кажется, что готовы, чтобы их унижали и заушали на людях ради Бога, а потом они скрывают самый ничтожный проступок, а уж если они не виноваты и их обвинили, это не дай Господь! Так что смотрите хорошенько; если и вы не выносите подобных испытаний, не обращайтесь внимания на то, что решили наедине с собой. Тут ведь не воля ваша выбрала – то дело другое; это все воображение, а бес там и нападет, и обманет, и много может навредить, особенно женщинам или людям неученым, потому что мы не отличаем воображения от душевных сил и тысячи других вещей, которые у нас в душе. Ох, сестрицы, как видно, кто из вас вправду любит ближнего, а кто – несовершенно! Если бы вы поняли, как важна для нас эта добродетель, вы бы ни к чему иному не стремились.

11. Когда я вижу, как некоторые души усердно стараются понять какая у них молитва, и словно в куколь закутаны, когда они молятся, не шевельнутся ни телом, ни мыслью, чтобы не ушла и капля улады и благоговения, – я вижу, как мало знают они о пути, который ведет к единению с Богом на молитве, ибо думают, что все зависит от этих стараний. Нет, сестрицы, нет, Богу нужны дела! Вот, например, видишь больную женщину и можешь ей помочь, так помоги, не бойся повредить своему благочестию. Если она страдает, страдай и ты; если нужно – постись, чтобы она

поела, не столько ради нее, сколько ради того, что этого твой Бог хочет. Вот единение с Его волей; а если слышишь, что кого очень хвалят, радуйся куда больше, чем если бы хвалили тебя. Если есть смирение, это легко, смиренному трудно, когда его хвалят. Великое дело радоваться, когда признают добродетели других сестер, а если увидим у кого недостаток, – отнестись как к своему и скрыть от других.

12. Я в других местах много говорила об этом, я ведь знаю, сестрицы, что если этого не достанет, все пропадет. Да не попустит Бог, чтобы так было; если же не будет, поверьте, вы получите от Господа единение с Ним, о котором мы говорили. Если же вам не хватает любви к ближним, хотя есть и благочестие, и духовные дары, не думайте, что вы достигли самого высшего. Пускай вы и забудете себя во время молитвы (а многим покажется, что все уже сделано), поверьте, это еще не единение, и молитесь нашего Господа, чтобы Он дал вам совершенную любовь к ближним, предоставив все прочее Ему, Он даст вам больше, чем вы надеялись. И побудите вашу волю уступать воле других сестер, хоть бы и в ущерб вашему праву, забудьте о своей пользе ради них, как бы ни противилось естество, возьмите бремя на себя, чтобы избавить ближнего, когда представится случай. Не думайте, что это не будет ничего стоить, или что все само делается. Смотрите, во сколько обошлась нашему Жениху любовь к нам, когда, чтобы нас спасти, Он умер такой мучительной, крестной смертью.

ГЛАВА IV

еще о том же самом; объясняется подробнее этот род молитвы; говорится о том, как важна осмотрительность, ибо дьявол особенно старается, чтобы душа повернула назад.

1. Я думаю, вы хотите узнать, что делает бабочка и где присаживается отдохнуть, ибо мы видели, что отдых ее –

не в духовных утешениях и не в земных уладах, она летает выше. Однако ответить вам не могу до последней обители и молю Бога, чтобы я не забыла, да и смогла это написать, ведь с тех пор, как я начала, прошло почти пять месяцев, а из-за этой моей головы я не могу перечитать, что написала, и все идет кое-как, может, что и повторяю. Но это ведь для моих сестриц и не так важно.

2. Теперь я хочу объяснить получше, что такое, по-моему, эта молитва единения с Богом. Как и всегда, поясню сравнением, опять скажу про бабочку, которая никак не присядет, ибо не находит истинного успокоения (хотя плоды все время приносит, добро она делает, и себе, и другим⁵⁶).

3. Не иначе, как вы часто слышали, что Бог духовно обручается с душой. Благословенно Его милосердие, что Он Себя так смирил! Сравнение грубое, но другого никак не найду, чтобы объяснить то, что я хочу выразить. Ведь хотя они совсем разные – тут ничего нет, кроме духовного, все телесное очень далеко, потому что духовная радость и улады от Господа за тридевять земель от брачных наслаждений. Тут любовь и любовь, и все так чисто, так тонко, так нежно, что и не объяснишь. Один Господь дает это испытать.

4. Мне кажется, что единение с Богом еще не доходит до духовного брака, оно скорее похоже на обручение, когда жених и невеста смотрят, подходят ли они один другому и любят ли друг друга. Так и здесь, когда оба согласны, душа хорошо знает, какое для нее это благо и готова исполнять во всем волю Жениха, чтобы Ему угодить, как только могла бы, а Господь хорошо все это знает, и доволен Своей невестой, и оказывает ей милость, чтобы она узнала Его лучше, пока они, как тут у нас принято, знакомятся, дабы потом взять ее в жены. Можно сказать, что все идет вот так, это ведь совсем недолго. Теперь уж никто не берет, не дает, душа просто видит как бы тайно, кто же ее Жених, ведь она бы и за тысячу лет это не постигла и не почувствовала, а узнает почти что сразу. Жених у нее такой, что с од-

ного взгляда удостоишься, как бы сказать, сговора, ибо душа так полюбит, что делает все, дабы сговор этот не рушился. А вот если эта душа по нерадивости пристрастится к чему-либо, кроме Него, она все потеряет, и утрата – такая же огромная, как милость, гораздо больше, чем выразишь словами.

5. А потому, христианские души, которые Господь довел до такой молитвы, умоляю вас, ради Него не будьте небрежны, избегайте соблазнов, ибо душа даже тут не так сильна, чтобы с ними справиться, как будет потом, после обручения, в последующей обители. Жених и невеста, как говорится, только повидались, и дьявол все сделает, чтобы Господь не соединился с душой. Позже, когда она совсем покорна Супругу, он на такое не пойдет, он ее уже боится, он ведь по опыту знает – если он что и делает, ничего у него не выходит, а ей только польза.

6. Скажу вам, доченьки, что я знала людей, которые очень преуспели и дошли до этой обители, и по великому лукавству дьявола вернулись назад, к нему. Ведь ад собирает для этого все силы, ибо, как я много раз говорила, дело идет не об одной душе, а об очень многих, У дьявола тут большой опыт, ведь если посмотреть, сколько душ спасает одна душа по Божьей воле, удивишься и порадуешься, какие тысячи обратили святые мученики, например – такая девица, как святая Урсула. А сколько дьявол потерял из-за Доминика и Франциска и других, основавших монашеские ордена, и теперь теряет из-за отца Игнатия, основавшего Общество⁵⁷! Ведь они, конечно, – так мы и в книгах читаем – получали такие милости от Бога. А все потому, что они старались не потерять по своей вине благодать духовного обручения. О, доченьки, Господь наш готов и теперь оказывать нам Свои милости, теперь они даже и нужнее, чем в прошедшие времена, потому что мало кто ревнует о Его славе, как раньше. Мы очень любим себя и все стараемся, чтобы нас ничем не обидели. Какая же это ошибка! Да просветит нас Господь по Своей милости, чтобы нам не впасть в такую тьму.

7. Тут вы спросите или хоть усомнитесь в двух вещах. Во-первых, если душа так едина с Волей Божией, как же можно ее обмануть, она ведь совсем не ищет своего? А во-вторых, как дьявол может так напасть на нее, что и погубит, если она совсем отошла от мира и многократно принимает церковные Таинства, словно бы вместе с ангелами, ибо, по милости Божией, здесь только и желают служить и угождать Ему во всем? Людей, ушедших в суету мирскую, вроде бы совсем немного. Да, вы правы, Господь бесконечно милостив к нам, но когда, как я говорила, вспомнишь об Иуде, который водился с апостолами, беседовал с Самим Господом и слушал Его поучения, видишь, у нас не может быть уверенности, что спасемся.

8. Отвечая на первый вопрос, скажу: если бы эта душа была всегда согласна с Волей Божией, она бы, конечно, не погибла; но дьявол приходит с большою тонкостью и под видом добра проникает в душу, убеждая ее, что то или иное не так уж дурно, и мало-помалу затемняет ее разум и охлаждает волю, и умножает в ней самолюбие, пока вот так, постепенно, не отдалит ее от воли Божьей, чтобы она исполняла его волю.

Вот и ответ на второй вопрос: нет такого крепкого затвора, куда бы он не мог войти, ни столь дикой пустыни, куда бы он ни проник. И еще прибавлю, что, быть может, Господь попускает это, чтобы посмотреть, какова душа, которую он хочет поставить светильником для других, ибо если уж ей пасть, лучше, чтобы это было в начале, а не потом, когда она навредила бы многим.

9. По-моему, самое важное для нас (кроме постоянной молитвы, чтобы Бог держал нас за руку и постоянной мысли о том, что если Он нас оставит, мы тут же и погибнем, ведь так оно и есть, и нет доверия себе, ведь себе доверять глупо); так вот, самое важное – смотреть за собой и смотреть, преуспеваем ли мы в добродетели или идем назад, особенно – в любви друг к другу и в стремлении слыть ничем, и быть в самых простых делах; ведь если мы испытаем

нашу совесть, прося Господа просветить нас, мы тут же и увидим, приобретаем мы, или теряем. Не думайте, что душу, которая приблизилась к Богу, Он легко оставит и дьяволу нечего будет делать, – Господь очень скорбит, чтобы она не погибла, и не преминет тысячу раз многими способами предупредить ее об опасности, так что она увидит, что ей грозит.

10. Вот и выведем отсюда, что надо из всех сил идти вперед, а если этого нет, дело плохо – дьявол, уже конечно, собрался напасть на нас. Просто быть не может, чтобы, достигнув такого, душа перестала идти вперед, ведь любовь не ленится, так что это дурной знак. Душа возжелала стать невестой Самому Богу, и общалась с Ним, и достигла всего, что мы говорили, – значит, она не должна уснуть.

А чтобы вы видели, доченьки, как одаряет Господь тех, с кем обручился, поговорим о шестой обители, и вы увидите, как мало можем мы сделать, пострадать и послужить, чтобы приуготовиться к таким великим милостям. Наверное, Господь пожелал, чтобы мне велели написать все это: мы узрим будущую награду и Его безмерное милосердие – ведь Он хочет знаться с такими червями и являет им Себя –, и, взирая на Его величие, презрим земные удовольствия, и устремимся вперед, пламенея Его любовью.

11. Да будет Ему угодно, чтобы я получше объяснила хоть что-нибудь из таких трудных вещей; ведь если и Он, и Дух Святой не будут водить моим пером, я сама знаю, что это невозможно. А не принесет вам все это пользы, молю Его, чтобы Он не дал мне ничего сказать; Он ведь знает, я только того и хочу (насколько мне дано понять), чтобы славилось Его имя и мы могли служить Господу, Который так воздаст уже и здесь, на земле, что мы хоть немного видим, как воздаст Он на небе, да еще без заторов, тревог и треволнений, которых так много в этом бурном море. Ведь если бы мы не могли, согрешив, Его утратить, хорошо было бы жить до конца света, чтобы только служить такому Великому Богу и Господу, и Жениху.

Да удостоит Он нас сделать что-нибудь для Него, и не оступаться все время, как оступаемся мы даже в добрых делах. Аминь.

ОБИТЕЛЬ ШЕСТАЯ (в ней одиннадцать глав)

ГЛАВА I

в ней говорится о том, что когда Господь начинает оказывать большие милости, приходят и большие испытания. Каковы некоторые из них и как вести себя тем, кто в этой обители. Полезно всем, страдающим духовно.

1. Теперь, по милости Святого Духа, поговорим о шестой обители, в которой душу уже поразила любовь к Жениху, и душа эта хочет остаться одна, устраниая, по своему состоянию, все, что ей бы мешало.

Встреча с Женихом так запечатлелась в ней, что ей только и нужно снова ею насладиться. Я уже говорила, что при такой молитве ничего не видишь ни глазами, ни воображением. Я говорю «видишь» из-за сравнения, которое привела⁵⁸. Душа уже совсем решила не иметь другого Жениха, но Он не внимает великому стремлению как можно скорей обручиться с Ним, желая, чтобы она еще сильнее того хотела и величайшая милость ей больше стоила. Все мало, когда так много получишь, но, поверьте, доченьки, нужен хоть какой-то знак, какой-то признак, дабы справиться с тем, что будет. О, Господи, какие труды, и внешние, и внутренние, придется перенести, прежде чем вступишь в седьмую обитель!

2. И впрямь, иногда я про это думаю и боюсь, что если бы мы это представляли заранее, при нашей немощи едва ли решились бы все перенести, сколько бы благ нас ни ожидало, разве что мы уже достигли седьмой обители, в ней ничего не боишься, ибо душа готова все перетерпеть ради Бога; причина же та, что душа близко от Господа и получает от Него необходимую крепость. Я думаю, надо рассказать вам о некоторых испытаниях, о которых я точно

знаю, что они есть. Может, и не все души ведет Господь этим путем, но я сильно сомневаюсь, что те, кто воистину услаждаются небесными дарами, обойдутся без земных испытаний в том ли, в другом ли роде.

3. Хотя я не намеревалась толковать про это, я подумала, что вот такой душе будет немалым утешением, если она узнает, что так бывает с теми, кому Бог посылает подобные милости – ведь тогда и впрямь кажется, что все пропало. Скажу не по порядку, одно за другим, а так, как мне приходит на мысль. Начну с самого малого, а это – пересуды знакомых и даже незнакомых, о которых никогда и не думала, что они о тебе вспомнят: «Святой притворяется», «Чего только ни делает, чтобы всех провести, других унижить, а они – лучше нее христиане безо всего этого». Заметьте, ничего такого и нет, просто старается жить как положено. Те, кого она считала друзьями, ее покидают и хуже всех говорят, да так, чтоб больнее всего ранить: «Она погибает, она в прелести»; «Это все – от дьявола»; «Она вроде той-то или такой-то, которая сбилась с пути, и других ввела в соблазн»; «обманывает духовников», и сами к ним идут, говорят, как разные души вот так и погибли. Словом, глумятся и бранятся на тысячу ладов.

4. Я знаю одну особу, которая боялась, что не найдет, кому исповедаться, вот до чего дошло, но тут очень много всего, говорить не стоит. А самое худшее – что все это не скоро проходит, длится всю жизнь, все предостерегают друг друга, чтобы с такими не знались,

Вы скажете, кто-нибудь и доброе скажет. Ох, доченьки, мало таких, кто верит хорошему, а кто ругает – много! Да к тому же, тут бывает еще труднее. Душа-то знает, что все доброе у нее – от Бога, а никак не свое, она ведь только что видела себя в убожестве и в больших грехах, и вот, ей очень тяжело, особенно поначалу, потом – полегче, и по разным причинам: во-первых, ей по опыту ясно, что люди очень легко говорят и плохое, и хорошее, так что она больше и не слушает ни одно, ни другое. А во-вторых, Господь помог

ей лучше уразуметь, что хорошее в ней – не от нее, а от Него, свыше; и она восхваляет Бога, словно речь идет о ком-то другом. В-третьих, она видит, что кому-нибудь на пользу видеть милости, данные ей Богом, и думает, что Он направит к их благу и хорошее мнение о ней, хотя она его и не заслужила. В-четвертых, она прежде всего ищет славы Божьей, а не своей, и не впадает в искушение, обычное для начинающих, а именно – ей нет вреда от похвал, как бывает с некоторыми. Равно и бесчестие ее не смущает ее, лишь бы Господь хоть однажды был прославлен ради нее, а там – будь что будет.

5. Вот из-за этого и из-за многого другого умалется скорбь, наносимая похвалами, хотя почти что всегда какая-то скорбь да есть, если душа совсем не перестала обращать внимания на такие вещи. Но, что ни говори, недостойные восхваления несравненно труднее вынести, чем все те порицания; и когда душа научится ни о чем таком не думать, ей легче и другое, она скорее радуется, хула ей вроде музыки. Это – сама что ни на есть правда и скорее укрепляет, чем устрашает душу, ибо душа по опыту знает, какую прибыль это приносит, и ей уже кажется, что ее хулители даже и не грешат, а Господь попускает все это ей на пользу. Она это ясно чувствует, и особенно их любит, ибо считает, что они – друзья, и полезней ей, чем хвалители.

6. Дает Господь и большие болезни. Это куда тяжелее, особенно когда очень больно, тяжелей почти ничего и нет на земле, то есть из внешних испытаний. Конечно, я говорю об очень сильных болях, они так расстроят тебя и изнутри, и снаружи, что душа сжимается и не знает, что же ей с собой делать; она бы любое мученичество приняла, лишь бы не эту боль. Правда, самые сильные боли не длятся долго, Бог ведь не посылает страданий свыше сил и прежде всего дает терпение. Но обычно для испытания Он посылает телесные муки и разные немощи.

7. Я знаю одну особу⁵⁹, и вот, с тех пор, как Бог стал оказывать ей все эти милости, то есть сорок лет, просто нельзя

сказать что она провела хоть день без болей и мук, не считая других больших испытаний. Конечно, она была очень дурной и все это мало перед адом, который она заслужила. Других, кто не так гневил Бога, может, Он поведет другим путем, но я бы всегда выбрала путь скорбный, хотя бы только для того, чтобы уподобиться Иисусу Христу, даже если бы не было от этого иной пользы, а уж тем паче, когда ее столько!

Но если заговорим о внутренних муках, все покажется легким; их и описать – не опишешь.

8. Начнем с того, как трудно говорить с таким благоразумным и осторожным духовником, который, видя что-то необычное; ни в чем не уверен, всего боится, во всем сомневается. Если же в душе, одаренной милостями, он заметит какое несовершенство (ему ведь кажется, что Бог дает их одним ангелам, а тут, в тленном теле, этого быть не может), он сразу припишет все бесу или же меланхолии. А ее теперь так много на свете, что я и не удивляюсь; ее столько и бес столько зла творит вот этим путем, что вполне разумно духовникам бояться и остерегаться. Но бедная душа тоже боится, она идет к духовнику как к судье, а он ее осуждает, как же ей не страдать и не мучаться? Это поймет только тот, с кем так было. Ведь это – еще одна великая мука, которую терпят такие души, особенно если они грешили: им кажется, что Бог, по их грехам, попустил, чтобы они заблуждались. Когда Он дарует им милость, они не сомневаются, и верят, что она – ни от кого иного, как от Бога, но это ведь минует быстро, о грехах же помнишь непрестанно, да и видишь в себе недостатки – их всегда хватает, – вот и приходит эта мука. Успокоит духовник, и станет легче, хоть печаль и вернется; а вот если он прибавит страху, это и вынести невозможно, особенно если за этим следует сухость, и кажется, что ты не помнил, и не вспомнишь Бога, а когда о Нем говорят, Он словно бы кто-то незнакомый.

9. Это бы ничего, если б душе еще не казалось, что она не умеет все растолковать духовникам, и вводит их в заблуж-

80

дение. Она думает, и видит, что нет и помысла, который бы она скрыла, но все тщетно, ибо разум так помрачен, что не может видеть истины, и верит всему, что представит воображение (теперь правит оно), да глупостям, которые вздумает представить дьявол, а уж ему, наверное, Сам Господь попустил это, чтобы ее испытать и чтобы она поняла, что Бог ее наказует. Очень многое мучит ее и терзает, и страдает она просто как в аду, ибо ей нет никакого утешения. Если она говорит с духовником, так и кажется, что все бесы слетаются к нему, чтобы он еще ее помучал. Один духовник, общаясь с душой, которая вот так мучалась, думал, что она в опасности, ибо муки ее сопровождалась и другими явлениями; и сказал ей, чтобы она предупреждала его всякий раз, как это будет, но становилось все хуже и хуже, и он решил, что больше над ней не властен⁶⁰. Ум у нее до того помутился, что она ничего не понимала, если брала книгу по-испански, хотя хорошо умела читать.

10. Словом, в такой буре остается одно – ждать помощи от Бога, Который в самый неожиданный час, одним Своим словом или как бы случаем снимет всю тяжесть, словно душа и не была во мраке, все в ней теперь свет и утешение; и, как тот, кто спасся в страшной битве, одержав победу, она славит Господа, ибо прекрасно знает, что сражалась не она. Ведь все, чем она могла бы защищаться, – в руке врага, вот она и знает, как немощна и как мало мы можем, если не поддержит Бог.

11. Теперь, наверное, и думать не надо, чтобы это понять, хватит опыта; она ведь видела, что ничего не может, и уразумела, как мы ничтожны и немощны; а благодать (она была, ибо душа не оскорбляла Бога, сколько ни мучалась, и ни за что бы не оскорбила), так вот, благодать была так скрыта, что душе казалось, будто она ни искорки не видела от Божьей любви и сама Его не любила. Если она сделала что доброе, если что от Господа и получила, то было это как бы во сне или в мечтании. А вот что грешила, она знает точно.

12. О, Господи, как тяжело видеть такую несчастную душу! Я уже говорила, ничто на земле ее не утешит, так что вы не думайте, сестрицы, если это с вами будет, что богатым и свободным тут легче утешиться. Нет, нет, ведь, по моему, если осужденным на смерть предложить все улады, какие есть в мире, им легче не станет, только хуже. Так и тут, мирские блага не помогут, это ведь идет свыше. Великий Господь хочет, чтобы мы знали, что Он – Царь, а мы – немощны; это очень важно для того, о чем я дальше скажу.

13. Так что ж будет делать бедная душа, если это тянется долго? Ведь она молится – и как бы не молится, то есть утешенья ей нет; слова не входят внутрь, она их сама не понимает, хоть бы молилась вслух, ибо молиться про себя в такое время нельзя никак, силы не на то направлены, одной оставаться куда вреднее, но говорить и слушать кого-нибудь – еще одно мученье. Вот она, как ни старается, и угрюма, и неприглядна, это видно сразу.

Может ли она сказать, что с ней такое? Не может, ибо это – горести и муки духовные, названья им нету. Лучше всего (не для освобожденья, таких средств я не знаю, а чтобы все это вынести), так вот, лучше всего – заняться милостыней, добрыми делами и положиться на милость Божию, которую Он всегда даст, если на Него надеяться. Слава Ему веки, аминь.

14. Другие страданья – от бесов, внешние, бывают не столь часто, вот и не станем о них говорить, да они и не столь тягостны. Ведь сколько бы бесы ни делали, они, на мой взгляд, не могут так измучать и так возмутить душу; в конце концов, разумно подумать, что им не дано сделать больше, чем Господь попустит, а если разум не утрачен, все легче того, о чем мы говорили.

15. О других внутренних муках мы поговорим, когда будем толковать о разных степенях молитвы и милости Божьей. Хотя некоторые из них еще труднее перенести, чем вот эти, очень уж страдает тело, назвать испытаниями их нельзя, и мы не назовем, ибо велики милости Господни, и

душа это понимает, и знает, что ничуть их не заслужила. Эти великие муки приходят, чтобы войти в седьмую обитель, вместе с другими; о некоторых я скажу, обо всех и не скажешь, и не опишешь их, ведь они другого рода, куда как выше. Если уж я об этих, очень низких родом, сумела сказать только то, что сказала, о тех я сказала бы еще меньше. Да поможет мне во всем Господь ради заслуг Своего Сына! Аминь.

ГЛАВА II

говорит о разных способах, с помощью которых Господь наш пробуждает душу. Бояться тут, наверное, нечего, хотя дело это очень возвышенное, и великая милость.

1. Так и кажется, что мы забыли про нашу голубку, а мы не забыли, ведь от этих страданий она взлетит еще выше.

Поговорим же теперь о том, как обращается с ней Жених. Прежде чем совсем с нею соединиться, Он внушает ей к этому тяготение, да так тонко, что она сама того не понимает, и я не сумею описать, чтобы поняли вы, если с вами этого не было. Порывы эти столь тонки и незаметны – ведь исходят они из самой сердцевины души, – что я и не знаю, с чем их сравнить.

2. Все это совсем непохоже на то, что мы можем обрести здесь, и даже на улады, о которых я говорила. Часто сама душа ни о чем не помышляет, и не думает о Боге, а Он пробуждает ее, словно комета или гром, хотя ничего и не слышно; но она понимает, что это был зов Божий, да так хорошо, что порой, особенно – поначалу, трепещет и даже стонет, хотя у нее ничего не болит. Она чувствует, что ранена самым сладостным образом, но не понимает, кто ее ранил и как, знает только, что все это дивно и прекрасно, и не хочет исцелиться. Словами любви, даже вслух – иначе она не умеет – она жалуется Жениху, ибо знает, что Он –

рядом, но не являет Себя, дабы не помешать ей. Это все нелегко, хотя и дивно, и сладостно; душа и хотела бы, чтобы этого не было, – и не может такого хотеть, и никогда не захочет, ибо отрады здесь много больше, чем в сладостном самозабвенье молитвы о покое, где скорби и труда нет.

3. Чего я только ни делаю, сестрицы, чтобы вам объяснить, как действует тут любовь, и никак не могу. Ведь вроде бы нельзя сказать, что Возлюбленный и пребывает с душой, и призывает ее столь явно, что и не усомнишься, подзывает посвистом столь пронзительным, что душа непременно его расслышит, ибо ясно, что это Жених, пребывая в седьмой обители, обращается к ней так, что пребывающие в других покоях – то бишь чувства, силы, воображение – и пошевелиться не смеют.

О, Всемогущий мой Боже, как велики Твои тайны и как отлично все духовное от всего земного! Ведь никак не опишешь даже это, столь малое в сравнении с тем, что Ты даруешь душе.

4. Так велико действие этого дара, что душа, изнемогая от стремления к Богу, не знает, чего и просить, ибо понимает, что Бог ее – с ней. Вы спросите, чего же тогда она хочет и от чего томится, какой еще милости добивается? Не знаю; знаю только, что муки достигают самой ее глубины, когда же ранивший вырвет стрелу, ей кажется, что Он вынул и внутренности, так сильна эта любовь. Вот я думаю, можно ли сравнить Божью любовь с огнем на жаровне, от которого в душу отлетает искра, и душа чувствует сжигающий жар, не такой сильный, чтобы ее спалить, но все же такой, что при всей своей сладостности он причиняет ей боль одним прикосновением. Вроде бы это сравнение – лучше всех, какие я привела. Ведь эта приятная боль – даже и не боль – не остается в душе; порою она продолжительна, иногда же – мимолетна, это уж по воле Божьей, и ее никак не вызовешь сам, сколько ни старайся. Иногда она длится, потом проходит и возвращается, словом – не пребывает постоянно и потому не сжигает душу; искра загорится – и гаснет, а душа хочет снова испытать такое жжение.

5. Нельзя и подумать, что это происходит от нашего естества, или от меланхолии, или от дьявольского наваждения, или просто от прихоти. И сомневаться не надо, что это – от Бога, Который неизменен. Действия эти не похожи на другие благочестивые переживания, в которых можно усомниться, ибо в них много сладости чувств. Здесь же все чувства и силы трезвы и, кажется, неспособны ни усилить, ни устранить эту дивную боль.

Всякий, получивший такую милость от Господа (если это с ним было, он поймет, о чем я), пусть очень возблагодарит Его и не боится прельщения. Скорее тут надо бояться неблагодарности за столь великий дар и, по мере сил, служить Господу и жить получше; тогда обретешь еще больше даров и милостей. Одной особе, с которой все это было, их хватило на несколько лет жизни, и если бы ей пришлось служить Господу долгие годы тяжкими трудами, плата не была бы высока. Да будет Он благословен во веки. Аминь.

6. Может быть, вы не поймете, почему здесь меньше опасности обмануться, чем в других случаях. Я думаю, вот почему: во-первых дьявол никак не может дать такую дивную муку; он может дать усладу и наслаждение, которые покажутся духовными, но соединить такую муку с миром и отрадой не в его силах. Он ведь наступает только извне, и тяготы от него, если они есть, не усладительны и не мирны, а тревожны и беспокойны. Во-вторых, эта сладостная буря идет не из его владений. В-третьих, тут очень большая прибыль душе, а потому обычно душа решает пострадать и потрудиться ради Господа, отрешиться от земных утех и тому подобное.

7. Что это не померещилось, очень ясно, ибо душа, как бы ни старалась, не может породить такое состояние одними своими силами. Все это так заметно и особенно, что никак не придумаешь, если не пережил на самом деле, и не усомнишься, если пережил. Если же хоть как-то усомнишься, была эта милость или нет, можно считать, что порывы эти – поддельны, ибо они так же вняты душе, как громкий

голос – слуху. Что же до меланхолии, это уж никак невозможно, потому что ведь душа производит свои причуды только с помощью воображения, тогда как вот это исходит из самой ее глубины.

Конечно, я могу ошибаться, но пока я не услышала доводов от людей понимающих, буду думать так. Я знаю одну особу, которая всегда боялась подлогов, но вот в этой молитве у нее сомнений не было.

8. Господь пробуждает души и другими путями. Иногда, совершенно неожиданно, во время устной молитвы, когда не думаешь о внутреннем, душу охватывает сладостное пламя, словно благоухание, и такое сильное, что оно проникает во все чувства (я не говорю, что это запах, я просто сравниваю). Душа ощущает, что Жених близко. Источник этого дара – тот же, что и предыдущий, хотя он и не сопряжен со страданием и в тяготении души к Богу нет ничего тягостного; это более обычно. Здесь тоже нечего бояться, по тем же причинам; нет, надо возблагодарить за эту милость Бога.

ГЛАВА III

говорит о том же и, описывая, как Бог, когда Ему угодно, говорит с душой, указывает, как ей вести себя, не руководясь своим мнением. Указывает она и несколько признаков, по которым можно узнать, когда это обман и когда нет. Эта глава очень полезна.

1. Бог пробуждает душу и другим способом, который кое в чем кажется большей милостью, чем предыдущие, но в нем таится и больше опасностей; вот почему я его опишу. Он говорит с душой, и на разные лады. Иногда это как бы приходит извне, иногда – из самой глубины души, иногда – с самой ее высоты, иногда же – настолько извне, что слова можно услышать, словно их ясно произнес чей-то голос.

Иногда, и нередко, это нам кажется, особенно людям с большим воображением или в унынии, то есть в большом унынии.

2. На них, я думаю, не надо обращать внимания, даже если они скажут, что видят, слышат и понимают, но не надо и пугать их, что это – от бесов. Нужно выслушать их, как больных. Пусть настоятельница или духовник, или кто иной посоветуют им не обращать внимания, ибо не в этом служение Богу, и многих обманул дьявол, хотя тут, наверное, это и не так. Не надо огорчать их еще больше! Если им кто-нибудь скажет, что это все от уныния, то этому конца не будет – они поклянутся, что вправду видят и слышат все, ведь им так кажется.

3. Правда, надо сделать так, чтобы они меньше молились, и, по мере сил, не придавали всему этому значения; ведь бес извлекает выгоду из таких больных, не столько им во вред, сколько другим. Со здоровыми ли, с больными ли, – всегда надо опасаться таких вещей, пока не узнаешь, откуда они. Я так скажу, лучше всего сначала этому не потворствовать – если это от Бога, только легче будет идти вперед, препятствия даже и помогут. Это так, но все-таки не надо угнетать и беспокоить душу, она ведь и впрямь ничего больше сделать не может.

4. Вернусь к тому, о чем говорила. Такие слова, самого разного рода, могут быть от Бога, могут быть от беса, а могут быть и от воображения. Укажу, если смогу, с Божией помощью, как отличить подлинное от подложного, как распознать опасность. Ведь многие, знающие молитвенную жизнь, и впрямь их слышат, и я бы хотела, сестрицы, чтобы вы не думали, что ошиблись, если поверили им или не поверили себе, когда слышали сами – будь то утешение или предостережение – и решили, что вам примерещилось; все это не так важно. От одного я предостерегаю: даже если это от Бога, не думайте, что вы поэтому лучше других, ведь Спаситель, как мы знаем, много раз обращался к фарисеям. Главное – извлекать добро из этих слов; все же,

что не согласно со Святым Писанием, – отвергайте, точно вы это слышали от самого дьявола. Даже когда такие слова – от воображения, их надо отвергнуть как искушения против истин веры и всегда противиться им, чтобы не было каких последствий, и они забудутся сами по себе, ибо силы в них мало.

5. Вернемся к тому, о чем говорили сначала: приходят ли эти слова изнутри, сверху или извне – мы не можем решать, от Бога они или нет. Самые верные признаки, которыми можно тут руководиться, по-моему, вот какие: первый – это сила и власть, которые они несут с собою, то есть сказано тебе – и делаешь. Объясню получше: вот, душа в смятении и горе, как описано выше, в помрачении и безутешности. А услышит – «не печалься», и слова этого достаточно, чтобы мир сошел на нее, утешил, озарил, освободил от скорби, такой глубокой, что ей казалось, будто весь свет и все ученые богословы, какие только есть, не убедили бы ее ободриться, ничего бы не добились, несмотря на все старания. Другая тужит и боится, ибо и духовник, и другие сказали, что ее прельстил бес. А услышит: «Это Я, не бойся» – и все меняется: она преисполнится великим утешением и ей уже кажется, что никто не разубедит ее. Еще кто-то опечален важными, трудными делами; но он слышит уверение, что «все будет хорошо», и вся забота, вся печаль исчезает. Так случается и со многими другими.

6. Второй признак – великий покой в душе, и благоговейная, мирная собранность мыслей, и готовность славить Бога. О, Господи! Если слово, переданное Тобой одному из Твоих посланников (говорят, по крайней мере в этой обители слова произносит не Сам Господь, а какой-нибудь Его ангел), если слово это так сильно, какую же силу Ты дашь душе, если Ты соединен с ней любовью, она – с Тобою?

7. Третий признак – слова остаются в памяти очень долго, а то и всегда. Так не случается, если что услышишь от других людей, даже очень стоящих и ученых – то, что они скажут, не запечатлевается в памяти, а когда они пророче-

ствуют о будущем, ты не уверен, что это исполнится, как бывает от слов свыше. Правда, если чему вроде бы трудно исполниться, поневоле в этом усомнишься, но в самой душе есть непоколебимая уверенность, хотя все, как будто бы, против того, что душа услышала. Проходят годы, а душа все думает, что Бог найдет способ, неведомый людям, и в конце концов все исполнится; так и бывает. Хотя, как я говорила, душа и томится, ведь она видит много неблагоприятного, да и пророчество она слышала давно, оно уже не так действует, и душа не так уверена, что это – от Бога, а не от беса, не от воображения. Раньше она готова была умереть в доказательство того, что это – правда, но теперь ничего такого не осталось. А ведь бес, чтобы опечалить и утратить душу, чего только не сделает, особенно – когда видит, что от исполнения прореченного зависит благо души и оно направлено к славе Божией! Во всяком случае, слабеет вера, что Бог силен совершить то, что превосходит наше разумение, и от этого душе большой вред.

8. Душа борется вот так, и многие говорят ей, что все это – глупости (я про духовников, с которыми говорят про такие вещи), и всякие беды мешают поверить, что все будет хорошо, и все-таки в душе – сама не знаю, где – остается живая искра, и душа верит, что все сбудется, хотя все надежды и рухнули, и эта искра не гаснет, даже против желания самой души. И в конце концов, как я уже говорила, слово Господне сбывается, и душа так радуется, так веселится, что только и хочет славить Господа гораздо больше – за то, что сказанное сбылось, чем из-за самого дела, даже если оно для нее очень важно.

9. Не знаю, почему ей так важно, чтобы эти слова оправдались. Если бы ее саму уличили во лжи, не думаю, что она больше бы огорчилась; словно она отвечала за их истину, тогда как она только повторяла, что слышала. Одна особа в подобных случаях много раз вспоминала пророка Иону, который боялся, что Ниневия не будет разрушена⁶¹. Ведь впрямь, если это от Духа Божьего, то справедливо Ему до-

верить и хотеть, чтобы Его не считали способным на обман, ибо Он – Высшая Истина. Вот и радуется тот, кто после тысячи превратностей и самых тяжелых бед видит, что обетование сбывается; и хотя той же душе суждены от этого новые тяготы, она предпочтет их, только бы исполнилось то, что она считает обетованием Господним. Быть может, и не все так слабы, но я не могу никого за это осудить.

10. Когда слова – от воображения, то нет никакого из этих признаков: ни уверенности, ни мира, ни духовного утешения; хотя я знаю некоторых, которые погружались то ли в молитву покоя, то ли в духовный сон, и по слабости своего здоровья или воображения, или уж не знаю от чего, и впрямь так глубоко собираются мыслями, находясь как бы вне себя, что нечувствительны ко всему внешнему. Чувства их засыпают, дремлют, как у спящего, и в этом сне им чудится, что с ними кто-то говорит или они что-то видят, а думают, что это – от Бога, но тут и действия – как от простого сна. Бывает и другое: испрашивает что-нибудь у Господа с большой любовью, душа мнит, что слышит ответ, который хотела получить. Только того, по-моему, кто очень опытен в таких делах, не обманет воображение.

11. Беса надо опасаться больше. Если есть все указанные признаки, можно верить, что наитие – от Бога; но когда дело идет о важных решениях или о каких-нибудь людях, нельзя ни делать ничего, ни решать без совета праведного, осмотрительного и ученого духовника, сколько бы ты ни слышал и как бы ни верил, что это – от Бога. Такова Его воля в этих случаях, и мы не ослушаемся Его повелений, ибо Он Сам сказал, что священник говорит от Его имени⁶², а Святое Писание истинно, сомневаться в нем нельзя. Когда это трудно исполнить, духовник ободрит, ибо Сам Бог ему внушит сказать, что это согласно с Его волей, а нет – то и не надо ничего делать. Поступать же иначе, руководясь своим мнением, по-моему очень опасно, я уже это говорила. Поэтому, сестрицы, я предостерегаю вас от имени нашего Господа, чтобы этого никогда с вами не случилось.

12. Есть и еще способ, которым Бог говорит душе, и я считаю что он уж точно подлинный, то есть не допускает сомнения. Это – умное видение, о котором речь пойдет позже. Оно проистекает в такой глубине души, духовный слух так ясно слышит слова, произносимые Господом, и так втайне, что и само восприятие, и действие, производимое видением, сообщает уверенность, что это не от беса. Видение это слишком действенно, чтобы в нем усомниться; по крайней мере, можно верить, что оно – не от воображения, и, при благоразумии, быть спокойным вот по каким причинам: во-первых потому что слова очень четки, они столь ясны, что заметишь, если не достанет одного слога, даже если это было целое изречение. Все же порожденное воображением – не так ясно, слова не так отчетливы, словно их слышишь в полусне.

13. Вторая причина: часто душа и не думала раньше о том, что ей дано услышать, то есть слова приходят внезапно и даже когда она беседует с другими. Порой они отвечают на летучую мысль или на предыдущее размышление; но чаще относятся к вещам, не доходившим до сознания, или к тому, что будет или может быть. Поэтому здесь нет воображения и обмана, ведь душа никогда не желала и не знала того, что она услышала.

14. Третья причина: подлинное внушение, отдельными словами, душа слышит, а слова, порожденные воображением, словно бы мало-помалу составляет сама, согласно тому, что она хочет услышать.

15. Четвертая причина: слова здесь очень разнятся от обиходной речи, ибо одно слово выражает многое – то, что наш разум не мог бы составить с такой быстротой.

16. Пятая причина: совместно со словами нам нередко дается понять гораздо больше того, что они значат, но я не смогу объяснить, как именно. Об этом я скажу позже, ибо это весьма превосходно и побуждает прославить Бога. Случалось, что такие духовные наития повергали некоторых в большие сомнения, особенно же одну особу, а наверное – и

других. Особа эта долго не могла успокоиться, хотя явления, посылаемые ей часто от Господа, были подвергнуты многим испытаниям. Сперва она больше всего опасалась, что это – от воображения. Легче понять, откуда это, когда это от беса, хотя козни его столь многообразны, что он способен проявляться под видом ангела света; но мне кажется, он может подделывать только четкость в словах, что убеждает нас, ибо так бывает, когда слова исходят от Духа Истины, но он не может подделать действия, о которых я говорила, и в душе остается не мир и свет, а беспокойство и тревога. Он причинит лишь незначительный вред, а то и никакого, если душа смиренна и делает, что я сказала, то есть воздерживается от действий, к которым эти внушения побуждают.

17. Когда душа получает дары и милости от Господа, ей надлежит обращать особое внимание, сочла ли она себя лучше других или же от возвышенности услышанных ею утешений еще сильнее осознала свое недостойнство. Если не осознала, надо полагать, что дух этот – не от Бога. Когда милость душе исходит от Духа Истины, она больше смиряется, больше помнит о своих грехах и забывает о выгоде и пользе, а все стремление ее и вся память ищут лишь славы Божией. Она сильнее боится, что даже в самом малом отступит от истины, и уверена, что достойна адских мучений, а не Божьих милостей. Вот если таковы плоды ее духовного подвига и даров, полученных на молитве, пусть отринет страх и надеется на милосердие Божие; Господь верен и не попустил дьяволу обмануть ее, хотя ей хорошо сохранить опасение.

18. Тем, кого Бог не ведет этим путем, покажется, что, быть может, душе лучше не слушать этих слов, и когда они звучат в ее глубине, отвлекаться, сколько может, а не обращать на них внимания. Тут отвечу, что это невозможно – я не о тех словах, которые от воображения, – не желая их и не обращая на них внимания, душа спасается. А вот если слова идут от Бога, это средство не годится, ибо Сам Дух

остановит все остальные мысли, сосредотачивая внимание на том, что Он говорит. Мне кажется – да так оно и есть, – что с хорошим слухом легче не слышать, если кто кричит, чем не слышать здесь, ибо там можно не обращать внимания или занять свои мысли чем другим, а тут это никак невозможно, ведь душе не заткнуть уши, и не станет она думать ни о чем, кроме того, что ей говорят. Тот, Кто остановил солнце – кажется, по молитве Иисуса Навина⁶³ – властен, я думаю, остановить и силы душевные и весь внутренний мир, дабы душа поняла, что не она сама, а Иной царит в Замке, и исполнилась смирения и благоговения. Итак, не слышать нельзя. Пускай же Господь дарует нам благодать, чтобы мы стремились лишь угодить Ему и отречься от себя, как я уже говорила. Аминь. И да будет Его Воля, чтобы я растолковала вам, что хотела, и чтобы это несло хоть какую-то пользу тому, кто будет одарен этими духовными милостями.

ГЛАВА IV

говорит о том, как Господь отрешает душу во время молитвы исступления или экстаза или восхищения (я думаю, что все это – одно и то же), и о мужестве, необходимом, чтобы получить великие дары от Господа.

1. Как может быть спокойной бедная бабочка среди стольких испытаний и всего, о чем шла речь? Она еще больше хочет насладиться присутствием Жениха, тогда как Он, Кому известна наша слабость, располагает ее многими способами к единению с Ним, Великим Господом, сообщая ей мужество взять Его в Супруги.

2. Вы посмеетесь, что я так говорю, и вам это покажется нелепицей, ведь любая из вас, наверное, думает, что здесь не нужно никакого мужества и что нет ни одной женщины, столь низко поставленной, которая не отважилась бы стать

царской невестой. И я так думаю, если царь – земной, но когда это – Царь Небесный, поверьте, нужно больше смелости, чем вы думаете. Мы по естеству своему слишком робки и убоги для такой великой милости и, я уверена, если бы это дал не Бог, сколько бы мы и видели, что это нам на благо, мы бы не решились. Вы сами это поймете, когда увидите, что совершает Господь, дабы мы с Ним обручились, а это, по-моему, бывает во время исступления, когда душа отрешается от чувств, ибо иначе, так близко от такого величия, она бы живой не осталась. Только поймите, это об истинном исступлении, а не о женских слабостях, которым мы все здесь подвержены, и которые принимаем за экстаз или восхищение; ведь – кажется, я уже говорила – есть столь хилые создания, что они обмирают, чуть начнут молитву о покое.

Здесь я хочу описать некоторые роды исступления (о которых слыхала от многих духовных людей), хотя и не уверена, что мне это удастся, как было и тогда, когда я писала в других местах и об этом, и о другом; но, по разным соображениям, мне показалось, что неплохо бы повторить все это, хотя бы потому, что здесь уместно объединить все, что относится к разным обителям.

3. Один из видов такого исступления бывает, когда душа, даже не на молитве, поражается словом, пришедшим ей на память или услышанным от Бога. Господь, тронутый долгими ее страданиями из-за того, что она хотела приблизиться к Нему, воспламеняет искру в самой ее глубине, это я уже говорила. Душа, охваченная пламенем, словно птица феникс, вся преобразуется, и вполне благочестиво предположить, что грехи ее в тот миг прощены. Вот такую очищенную душу Бог соединяет с Собой, и никто иной об этом не ведает, даже сама душа не может сказать об этом после, хотя чувства ее и не спали, как бывает в обмороке или в припадке, когда теряют сознание.

4. Насколько я могу понять, душа до того никогда не воспринимала так трезво то, что от Бога, и не была так озаре-

на познанием Его величия. Вроде бы, этого быть не может, ведь силы ее и чувства так сосредоточены, что их можно счесть мертвыми, как же допустить, что она проникла в эту тайну? Не знаю, а может – и никто не знает, кроме Самого Создателя, и это же мы вправе сказать о многом другом, что бывает в таком состоянии, то есть в этих двух обителях. Ведь шестую и седьмую можно бы соединить в одну, ибо из одной в другую нет закрытых дверей. Правда, в седьмой происходит то, что чуждо тем, кто еще не вошел в нее, и только поэтому мне показалось, что лучше их разделить.

5. Когда душа в таком состоянии и Господу угодно открыть ей некоторые тайны, скажем – небо, и дать ей иные видения, воспринимаемые воображением, она способна потом их описать, ибо они настолько запечатлены в памяти, что никогда невозможно их забыть. А вот когда это – видения умные, описать их нельзя, ибо они весьма возвышены и недоступны пониманию живущих на земле. Однако вернувшись в обычное состояние, душа может передать нечто о многих из этих умственных видений. Возможно, некоторые из вас не знают, что такое – видения, и особенно – умные. Я объясню это, когда надо. Так мне велели настоятели, и, хотя это, быть может, покажется некстати, все же некоторым принесет пользу.

6. Вы скажете мне: если душа не вспомнит возвышенных милостей, оказанных Господом, какую же пользу могут они принести ей? Ох, доченьки, очень большую; ведь даже если видения не опишешь, они запечатлелись в недрах души и забыть их нельзя. Тогда вы спросите: если они безобразны и невозможно воспринять их душевными силами, как же о них можно помнить? Я тоже не понимаю, но все же знаю, что некоторые истины о величии Божьем остаются в душе столь непоколебимо, что если бы даже наша вера не учила, Кто Он, и не велела верить в Него, душа поклонилась бы Ему в тот миг, как поклонился Иаков, когда узрел в видении лестницу⁶⁴. Конечно, тогда же он непременно уразумел и другие тайны, которые уже не мог выра-

зять – ведь если бы внутренний свет не был больше, он бы не понял столь сокровенных и великих вещей при одном виде лестницы, по которой всходили и спускались ангелы.

7. Я не уверена, что объясняю точно – ведь хотя я и слышала обо всем этом, я не знаю, хорошо ли я все запомнила. Моисей тоже не смог сказать всего, что он видел в купине, а лишь столько, сколько было угодно Богу⁶⁵. Но если бы Тот не уверил его в истине Своего Откровения так, чтобы он узрел и поверил, что это – Он, Моисей не решился бы на такие многочисленные и великие подвиги. Конечно, ему было дано уразуметь что-то великое в шипах этой купины, вот он и отважился совершить все, что он сделал для Израиля. Так что, сестрицы, нам подобает не проникать в Божии тайны, дабы понять их, а верить в Его могущество; допустим же, что таким немощным червям, как мы, не охватить Божиего величия. Воздадим Ему хвалу за то, что, по Его милости, мы уразумели хоть малую часть.

8. Я бы хотела найти сравнение, чтобы пояснить то, о чем я говорю, но ни одно не подходит, однако скажем так: вы входите в покои какого-нибудь царя или вельможи, и там очень много хрустальной и глиняной посуды, и других вещей, и они так расположены, что, войдя, можно увидеть все сразу. Однажды меня ввели в такой зал у герцогини Альбы (исполняя послушание, я остановилась там проездом, она меня очень просила через моих настоятелей). Вошла я и испугалась, удивляясь, к чему бы такая куча вещей; но тут же поняла, что и это может послужить прославлению Господа. А теперь вот радуюсь, что это здесь пригодится. Хотя я была там какое-то время, я не смогла удержать в памяти всего, что увидела, ни одну из вещей не помню, словно их и не видела, так что не могла сказать после, как они сделаны, запомнила только все вместе. Так и здесь, когда душа воедино с Богом в чертоге высшего неба, которое – в нас самих (ведь, ясное дело, если Бог – в наших душах, то там же и Его обитель). Хотя душа и в экстазе, не всегда угодно Господу, чтобы она видела эти тайны (она

96

поглочена тем, что Ему радуется, и довольно с нее); но порой Его воля отрешает ее от высшего созерцания и тогда она видит все, что только есть в том чертоге. Когда же она придет в себя, в ней остается все великое, что она видела, но она не может хоть что-либо описать, ибо ее естество не способно подняться до того, что Бог сверхъестественным образом благоволил открыть ей.

9. То ли это видения, которые воспринимаются воображением? Этого я не говорю, тут – видение умное; я ведь не учена и, по неуклюжести не умею объяснить лучше. Так что если я до сих пор что-то сказала о такой молитве, ясно, что если сказала хорошо, это не от меня, а от Бога. Сама я думаю, если в исступлении душе не открывается что-то сокровенное – это не подлинный экстаз, а просто природная слабость, свойственная людям некрепкого сложения, как мы, женщины, – только соприкоснется хоть как-то дух с естеством, они теряют силу и отрешаются; я уже это говорила, когда шла речь о молитве покоя. Все это – совсем не экстаз, ведь в экстазе душа восхищена Богом вся, целиком, и Он, как Своей невесте, показывает ей частицу Царствия, принадлежащего ей по праву. Как бы это не было мало, это много, как и все в Господе, Который не желает помехи ни от способностей, ни от чувств души; вот Он сразу и велит затворить двери всех обитателей, оставляя открытым только вход в чертог, где Он Сам, чтобы и мы вошли в него. Да будет благословенна такая великая милость. Вот и понятно, почему будут осуждены те, кто не желает воспользоваться ею и теряет общение с Господом.

10. О, сестрицы, как ничтожно все, что мы оставили в миру, и все то, что мы делаем и могли бы сделать ради Бога, Которому угодно иметь общение с такими червями! Если у нас есть надежда уже здесь, в этой жизни насладиться этим благом, что мы делаем, дабы его достичь? Чего мы ждем? Какая может быть причина, чтобы потерять даже одно мгновение, когда мы ищем Господа, как невеста в Песне Песней, которая искала Его по улицам и площа-

дям?⁶⁶ Как обманчиво все в этом мире, когда не ведет нас к этой цели, даже если бы мирские наслаждения, богатства и радости и все в нем длилось вечно! Все мерзость и мусор перед сокровищами, которыми мы будем наслаждаться без конца. Но и все эти радости – ничто перед тем, чтобы обладать Нашим Господом и Владыкою всех сокровищ небесных и земных.

11. О слепота человеческая! До каких, до каких же пор пыль эта будет затемнять нам взор? Хотя тут, у нас, ее не так много, чтобы мы совсем ослепли, я все-таки вижу соломинки и песчинки, которые умножатся, если мы оставим их без внимания, и причинят нам большой вред. Ради любви к Богу, сестрицы, используем наши недостатки, чтобы познать нашу немощь, и да послужат они тому, чтобы мы видели лучше, как послужило брение из грязи слепому, излеченному нашим Женихом⁶⁷. Итак, при виде нашего несовершенства будем усерднее умолять Его, чтобы Он извлек благо из нашего убожества, и мы во всем угодили Ему.

12. Незаметно для себя самой, я далеко отошла в сторону. Простите мне, сестрицы, и поверьте, что, дойдя до столь великих дел Божиих, то есть до их описания, я очень жалею, когда вижу, как много мы теряем по нашей вине. Правда, Господь дает все это, кому хочет, и все-таки Он дал бы это всем нам, если бы мы любили Его, как Он любит нас, ибо Он только и желает, как найти, кому оказать милости, и богатства Его от этого не уменьшаются.

13. Возвращаюсь снова к тому, о чем говорила. Жених велит закрыть двери обитателей и всего Замка и внешних стен. Когда Он восхищает душу, дыхание останавливается, и хотя другие чувства еще некоторое время способны к восприятию, она никак не может говорить. Порой все ее душевные способности внезапно отрешаются, руки и тело холодеют как у мертвой, так что трудно понять, осталось ли в ней дыхание или нет. Это бывает недолго, то есть она приходит в себя; такое исступление проходит, тело возвращается к обычному состоянию и вдыхает воздух, но лишь

для того, чтобы умереть снова и дать больше жизни душе. И все-таки такой экстаз не длится долго.

14. Случается, однако, что полное отрешение чувств проходит, но воля остается как бы в плену и разум поглощен на целый день или даже на несколько дней, так что кажется, будто душа может заняться только тем, что побуждает ее к большей любви. Для этого – она бодрствует, для земных наслаждений – как бы спит.

15. О, как смущается она, когда придет в себя, и как хочет любыми способами послужить Господу и угодить! Если желания эти оставались в душе после описанных выше степеней молитвы, что можно сказать о такой великой милости? Теперь душа хотела бы жить не один раз, а тысячу, чтобы столько же раз пожертвовать жизнью Богу и чтобы все на земле прославляло Его из-за нее. Она стремится к подвигам и все, что она делает, кажется ей ничтожным, так пламенна ее любовь. Теперь она понимает, почему мученики не считали тяжелыми свои страдания – ведь с помощью Божией все легко. Кроме того, душа скорбит перед Ним, когда нет случая ради Него пострадать.

16. Душа очень ценит, когда получает дары от Бога втайне; когда же это бывает на людях, она не так поглощена и не так рада, она стыдится и смущается, мучается, что подумают люди; ведь мир лукав, и состояние это припишут не Богу, а вместо хвалы Ему оно даст повод к пересудам. В такой тревоге и печали мне видится недостаток смирения; правда, это от нас не зависит, но ведь если ты стремишься к поношению, что тебе от того? Одна особа вот так горевала, и услышала слова Господа: «Не печалься, будут они хвалить Меня или хулить тебя – ты в любом случае получишь пользу⁶⁸. Я узнала потом, что особу эту очень ободрили и утешили эти слова; чтобы утешить тех, кто так вот мучается, пишу их здесь. Кажется, Господь хочет, чтобы все поняли, что эта душа теперь принадлежит Ему и никто не должен ее беспокоить. Что до тела, до чести, до имения – им пускай вредят, все будет к славе Божией. А вот душу и

трогать нельзя, и если она сама не откажется от Жениха по греховнейшей дерзости, Он защитит ее и от всего мира, и от всей преисподней.

17. Не знаю, объяснила ли я хоть как-то, что такое – исступление, ведь объяснить его совсем невозможно. Это я уже говорила. Наверное, все-таки я ничего не упустила, чтобы вы поняли, что это такое, ведь ложное исступление идет совсем иначе. Я не говорю «притворное», ибо тот, у кого они бывают, не хочет обмануть других, но обманывает себя. Тогда внешние признаки и действия в душе не соответствуют такой великой милости от Бога, и это вводит людей в соблазн, они вправе потом сомневаться, когда кому-то Бог окажет подлинную милость, да будет Он благодесловен во веки. Аминь. Аминь.

ГЛАВА V

продолжает все о том же и описывает, как душа поднимается к Богу другим путем, нежели тот, что был описан. Указывает, почему тут нужна отвага. Говорит кое-что о милости, которую так сладостно дарует Господь. Эта глава очень полезна.

1. Есть и другое восхищение или полет духа, как я бы сказала; хотя это то же самое, но воспринимается в глубине души совсем иначе. Иногда внезапно чувствуешь скорое движение духа, подобного восхищению, такое быстрое, что даже страшно, особенно в начале. Поэтому я сказала, что всякому, кому Бог окажет эту милость, нужно большое мужество, и вера, и упование, и большая решимость предать себя на волю Божью. Вы думаете, мало смятения, когда ты при всех своих чувствах и вдруг у тебя восхищают душу (некоторые из нас считали, что и тело)? Ведь в самом начале даже и не знаешь, что это от Бога.

2. Можно ли тут хоть как-то противиться? Ни в коем случае; это еще хуже. Я слышала от одной особы, что ка-

100

жется, будто Бог хочет показать душе: она так часто и безусловно предавала себя в Его руки, предоставляя Ему себя с такой готовностью, и теперь должна понять, что больше себе не принадлежит, а потому Он так резко, рывком восхищает ее. Она решилась быть в руках Божьих легкой, как соломинка, которую поднимает янтарь (если вы это видели), и обращая тем самым необходимость в добродетель. Я говорю «соломинка», ведь так оно и бывает – наш Великий и Могуущественный Великан восхищает дух с такой же легкостью, как исполин поднимает соломинку.

3. Похоже это и на водоем, о котором мы говорили, – кажется, в четвертой обители, теперь я уж и не помню – и который спокойно и тихо, то есть без всякого движения, наполнялся водой. Вот и тут Великий Бог, Который удерживает ручьи и запрещает выйти из берегов, дает свободу источникам, снабжавшим его водой, а они сильным напором вздымают вверх волну, столь мощную, что кораблик нашей души возносится на гребень. Если же судно не способно управлять само собой, а капитан и команда не в силах помочь при столь свирепом напоре волн, несущих его по своему произволу, еще менее могут недра души остановиться, где им угодно, или направить чувства и силы против влечения свыше. Ничто внешнее не участвует здесь.

4. Поистине, сестрицы, толкуя обо всем этом, я ужасаюсь могуществу Великого Царя и Правителя, нашего Бога. Что же тогда переживания тех, кто испытывает это? Я вот думаю, что если бы Господь открыл Себя так живущим в миру и в грехе, они не осмелились бы впредь преступать Его заповеди, если не из любви, то хоть из простого страха. Сколько же обязаны те, которые были научены столь превосходными способами, дабы всеми силами стремились не нарушать Его воли! Ради Него, сестрицы, я умоляю тех, кому Он оказал такие или подобные милости: не будьте нерадивыми, не ограничивайтесь лишь получением Его даров. Вспомните, кто много задолжал, тот много платит.

5. Вот и по этой причине необходимо мужество, ибо все это приводит в трепет. Без помощи Божией душа пребывала бы в постоянной печали, видя, как велики Его милости и как малы ее дела, в которых к тому же столько небрежности и недостатков в сравнении с тем, что она Ему должна. Делая что-либо, она старается скорее об этом забыть, помня лишь о своих грехах и предавая себя милосердию Божию, ведь ей нечем заплатить долг, вот она и надеется на Его милосердие и снисхождение к грешникам.

6. Может быть, Господь ответит ей, как Он ответил одной особе, молившейся перед Распятием, вот так печалась о том, что ей никогда не было что пожертвовать Богу или от чего отречься ради Него. Распятый Господь Сам утешил ее, сказав, что Он отдает ей все страдания и тяготы Своих Страстей, чтобы она принесла их в дар Его Отцу. Особа эта, как я от нее узнала, осталась столь утешенной и обогащенной, что так и не смогла этого забыть, видя свое ничтожество, все вспоминала об этом, ободряясь и утешаясь. Я могла бы привести и другие примеры, я ведь знаю много святых и благочестивых людей; говорю вам это, чтобы вы не думали, что я пишу о себе самой. Но тот случай кажется мне очень подходящим, ибо из него понятно, как угодно Господу, чтобы мы признали свою нищету и свое убожество и ясно видели: у нас есть только то, что мы получили от Бога. Так что, сестрицы, для всего этого и для многого другого в духовной жизни, особенно на этой ступени – нужна отвага, и, по-моему, если есть смирение, в последних обителях ее нужно больше, чем в прежних. Да будет угодно Господу дать нам ее, ради Его благодати.

7. Возвращаясь к внезапному восхищению, надо сказать, что в этот миг душе и впрямь кажется, что она – вне тела; а все-таки она знает, что тело еще живо, хотя тогда трудно сказать, в теле душа или нет. Ей кажется, что она была в другом мире, совсем не в том, в котором мы живем, и что ей показали другой свет, совсем не похожий на здешний. Если бы всю жизнь она пыталась представить себе

102

этот свет, и другое, что она увидела, то ничего бы не вышло. В одно мгновение душа научена стольким вещам сразу, что если бы она трудилась много лет, стараясь расположить в памяти все воспринятое ею, ей бы не удалось сделать и тысячной доли. Это видение – не умное, оно воспринимается чувствами; через него душа понимает без слов гораздо больше, чем можно узреть на земле обычным зрением. Например, она видит святых, и ей кажется, что она хорошо их знала раньше.

8. Иногда, вместе с тем, что она видит духовными очами, в умном видении, ей открывается и другое, например – ангельское воинство с его Господом. Она не видит ничего ни телесными, ни душевными очами, ни неким превосходнейшим знанием, о котором я не сумею рассказать, воспринимает все это и еще многое, чего тоже не опишешь. Кто через это прошел и способнее меня, может быть, это и выразит, хотя, мне кажется, это очень трудно. Я даже не знаю, в теле душа или нет; во всяком случае, я бы не решилась поклясться, что она в теле, или что тело – без души.

9. Я часто думала: если солнце, оставаясь на небе, посылает свои лучи, и такие сильные, что они достигают земли в одно мгновение, то душа и дух, с которым она воедино, как солнце с лучами, не покидая своего обиталища, силою жара, полученного от Солнца Истины, возносится сама над собой посредством самой возвышенной своей части. Сама не знаю, что говорю, а вот что уж точно, как пуля, вылетающая из аркебуза, когда взорвется порох, – душа взлетает (лучше не скажу) бесшумно, но так явственно, что никак не может быть, чтобы это померещилось. Когда душа, насколько ей дано понять, – вне себя самой, она видит великое; приходя же в себя, находит обильную прибыль. Все земное для нее не больше, чем сор, в сравнении с тем, что она узрела, и с той поры она едва живет на земле, а все, что ей казалось ценным, не возбуждает в ней вожеления, словно Господу было угодно показать ей что-то из той страны, которая ей обещана, как израильтянам, которых послали

в обетованную землю, и они принесли показать плоды⁶⁹, чтобы, предвосхищая место отдохновения, народ легче прошел трудный путь. Однако милость эта столь мимолетная, что можно недооценить ее, хотя так велики приобретения для души; тому, с кем этого не было, никак не понять, насколько она важна.

10. Вот и видно, что это не наваждение дьявольское, ведь все все эти действия в душе не могут примерещиться, и дьявол не может представить то, что приносит душе столько мира и духовной пользы, да еще и три превосходнейших дара. Во-первых, она познает величие Божие, а чем больше его созерцаешь, тем большего достигнешь разума. Во-вторых, она познает себя и смиряется, видя, как низка и немощна перед Тем, Кто создал столь великие вещи; раньше она отваживалась Ему противиться, а теперь даже не решается на Него взирать. В-третьих, она пренебрегает всем земным, кроме того, что может послужить славе Божьей.

11. Это – драгоценности, которые Жених дарит своей невесте, и цена их столь велика, что она их будет хранить; а встречи с Ним останутся так глубоко в ее памяти, что, я думаю, она не сможет забыть, пока не получит навсегда, иначе это было бы для нее великим бедствием. Жених, дающий ей эти дары, дает с ними и благодать, чтобы она их не потеряла.

12. Вернись теперь к тому, о чем я говорила, – к тому, что тут нужно мужество. Неужели вы думаете, что это так легко? Ведь и впрямь кажется, что душа отделяется от тела, ты же утрачиваешь все чувства и не знаешь, зачем. Вот и нужно, чтобы дал отвагу Тот, Кто дает и все остальное. Вы скажете, что этот страх хорошо вознаграждается. И я так скажу. Да будет благословен Тот, Кто силен дать столько душе и да удостоит Он нас послужить Ему. Аминь.

ГЛАВА VI

где говорится о плодах молитвы, описанной в предыдущей главе, и становится ясно, что она – истинная, а не обман. Говорится здесь и о другой милости, которую Господь открывает душе, дабы она Его славил.

1. Из-за таких великих милостей душа так хочет насладиться Тем, Кто их ей дает, что живет в мучении, хотя и сладостном. Ей очень хочется умереть, и она со слезами умоляет Бога забрать ее из этого изгнания. Все земное утомляет ее; одиночество ее облегчает, но скорбь возвращается и становится ей обычной спутницей, и в конце концов, бабочка никак не найдет покоя. Душа, скорее, становится такой нежной от любви, что непрестанно воспламеняется и взлетает ввысь; так что в этой обители она то и дело бывает восхищена, ничего поделать не может, даже на людях, вот ее и преследуют и осуждают. Кроме того, она и хотела бы откинуть всякий страх, но многие, особенно – духовники, запугивают ее, и никак не дают успокоиться.

2. Внутри она как будто и очень уверена, особенно наедине с Богом, но она и горюет, скорбит, она ведь боится, что бес прельстит ее, и она обидит Того, Кого так любит; о пересудах же она печется мало, разве что ее порицает духовник, словно она может сделать больше. Просит она одного – молиться за нее, молить Господа, чтобы Он вел ее по другому пути, потому что ей так советуют, убеждая ее, что этот очень опасен. Однако сама она нашла на нем много преимуществ и поневоле видит их, а кроме того, она читает, и слышит, и знает, что исполнение заповедей Божиих ведет на небо, и потому, даже если бы и хотела, не может променять этот путь на другой и предаться Божьей воле. Тем не менее, ее мучит, что она стремится не к тому, что ей внушают, и не следует советам духовника, тогда как послушание и угождение Господу предохраняет от самооболь-

щения. Ей кажется, что если она согрешит по своей воле и в малом, это погубит ее, и вот, она страдает, что грешит то и дело, хотя и невольно.

3. Бог дает этим душам великое желание угождать Ему во всем, даже в самом малом, и, поскольку возможно, избегать всего, что не согласно с самим совершенством. Только поэтому, ни по чему иному, она хотела бы уйти от людей в одиночество и очень завидует тем, кто живет или жил в пустыне; однако хотела бы жить и в миру, если только поможет хоть одной душе прославить Бога. Когда это – женщина, ее печалит, что она по природе своей не может делать всего; ведь она хотела бы подражать тем, кто свободен славить Господа Воинств.

4. О, бедная бабочка, связанная столькими цепями, которые не дают ей лететь, куда она хочет! Сжался над ней, Господи, сделай так, чтобы она могла, хоть отчасти, исполнить, что желает, во славу Твою! Забудь, что заслуги ее малы, природа – низменна! Ты, Господи, силен разделить морские бездны и остановить воды Иорданские, чтобы прошли сыны Израиля⁷⁰. Не щади ее, ведь с Твоей помощью она перенесет многое – она решилась на это и стремится к страданиям. Простри, Господи. Твою всесильную руку и не допусти ей прожить в таких низинах. Яви силу Свою на слабой и убогой женщине, дабы мир понял, что это – не от нее, и прославил Тебя, чего бы это ей ни стоило, ибо она к тому и стремится, чтоб умереть тысячу раз, если это возможно, взамен одной души, прославляющей Тебя, ради этой души. Умереть столько раз она бы сочла за приобретение, хорошо понимая, что недостойна понести за Тебя и малейшую скорбь, тем паче – умереть.

5. Не знаю, сестрицы, к чему все это сказала и зачем. Я совсем и не думала об этом писать. Ну что ж, пойдем, что, без всякого сомнения, именно это и бывает от восхищения на молитве. Ведь такие желания не преходящи, они – внутри, и когда представляется случай оправдать их на деле, видно, что это не обман. Почему я сказала «внутри»? Иной

раз душа страшится самой малости, и до того теряет мужество, что ей кажется, будто она вообще ничего не может. Я так думаю, Господь оставляет ее как она есть, для вящего блага, ибо она видит, что если у нее что и было, то от Господа, да так ясно, что смиряется, лучше разумея милость и величие Божии, явленные в таком ничтожном создании. Однако чаще всего она остается в том состоянии, о котором мы говорили.

6. Обратите внимание, сестрицы, на то, как сильно хочет она узреть Господа; порою это так мучает, что желание надо не поощрять, а умерять, конечно – если можешь, ибо бывает, как вы увидите, что это невозможно никоим образом. А тут это достижимо, ибо весь разум свободен сообразоваться с волей Божией и сказать то, что сказал святой Мартин⁷¹; если же мучение слишком сильно, надо отвлечься чем иным, ибо все это бывает лишь у постигших совершенства, и дьявол может искусить нас – мы возомним, что это мы и есть; так что лучше сохранять опасливость. Что же до меня, я думаю, что наваждение не приносит мира и тишины, свойственных этой печали, а скорее возбуждает какую-либо страсть, вроде той, что сопряжена с мирскими огорчениями. Однако тот, у кого нет опыта (в этом или в ином) ничего не поймет; думая, что это – нечто великое, он будет поощрять такое желание и очень навредит своему здоровью, потому что мучаться будет долго, ну хотя бы – часто.

7. Еще заметьте, что печаль бывает от слабости у тех, которые плачут по малейшему поводу; и они сочтут, что их слезы – печаль о Боге, тогда как это не так. Когда слезы льются без удержу при одном слове или мысли о Господе, может стать очень тяжело, и будешь плакать больше, чем от любви к Богу. Услышав, что слезы – похвальны, они так и плачут, не сдерживаясь, только того и хотят; но все это – бесовские происки, а бес хочет, чтобы они ослабели, не могли молиться, соблюдать свой устав.

8. Наверное, тут вы спросите, как же вам быть? Если я вижу во всем опасность, и допускаю, что даже в таком хо-

рошем деле, как слезы, можно впасть в обольщение, то не ошибаюсь ли я сама? Конечно, могу и ошибаться, но поверьте, я это видела у некоторых, хотя со мной такого и не случилось, ибо я совсем не чувствительна, – напротив, я даже горюю, что у меня столь жесткое сердце, хотя от внутреннего огня оно все-таки плавится, как смола в нагретом котле. Легко узнать, когда слезы текут из этого источника: они укрепляют и умиряют, а не возбуждают и, если душа смиренна, редко наносят вред. Лучше претерпеть ущерб телу, чем душевное обольщение; если же нет смирения, опасайтесь обмана.

9. Не думайте, что достаточно обильных слез и больше ничего не надо. Будем делать и многое другое, помня о добродетелях, ибо они послужат нам лучше всего. А слезы пусть придут, когда Богу угодно; мы не должны о них стараться. Они поливают сушь нашей души, от этого урожай богаче. Чем меньше мы будем обращать на них внимания, тем больше будет плодов, ведь вода эта – с неба; а вот та, которую мы черпаем сами, прилагая усилия – она иная; часто мы копаем до изнеможения, и не находим ни одной лужи, а не то что колодца с живой водой. Вот я и думаю, сестрицы, что самое лучшее для нас – предстоять перед Богом, размышляя о том, как Он милосерден и велик, а мы ничтожны, и предоставляя Ему посылать нам, что захочет – дождь или засуху. Он лучше знает, что нам полезнее. Вот мы и пойдем дальше в спокойствии, а бесу будет куда как труднее обольстить нас.

10. Кроме этих состояний, и печальных, и утешительных, Господь иногда посылает нам радость и особую, странную молитву. Описать ее трудно, но я вот пишу, чтобы, если Господь вам ее даст, вы могли Его прославить, зная, что она и впрямь бывает. Мне кажется, тут Господь оставляет на свободе способности и силы души, чтобы они могли насладиться радостью, не понимая только, что ж их радует. Вроде бы смысла здесь нету, а это так. Радость столь обильна, что душа хотела бы не наслаждаться в одиночестве, но

поделиться со всеми, чтобы все с ней славил Господа. Какой бы она пир устроила, чтобы все разделили ее радость! Ей ведь кажется, что она обрела самое себя, как Отец – блудного сына, вот она и хочет пригласить всех на торжество⁷². Еще ей кажется, что хоть теперь она – в безопасности, и я думаю, она права, ибо такую глубокую радость с таким миром и счастьем, с хвалой Господу, бес дать не может.

11. Очень трудно душе умолчать и скрыть от других такой порыв. Наверное, именно это было со святым Франциском, когда он шел по полю, и, встретившись с разбойниками, громко восклицал, что он – герольд Великого Царя. Бывало это и с другими святыми, удалившимися в пустыню, чтобы хвалить Бога, как святой Франциск. Я знала такого брата Петра из Алькантары (я его считаю святым по его жизни), и он тоже так делал, а те, кто его слышал, считали его помешанным. Ох, сестрицы, какое блаженное помешательство! Хоть бы Господь послал его всем нам! И какая же милость Божия к вам, что вы в таком месте, где, если получите этот благодатный дар, скажете о нем, и найдете сочувствие, а не порицание, как было бы в миру; там это очень редко случается, и, конечно, вызывает пересуды.

12. Жалкие наши времена, бедная нынешняя жизнь! Счастливы те, кому удалось от нее удалиться. Иногда я особенно радуюсь, ведь мы – все вместе и сестрицы мои живут столь духовной жизнью, и каждая, как только может, славит Господа, что Он привел ее в монастырь. И сомнений нет, что хвалы эти искренни. Вы бы почаще это делали – ведь когда одна из вас хвалит Господа, вторят и остальные. Когда вы все вместе, можно ли лучше использовать дар речи, как не для славословия Господу? Столько есть поводов для этого!

13. Да удостоит нас Бог часто такой молитвы, ибо она безопасна и преизбыточна; только вот нам самим невозможно снискать ее, она дается свыше. Действие ее может длиться целый день; душа как бы в опьянении, но не настолько, чтобы отрешиться от чувства или уподобиться душевно-

больному, не совсем потерявшему разум, а плененному навязчивой мыслью. Это очень грубые сравнения, но никак не найду других. Скажу так: ради этой радости душа забывает и о себе, и обо всем, думая и говоря только о том, что ей сродно, то бишь – о прославлении Бога. Поможем же ей! С чего бы нам быть разумнее, чем она? Что больше обрадует нас? Да помогут нам все создания Божии восхвалять Его во веки веков! Аминь, аминь, аминь.

ГЛАВА VII

Здесь идет речь о том, как душа сокрушается о своих грехах, обретая упомянутые милости от Бога. Говорится тут и о том, что, как бы духовны ни были люди, им все равно надо думать почаще о вочеловечении нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, о Его святейших Страстях, о Его Пречистой Матери и о святых. Глава эта очень полезна.

1. Вот вы думаете, сестрицы: души, с которыми Бог общается столь превосходным образом, уверены, что уж они-то в конце концов спасутся, им бояться нечего, нечего и каяться в прошлых прегрешениях. И ошибетесь – ведь так помыслят только те, кто не получил милостей от Бога; а тот, кто их получил, согласится со мной, ибо большей благодати соответствует большее раскаяние. Наверное, сокрушение не оставит нас до тех пор, пока мы не будем там, где нету места для печали.

2. Конечно, эта печаль иногда бывает, да и переживаешь ее иначе, ибо теперь душа мыслит не о наказании за грехи, а о неблагодарности Тому, Кому она обязана столь многим и Кто так достоин нашей преданности. Величие милостей Божиих дает ей уразуметь Его необъятность. Она ужасается былой дерзости, оплакивает недостаток благоговения, прегрешения кажутся ей истинным безумием, и

она непрестанно горюет, вспоминая, как променивала великого Господа на такие низменные вещи. Память о своем предательстве заслоняет полученные ею милости, которые я описала и о которых скажу еще. Ей мнится, что память о них уносит полноводная река, тогда как память о грехах стоит перед ней, словно загнивший пруд, и вынести это – тяжело.

3. Я знаю одну особу, которая желала смерти не только для того, чтобы созерцать Бога лицом к Лицу, но и для того, чтобы больше не каяться в своей неблагодарности Тому, Кому она столько задолжала и прежде, и теперь. Ей казалось, что таких злодеяний никто и не творил, ибо она уразумела, что никого, кроме нее, Бог не терпел так долго и никому не оказал столько милостей. Здесь уже не боишься попасть в ад, зато очень страшно потерять общение с Богом, хотя это бывает и не так часто. Страшишься, собственно, одного: чтобы Господь не попустил согрешить, ибо тогда ты вернешься к былому убожеству. На этой ступени уже не мыслишь ни о славе своей, ни о муках, и если хочется поменьше быть в чистилище, то лишь потому, что там ты отдален от Бога, а не потому, что придется пострадать.

4. Как бы душа ни была одарена Богом, по-моему, ей опасно забывать о былом ничтожестве, ибо память о нем хотя и тягостна, полезна во многих отношениях. Может быть, я так сужу, потому что сама была очень уж недостойна и все время об этом вспоминаю. У тех, кто был добродетелен, нет причины печалиться, хотя, пока мы живем на земле, мы непременно грешим. Чтобы утешиться в такой скорби, недостаточно думать, что Господь уже простил нас и забыл наши грехи: доброта Его и благодеяния тому, кто достоин вечных мук, только умножают раскаяние. Наверное, потому так и мучались апостол Петр и святая Мария Магдалина: Господь любил их и миловал, а они понимали Его величие, вот и страдали еще сильнее, хотя и не без умиления.

5. Еще вам покажется, что тот, кто достоин столь высоких милостей, не станет размышлять о тайнах Вочелове-

чения Христова, ибо в его душе будет одна любовь. Об этом я уже писала, а мне возражали, что именно так ведет Господь и, пройдя начальные стадии молитвы, надо созерцать Божество, оставляя все телесное; но я не согласилась. Конечно, я могу ошибаться или же мы говорим одно и то же разными словами, но бес пытался обмануть меня именно этим, я получила хороший урок, и вот, повторю здесь, что говорила, дабы вы были очень осмотрительны. Видите, какую смелость я беру на себя, чтобы убедить вас и вы бы не слушались того, кто посоветует вам иное. Постараюсь объяснить получше, чем раньше; хотя хорошо бы, если бы тот, кто уже писал про это, исполнил свое обещание и сказал все подробней, ибо когда говоришь коротко, это может очень повредить тем из нас, кто мало понимает в таких делах.

6. Некоторым кажется, что они не могут размышлять о Страстях Господних, но тогда они совсем уж не могут думать о Пресвятой Матери Божией, и о житиях святых, от которых нам так много пользы и ободрения. Просто и не представляю, о чем же думать – ангелы, свободные от телесных оков, всегда пребывают в пламенной любви к Богу, но это невозможно для нас, живущих в смертном теле. Нам непременно надо общаться с теми, кто, как и мы, одаренный телом, совершили великие подвиги ради Бога, и уж совсем никак нельзя намеренно отделяться от нашего спасения и врачевания наших немощей – Вочеловечения Христова. Я и поверить не могу, что кто-нибудь так делает – должно быть, такие люди не понимают самих себя, вот и вредят и себе, и другим. Во всяком случае, пусть знают, что они не войдут в две последние обители; ведь потеряв Проводника – Благого Иисуса, они не найдут верного пути и спасибо, если они обретут верное пристанище в других обителях. Господь сказал, что ОН – путь⁷³, а еще – Свет, никто не может прийти к Отцу иначе, чем через Него и кто видел Его, видел и Отца. Скажут, что у этих слов – другой смысл, но я другого смысла не знаю. Душа моя чувствует, что вот – истина, и мне всегда ко благу понимать их так.

7. Немало душ обращались ко мне с этим вопросом. Едва получают они от Господа совершенное созерцание, как желают пребывать в нем постоянно, а этого не бывает. И все же эта милость Господня действует так, что они уже не могут размышлять, как раньше, о тайне Страстей Господних и об Его жизни. Не знаю, в чем тут дело, но обычно разум теряет эту способность. Я думаю, причина вот такая: размышление ищет Бога, а когда мы нашли Его, у души остается привычка идти к Нему путем одной воли, разум не работает. Еще, мне кажется, когда воля воспламенилась, душа как-то может обходиться без содействия разума. Само по себе это не плохо, но порой мешает дойти до последней обители или хотя бы задерживает, ибо разум часто необходим для воспламенения воли.

8. Обратите на это внимание, это важно, так что постараюсь объяснить получше. Душа хочет целиком посвятить себя любви, не думая ни о чем ином, но это невозможно, как бы она ни хотела – воля жива, но огонь, который ее воспламеняет только теплится, надо его раздувать. Неужели душе оставаться в сухости, ожидая огня с неба, чтобы тот спалил жертву Богу, то есть ее самое, как было с пророком Илией?⁷⁴ Конечно, нет! Нельзя уповать только на чудеса; Господь сотворил их, когда Ему угодно, так бывало и будет, но Он желает, чтобы мы признавали себя недостойными и делали все, что можем. Я думаю, какой бы возвышенной ни была наша молитва, мы должны это делать до конца жизни.

9. Правда, в молитве, относящейся к седьмой обители, разум участвует очень редко, а то и просто никогда, по причине, которую я разберу, если вспомню; однако душа все равно в постоянной и непостижимой близости ко Господу нашему Христу – Богу и Человеку. Когда же воля не воспламенена этим огнем и мы не чувствуем присутствия Божия, надо искать Его, как невеста в Песни Песней⁷⁵, ибо такова Его воля, или спрашивать у всего творения, как пишет блаженный Августин, то ли в Размышлениях, то ли в Испо-

веди⁷⁶. Так что не будем неразумно терять время, ожидая того, что уже дано нам; может случиться, что Господь пошлет нам это снова через год и даже через много лет. Ему причина известна, и не нам узнавать ее, да и нет у нас нужды в этом. Мы знаем, как угождать Богу, исполняя Его заповеди и Евангельские советы, вот и будем исполнять их, памятуя о Его жизни и смерти и о том, как мы обязаны Ему, а в остальном – на Него и положимся.

10. Тут некоторые скажут, что они не могут думать об этом, и будут правы, я уже говорила, почему. Вы же знаете, одно дело – рассуждать, другое – припоминать те или иные истины. Сейчас вы скажете – меня уж совсем не понять, а может, я и сама толком не понимаю, вот и не умею объяснить, а все же постараюсь, объясню, как могу. Размышлением я называла мысли, которые идут одна за другой. Например – мы размышляем о милости Божией, когда Он нам отдал Единственного Сына, а потом остановимся и думаем о тайнах всей Его жизни на земле. Или начнем с Гефсиманской молитвы, а потом думаем обо всем, что потом было, до самого Распятия. Или выберем что-то из Страстей Христовых, скажем – как Его увели воины, и думаем об этом, вспоминая подробности, которые нас особенно трогают, например, предательство Иуды, бегство апостолов или еще что-нибудь. Молиться так очень хорошо и полезно.

11. Те, кого Бог привел к благодатному и совершенному созерцанию, будут правы, если скажут, что не могут размышлять вот так. Сама не знаю, в чем тут причина – это я уже говорила, – но они не лгут. Неправы они, если скажут, что не в силах сосредоточиться на этих тайнах и вспоминать их, особенно тогда, когда их отмечает Церковь. Просто быть не может, чтобы душа, получившая очень много от Господа, забыла о доказательствах Его любви, ибо они подобны живым искрам, еще сильнее воспламеняющим любовь к Нему. Но душа не принимает этих доводов, ибо постигла эти тайны более совершенно – она сосредоточена на том, что запечатлено в ее памяти, так что, представляя се-

114

бе, как Господь молился в Гефсимании, лежал ничком, в страшном поту⁷⁷, она созерцает это не один только час, а много дней подряд. Она лишь взглянет на Него, и сразу поймет, Кто Он и как неблагодарны мы в ответ на все Его муки; а тут уже волю, хотя и в безутешности, воспламенит желание послужить и пострадать за такую великую милость Тому, Кто понес за нас столько страданий; вот какими мыслями заняты память и разумение. Я и думаю, поэтому душе кажется, будто она неспособна больше размышлять о Страстях Христовых.

12. Но если она и не может размышлять так, она должна к этому стремиться, ибо, я уверена, такая молитва не помешает ей, даже если она достигла самых высоких степеней созерцания, и потому иной духовный путь не кажется мне правильным. Отрешит Господь душу от чувств – и хорошо; волей-неволей останется с тем, что есть. Я совершенно убеждена, что подобная молитва не помешает ей, а поможет достичь высшего блага. Вот если бы она силилась связано размышлять о божественных тайнах (я говорила об этом вначале), это бы помешать могло, но, по-моему, такого не бывает с теми, кто взошел на высшие ступени молитвы. Опять же, пусть некоторым это возможно, Господь ведет души разными путями; главное – не осуждать тех, кто к этому неспособен, и не считать, что они не смогут наслаждаться великими благами, скрытыми в тайнах земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. И все-таки никто, даже молитвенник из молитвенников, не убедит меня, что это – лучший путь.

13. Иногда новоначальные и даже – несколько преуспевшие, достигнув молитвы покоя, услаждаясь дарами и утешениями свыше, думают, что им только и осталось, что пребывать в утешении. Так вот, поверьте мне и не упивайтесь, я уже об этом говорила, ибо жизнь – длинна, испытаний в ней много, и надо смотреть, как переносил их Образец наш, Христос, и апостолы и святые, чтобы перенести их как следует. Благой Иисус и Его Пречистая Матерь –

превосходное сообщество, нехорошо нам от них отдаляться. Он ведь хочет, чтобы мы разделили их страдания, пусть нам от этого и тяжелее. А потом, доченьки, не такой уже частый дар – утешение на молитве, чтобы не осталось времени ни для чего другого; и если кто скажет мне, что всегда утешается, и никак не может ни о чем размыслить, я скажу: что-то тут не так. Вот вы и сами сомневайтесь, старайтесь изо всех сил не упиваться, чтобы не впасть в обольщение. Если ваших усилий будет мало, обратитесь к настоятельнице, чтобы она, предотвращая опасность, заняла вас чем-нибудь потруднее, а то, если это с вами долго, можете повредиться в разуме.

14. Ну, кажется, я все, что нужно, объяснила: какими бы вы духовными ни были, не бегите, спасаясь от мира, Человеческой жизни Христа, будто она может повредить вам. Некоторые напоминают, что Господь сказал ученикам: «Лучше, чтобы Я ушел»⁷⁸. Просто вынести этого не могу! Уж Пречистой Своей Матери Он такого не сказал, ибо Она твердо верила и знала, что Он – и Бог, и Человек. Она любила Его больше, чем эти ученики, но так совершенно, что Ей скорее помогало Его Присутствие. Апостолы же, наверное, не были еще так тверды в вере, как позже, и как нам бы следовало быть. Словом, доченьки, это – опасный путь, тут еще и дьявол может ослабить почитание Святых Даров.

15. Заблуждение, в которое я как-то вроде бы впала, все-таки не завело меня так далеко, хотя и я старалась не размышлять о Господе нашем Христе, а забываться на молитве, ожидая этих даров. И ясно увидела, что иду не так – ведь нельзя утешаться все время, вот мысли и бродят туда-сюда, душа порхает, будто птица, которая никак не присядет отдохнуть; так что я просто теряла время, не преуспевая ни в добродетели, ни в молитве. Сперва я не понимала, в чем тут дело, и, наверное, не поняла бы, я ведь думала, что иду как и надо, но тут я рассказала о такой молитве благочестивому человеку, и он мне все объяснил. Потом и я

хорошо увидела, как же ошибалась и до сих пор жалею, что потеряла столько времени, не разумея всего вреда; и теперь, как только могу, отказываюсь от всего, кроме блага, дарованного нам Тем, от Кого идет все доброе. Да будет Он благословен во веки, аминь.

ГЛАВА VIII

в ней говорится о том, как общается Бог с душой через умное видение и даются некоторые советы. Говорится и о том, что бывает от такого общения, когда оно подлинное, и дается совет хранить эти милости в тайне.

1. Чтобы вы лучше поняли, сестрицы, что все и впрямь именно так – чем дальше ушла душа, тем ближе она к Благому Иисусу, – надо бы, – по-моему, еще поговорить об этом. Когда Богу угодно, мы пребываем в общении с Ним, и это доказывают и разные знаки Его любви к нам, и возвышенные видения. Если Господь благоволит оказать вам какую-нибудь из милостей, которые я с Его помощью пробую описать, не страшитесь, славьте Его, даже если милости оказаны не вам, а другим – ведь Он, Великий и Всемогущий, снисходит вот так к Своему созданию.

2. Бывает, душа совсем и не думает получить дары свыше, и не считает, что достойна их, но вдруг понимает, что Господь наш – тут, хотя не видит Его ни духовными, ни телесными очами. Такой видение называется «умным», не знаю уж, почему. Я знала одну особу, которая получила от Бога эту милость вместе с другими дарами, о которых я еще скажу. Сперва она очень смутилась, не понимая что бы это значило, ибо не видела Бога, а все-таки не сомневалась, что это Он. Видение действовало ко благу, но она как-то не совсем верила, что оно – от Господа. К тому же, она не представляла себе, что такое – умные видения, и даже не слышала, что они есть; а все же очень ясно понима-

ла, что именно Этот Господь много раз обращался к ней так, как я описывала; ведь до этого видения она не знала, Кто это, хотя и слышала слова.

3. И вот, я знаю, что она испугалась видения (оно ведь не такое, как те, мнимые, не уходит сразу, длится днями, один раз – даже целый год), испугалась, совсем изнемогла и пошла к духовнику. Он сказал, если она ничего не видит, откуда она знает, что это – Господь, и спросил, какой же у Него Лик? Она ответила, что не знает, Лица не видела, ничего не может сказать и знает одно: это Он говорил с ней, ей не почудилось. Ее немало пугали, но она зачастую никак не могла усомниться, особенно когда слышала: «Не бойся, это Я». Слова эти имели такую силу, что она уже не сомневалась, но ободрялась и радовалась, что Он – с нею, ибо ясно видела, что это помогает ей постоянно помнить о Нем и прилежно избегать всего, что Ему не угодно – ведь Он как бы все время глядел на нее. Каждый раз, как она хотела побеседовать с Ним в молитве и даже без молитвы, она чувствовала, что Он – рядом, и была уверена, что Он ее слышит. А слышит ли Его она, от нее не зависело, слова Его звучали нежданно, когда она ощущала, что Он – справа, но не так, как бывает, если кто стоит рядом, а по-другому, как-то иначе. Это нельзя объяснить, но нет и сомнений, тут уж все верно, там можно ошибиться, а здесь – нет, очень уже великая отсюда польза, которой быть не может ни при меланхолии, ни при бесовской прелести – тогда бы душа не обрела такого покоя и не хотела бы все время угождать Богу, и не гнушалась бы всем, что к Нему не ведет. Потом она совсем поняла, что бесы тут – не при чем, ибо это становилось все яснее и яснее.

4. И все-таки я знаю, что иногда она очень боялась, а то и очень смущалась, не понимая, откуда бы ей получить такую милость. Мы были так близки с ней, что я знала все, что творилось в ее душе, и поэтому мое свидетельство – верно, можете не сомневаться в истине моих слов.

Именно милость Господня и приносит великое смущение и смирение. Если бы то была прелесть, все было бы наоборот

рот. А так ее можно без колебаний приписать Богу, ведь человеку этого не достичь; получивший же такой дар никак не припишет его себе, только Богу. По-моему, некоторые из описанных милостей – выше этой, но она сообщает душе особое познание Бога, а из-за постоянного общения с Ним рождается особенно нежная любовь к Нему, и очень хочется – больше, чем прежде – совсем уж предаться Ему, хранить чистую совесть, раз Он так близко. Хотя мы и верим, что Бог во всем, что мы делаем, но природа наша такая, что мы нет-нет и забудем, а тут Сам Господь напоминает нам, что Он – рядом, не дает о Себе забыть. Про другие милости, которые я описывала, можно сказать, что они гораздо обычнее этой, ведь тут душа все время, почти непрерывно любит Того, Кого она видит или чувствует рядом с собой.

5. Словом, прибыль здесь такая, что видно, как высока и ценна эта милость. Восхваляя Господа, дающего не по заслугам, душа не прменяла бы ее ни на какие сокровища и радости земли. Когда Господу угодно ее отнять, душа остается одна и никак не может вернуть ее, ибо Господь оказывает эту милость, когда захочет, и сам ее не приобретешь. Иногда рядом бывает какой-нибудь святой, от этого тоже большая польза.

6. Вы спросите, как же, не видя ничего, узнаешь, что это – Христос или Его Пречистая Матерь или кто-нибудь из святых? Не знаю, как тут ответить и как понять, что ты это понял, только душа точно знает. Когда с душой говорит Господь, Его узнать легче; когда святой, и он ничего не говорит, просто Бог поставил его помочь нам и побыть с нами – это очень удивительно. Так и все духовное описать нельзя, но через него душа понимает, как изменна наша природа и как велик Господь; так что раз уж мы не можем описать Его милости, возвеличим Того, Кто их дает. А дает Он их не всем, вот и надо особенно ценить их, ибо Он помогает нам самыми разными способами, и поприлежней служить. От всего этого не ставишь себя ни во что, пони-

мая, что ты меньше всех послужила Богу, и больше всех Ему задолжала; и каждый проступок пронзает самые недра души, как же иначе!

7. Признаки эти покажут каждой из вас, если Бог поведет ее этим путем, что это не прельщение и не выдумка; ибо, я уже говорила, наваждение не может длиться так долго и принести пользу и мир; у беса повадки иные, да и не может он, такой злой, сделать столько добра. При наваждении в душе являются гордыня и тщеславие; и еще бес не потерпит, чтобы душа все время обращалась к Богу и думала о Нем и, если бы, попытавшись прельстить ее, он убедился, что это бывает с ней чаще, он не стал бы искушать ее снова и снова. С другой стороны, Бог верен и не попустит сатане так прельщать душу, которая стремится только угодить Ему и отдать Ему себя ради Его вящей славы, но поможет ей побыстрее разоблачить бесовские козни.

8. Словом, я думаю, душе, получившей такие милости, Бог попускает иногда бесовские искушения, но лишь ради того, чтобы она еще возросла и победила их. Так что, доченьки, не удивляйтесь, если кто из вас пойдет по этому пути; будьте осмотрительны и даже опасливы – если Бог оказал тебе милости, а ты стал уверен в себе, это дурной признак, особенно если нет должного расположения духа, как я уже говорила. Поначалу хорошо открывать все на исповеди просвещенному духовнику или же очень духовному человеку, ибо духовники на то и поставлены, чтобы нас вести. Если же их нету, лучше спросить ученого богослова; а самое лучшее, если духовность и ученость совмещены в одном и том же лице. Если вам скажут, что все это – от воображения, не заботьтесь, ибо мнимости не могут ни обогатить нас, ни навредить нам; положитесь на Господа и Он не допустит вас впасть в искушение. Если вам скажут, что это – от беса, тут вам будет труднее; но если духовник очень ученый и душа ваша от милостей – в благом расположении, он такого не скажет. Если же сказал, поверьте мне, Сам Господь с вами, Он вас утешит и успокоит, а духовнику покажет, как вам помочь.

9. Может случиться, что тот, к кому вы обратились за советом, хоть и опытен в молитве, но Господь ведет его по иному пути, вот он и устрашится, и не одобрит вас; потому я и советую найти не только духовного, но и весьма просвещенного человека. Пусть настоятельница даст на это разрешение – ведь если даже она не сомневается, что путь ваш верен, а сами вы добродетельны, все же она должна позволить, чтобы вы спросили, кого следует, и для вашего спокойствия, и для своего собственного; а потом пусть успокоится и больше никого не спрашивает, ибо иногда душа, под наитием дьявола, начинает опасаться без причины, и все хочет с кем-нибудь советоваться. Бывает и так, что духовник неопытен и боязлив, тогда он сам шлет на исповедь к другим, и пойдут слухи о том, что надо бы держать в тайне, а там – и гонения, и скорби. Душа эта видит, что тайное разглашается, и очень страдает, а кроме того, по нынешним нашим делам, могут быть неприятности и для Ордена. Вот и нужна большая осмотрительность, особенно – настоятельнице.

10. И пусть она не думает, что сестра, получающая от Бога милости, лучше других – Господь ведет каждую, как хочет. Дары свыше – ко благу, если ими пользоваться правильно, чтобы угодить Богу, и порою Он посылает их самым слабым. Так что тут не за что хвалить, не за что осуждать; важно одно – есть ли добродетели: чиста ли совесть, умерщвляется ли плоть, смиренно ли душа служит Господу. Вот она и будет святее других, хотя что можно знать, пока Праведный Судья не воздаст каждому по делам его? То-то удивимся, увидев, сколь различны от наших, земных, Его суждения! Хвала Ему во веки. Аминь.

ГЛАВА IX

в ней идет речь о том, как Господь общается с душой, представляя ей видения. Есть тут и предостережение душе, чтобы не стремилась идти таким путем, и объяснение причин. Эта глава очень полезна.

1. Перейти теперь к мнимым или воображаемым видениям, куда легче вмешаться бесу. Так и есть, хотя когда их послал Господь, – они, по-моему, даже и полезней, ибо более свойственны нашей природе, кроме тех, которые Бог дает в последней обители, с ними уж никакие не сравнишь.

2. Представим себе, что Господь наш – тут, рядом, как говорилось в предыдущей главе, и сравним Его с драгоценнейшим и целебным камнем в золотом медальоне. Мы верно знаем, что он здесь и высоко его ценим, хотя никогда не видели, и все-таки он лечит нас; однако мы не решаемся открыть его и посмотреть, да и не можем – секрет известен лишь его владельцу, который одолжил его нам, а ключ оставил у себя. Захочет – откроет, покажет нам камень, а потом заберет по своему усмотрению, как обычно бывает.

3. Теперь предположим, что владелец вдруг захотел открыть медальон ради того, кому Он его одолжил; конечно, душе куда как утешительней вспомнить потом дивный блеск камня, и она его не забудет. Так и здесь: когда Господу нашему угодно еще одарить эту душу, Он показывает ей, по Своему усмотрению, как Он был Человеком во время земной Своей жизни или после Воскресения. Образ этот – столь быстрый, что сравнишь его только с молнией, но так запечатлевается, в такой славе, что, по-моему, его не забудешь до самого времени, когда мы сможем созерцать его веками.

4. Я говорю «образ», но не думайте, он – такой, как на картине, а живой, порою он говорит к душе, и даже являет ей большие тайны. Непременно поймите: вроде бы тут ну-

жно какое-то время, но смотреть удастся не больше, чем на солнце, поглядишь – и пропадет. Дело не в том, что от блеска, как от солнца, больно внутреннему нашему взору, это ведь он все видит (не скажу, можно ли это увидеть телесными очами, – ведь у той особы, о которой я могу говорить толком, такого не было, а без опыта верно не объяснишь), так вот, дело не в блеске, ибо он – неяркое, словно солнце прикрыто чем-то прозрачным, как алмаз, если его огранить, или тончайшим полотном; и почти всякий раз, когда Господь дает эту милость, душа отрешается от чувств, не в силах вынести столь потрясающего зрелища.

5. Я говорю «потрясающего», ибо оно так прекрасно и дивно, как только можно вообразить, проживи ты хоть тысячу лет и все старайся об этом думать, – все равно превосходит и разум наш, и воображение; один вид такого величия наполняет душу великим ужасом. Ей уже не надо спрашивать, Кто это, она узнает Владыку неба и земли, тогда как земных королей не узнаешь, если нет свиты или нам не скажут.

6. О Господи, как мы, христиане, мало знаем Тебя! Что же будет в Судный день, если даже тогда, когда Ты приходишь как друг потолковать с невестой, вид Твой так ужасает ее? Что же будет, доченьки, когда Он скажет сурово: «Идите от Меня, проклятые Отцом Моим»?⁷⁹

7. Запомним, какую милость Бог оказал душе, это принесет нам немалую пользу – вот Иероним, при всей своей святости, не забывал о ней – и нам будут легки наши правила, которые, если бы длились и долго, лишь миг перед этой вечностью. Я вам правду говорю: как я ни грешна, я никогда не боялась адских мук; только вспомнишь, что погибшие души видят гневными кроткие и прекрасные очи нашего Господа, и просто вынести невозможно, так у меня всегда. Насколько же сильнее испугается тот, кому Господь явился Таким, он всех чувств лишится! Наверное, потому мы и отрешаемся чувств – это Господь помогает человеческой немощи перед Своим величием.

8. Если бы душа могла долго созерцать Господа, это, наверное, было бы не видение, а скорее какой-то образ, созданный в глубоком размышлении; но по сравнению с тем, о чем я говорила, он – как бы мертвый.

9. Некоторые (это я знаю точно, они со мной говорили, и не трое-четверо, а многие), некоторые поддаются мечтаниям, то ли мысли их такие, то ли еще что, но они просто упиваются воображением и мнят, что они видят все, о чем ни помыслят; вот если бы им довелось увидеть настоящее явление с неба, они бы поняли, что то был обман. Это ведь они сами и составляют образ из того, что представит воображение, а толку потом – никакого, они холодны даже больше, чем если б увидели благочестивую картину. Конечно, тут внимания обращать не надо, все и уйдет, словно приснилось.

10. А вот если явление и впрямь с неба, все не так. Здесь душа не думала ничего такого увидеть, и вдруг – это рядом, у нее все силы, все чувства перевернутся, она – в страхе и смятении, а потом приходит блаженный покой. Когда апостол Павел упал на землю, на небе поднялась буря; так и в душе сперва все мятется, а потом сразу успокаивается, и она познает такие великие истины, что ей уже не нужен другой учитель, ибо сама она ничего не делала, но истинная мудрость одолела ее неведение, и душа какое-то время знает, что милость эта – от Бога; сколько с ней ни спорь, она не испугается, что это – обольщение. Позже, когда духовник начинает предостерегать ее, Бог попускает ей усомниться, могла ли она, такая грешница, получить такую милость, но она никак не убеждена, что это – искушения, как те, которые бес наводит в делах веры; однако чем сильнее борьба, тем больше она уверена, что ему не дано даровать ей столько благ, и так оно и есть, ведь бесу не проникнуть в глубь души. Он может представлять что-то извне, но без такого величия, достоверности и пользы.

11. Духовники не могут этого увидеть, а душа, одаренная такой милостью от Бога, неспособна ее описать, так

что она боится, и правильно делает. Тут нужна большая осторожность, надо посмотреть, будет ли плод добродетелей от этих видений, осталось ли смирение в душе, установилась ли она в добром расположении. Если все это – навождение дьявола, вскоре появятся и улики, он попадет на множестве обманов. Опытный духовник, у которого были такие видения, подождет, пока толком не разберется, – самый способ, каким душа описывает видения, покажет ему, от Бога оно, от воображения или от беса, особенно если Господь дал ему дар различения духов. А если он к тому же еще и учен, он рассудит верно, даже если не хватит опыта.

12. Тут важно, сестрицы, чтобы вы говорили с духовником очень просто и откровенно – не про грехи, это вы и так говорите, а про молитву. Если этого нет, вы уж поверьте, не Бог вас наставляет: Он ведь очень любит, чтобы с Его представителем на земле говорили ясно и откровенно, как с Ним Самим, открывали все наши мысли, тем более – дела, даже самые малые. Тогда не смущайтесь и не бойтесь – если видения и не от Бога, то при смирении и доброй совести они вам не повредят, Господь умеет извлечь добро из зла и на пути, которым бес хотел вас погубить, вы только приобретете. Думая, что Бог так одарил вас, вы постараетесь угодить Ему и постоянно о Нем помнить. Один ученый человек⁸⁰ говорил, что бес – искусный художник, и если бы тот показал ему въяве образ Господа, он бы не огорчился, ибо это возбудило бы его благоговение и бес был бы побежден своим же оружием. Ведь как ни дурен художник, изобразивший Все наше Благо, мы все равно этот образ чтим.

13. Человек этот считал, что очень плохо показывать таким видениям кукиш, как некоторые советуют, ибо где бы мы ни видели нашего Царя, мы должны относиться к Нему с благоговением. По-моему, он прав, ведь и среди людей то же самое: если ты кого-нибудь любишь, а портрет его оскорбляют, тебе это не понравится. Насколько же надо чтить Распятие или другое изображение нашего Владыки? Я уже об этом писала, но повторяю и здесь, ибо я

знала одну особу, которая очень горевала, когда на нее на-ложили такое послушание. Не знаю, кто уж выдумал это средство, только оно страшно мучает того, кто непременно должен слушаться; когда же это велел духовник, душе представляется, что она погибнет, если не будет так делать. По-моему, тут надо со смирением привести вот эти доводы и не следовать совету. Мне очень, очень помогло, когда мне все толком объяснили.

14. Душа извлекает большую пользу от этой милости Господней, думая о Нем, о его земной жизни и о Страстях и вспоминая Его кротчайший и прекрасный Лик. В этом мы находим великое утешение – ведь куда лучше увидеть благодетеля, чем никогда не знать его. Поверьте, это сладостное воспоминание очень утешает и помогает, и приносит с собой много других благ, но я много уже говорила о том, что бывает от таких явлений, скажу – еще больше, так что не буду утомлять и вас, и себя. Только, очень вас прошу, если услышите или узнаете, что кому-нибудь Бог оказывает такие милости, не завидуйте и не просите вести вас по этому пути, ибо хотя он кажется вам и превосходным, и ценным, он вам не подходит, и вот почему.

15. Во-первых, если вы хотите и просите того, чего вы не удостоились, это значит, что вам недостает смирения. Тот, кто желает особых милостей от Бога, не может быть очень уж смиренным. Бедный крестьянин и не помыслит стать королем, и не подумает, он ведь этого не заслужил; так и смиренный относится к явлениям с неба. Я думаю, Бог никогда не являет их гордым, ибо прежде, чем оказать эти милости, Он дает душе как следует познать себя. Высоких даров не пожелаешь, зная твердо, что лишь по великой милости Божией ты не осужден на вечную гибель. Во-вторых, тут очень легко вмешаться дьяволу, он ведь пролезет и в маленькую щель, чтобы наставить тысячу ловушек. В-третьих, если очень чего-то хочешь, воображение представит и образы, и звуки, – так вот мечтаешь и думаешь о чем-то весь день, а ночью это и приснится. В-четвертых,

126

очень уж самонадеянно выбирать самим свой путь – мы ведь не знаем, что нам лучше, и потому предоставим это Господу, Который знает нас и поведет нас как надо, чтобы Воля Его исполнилась во всем. В-пятых, неужели вы думаете, что те, кого Господь одаряет такой милостью, мало страдают? Нет, они страдают тяжело, и по-разному; откуда же вы знаете, что все это вам под силу? В-шестых, то, от чего вы ждете пользы, может принести вам вред, как повредило Саулу, что он стал царем.

16. Кроме этих доводов, сестрицы, есть и другие. Поверьте мне, куда безопасней желать лишь того, что угодно Богу, Он-то уж знает нас лучше, чем мы сами, да и любит больше. Предадим же себя в Его руки, чтобы Его Воля исполнилась в нас, и не ошибемся, только надо твердо придерживаться этого правила. Кроме того, заметьте, что от великих и многих милостей никак не зависит наша слава в раю, ибо тот, кто больше получил, обязан и служить Богу усерднее. Господь всегда даст нам возможность получше угодить Ему, ибо это в наших силах; много святых, которые и не видели ни одной из тех милостей, а другие, получившие их, святыми не стали. И еще не думайте, что такие милости посылаются все время; скорее так: получишь одну от Бога – а там уже идут испытания, и душа печется не о том, будет ли это снова, а о том, как бы отплатить Богу благодарностью.

17. Правда, дары свыше очень помогают на пути к совершенству, но ведь всякий, кто достиг добродетелей своими усилиями, заслужит перед Богом куда больше. Я знаю одну особу, которой Господь оказал кое-какие милости, и двух людей (один из них – мужчина), которые служили Ему сами, без великих утешений, и так хотели пострадать, что жаловались, когда Он утешал их, и если бы могли, отказались бы. Я говорю здесь о тех утешениях, которые бывают от созерцания, а не о тех видениях, которые приносят душе столько пользы – те надо очень ценить.

18. Правда, я думаю, такие желания – не от естества, они бывают у душ, которые очень любят Бога, и хотели бы

Ему показать, что служат не за плату. Вот они (я уже говорила) и не помнят, что обретут славу и служат не ради нее, но от любви, которая всегда действует на множество ладов. Если бы она могла, она нашла бы новые пути, чтобы душа сгорела любовью; и если надо было совсем исчезнуть ради славы Божией, она бы охотно согласилась. Да будет прославлен во веки Тот, Кто умалился до таких убогих созданий, являя Свое величие!

ГЛАВА X

В ней говорится о других милостях, которые Бог дарует иначе, и о большой от них пользе

1. На много ладов общается Бог с душой посредством таких явлений свыше: то Он посылает их, когда она в скорби, то – перед большим испытанием, а то – чтобы утешить ее и порадоваться с нею. Незачем подробно говорить о каждом случае, я просто объясню вам, какая тут есть разница, насколько сама поняла, и еще скажу, как это бывает и какие от этого последствия. Не все, что нам привидится, – видение; но если оно истинное, не смущайтесь и не горюйте, оно и впрямь возможно. Бесу польза, когда мы горюем и тревожимся, ведь тогда мы не можем всею душой славить и любить Бога.

Бог и по-иному общается с душой, это не так опасно, и, я думаю бесу труднее это подделать; но и рассказать об этом трудно, очень уж это сокровенно, а вот такие видения описать легче.

2. Иногда, если Богу угодно, душа на молитве владеет всеми своими чувствами и вдруг впадает в исступление, а там Господь откроет ей великие тайны, которые она видит как бы в Нем Самом. Нет, она не видит Христа-Человека, чувства и воображение не действуют, это – видение умное, она просто видит все в Боге и понимает, что все – в Нем. От этого бывает большая польза, и хотя все длится не больше

мгновения, но остается в душе, а та очень смущается, ибо ей ясно, как оскорбляем мы Бога – ведь мы в Самом Боге, как бы внутри, а творим зло. Я хотела бы это сравнить, если сумею, чтобы вы поняли, – ведь хотя все так и есть, и мы часто об этом слышим, мы об этом не думаем, или думать не хотим; а то разве можно, все понимая, вести себя с такой наглостью?

3. Так вот, сравним Бога с большой и прекрасной обителью или с дворцом и представим себе, что Он – этот дворец. Может ли грешник выйти из него, чтобы совершить преступление? Конечно, нет. Мы, грешники, совершаем все свои мерзости, гадости и злодеяния в самом дворце, в Боге. Как это страшно, и как размышления об этом полезны для нас, невежд! Если бы мы это понимали, разве решились бы на такое безумие? Подумаем, сестрицы, как милостив и долготерпелив Господь, когда Он не осуждает нас тут же, и возблагодарим Его и устыдимся, что мы так чувствительны, если что сделают или скажут против нас! Мы и слова потерпеть не можем, хотя его скажут не при нас, да и без злого умысла, а Бог, наш Создатель, терпит, что столько Его созданий творит зло прямо в Нем Самом! Куда уже несправедливей...

4. О, ничтожество человеческое! Когда же, доченьки, будем мы подражать хоть в чем-то Великому Богу? Так не возомним о себе, если сможем перетерпеть оскорбления, перенесем их охотно и возлюбим наших обидчиков, ведь Великий наш Бог не перестал нас любить, сколько мы Его ни обижали, и потому в праве желать, чтобы и мы прощали обидчикам.

Поверьте, доченьки, хоть это видение и уходит быстро, Господь оказывает великую милость, когда дает его, если кто хочет получить пользу и всегда помнит о нем.

5. Еще бывает, что Бог внезапно и несказанно открывает нам истину в Себе Самом, и она как бы затемняет все истины тварных существ, ибо ясно, что Он один – истина, и не может солгать. Вот и понятно, что говорит Давид в псал-

ме: «Всякий человек – ложь»⁸¹ – иначе это и не поймешь, даже если услышать много раз. Правда Божия – непреложна. Тут я вспомню о Пилате, как он спросил нашего Господа во время Его Страстей, а Тот ответил ему, что Он – Истина⁸². О, как мало мы здесь эту Истину понимаем!

6. Хотела бы я объяснить все это получше, но никак не могу. Заключим же, сестрицы: если мы хотим хоть в чем-то уподобиться нашему Богу и Жениху, будем всегда ходить в этой Истине. Я говорю не про то, чтоб не лгать, – слава Богу, я вижу, что в наших домах вы очень следите за собой, не солжете ни за что, – но о том, чтобы ходить в Истине перед Богом и людьми, как только можем; особенно же не хотеть, чтоб нас считали лучше, чем мы есть, и отдавать Богу – Богово, а себе – наше. Стремясь из всего извлечь истину, мы достигнем небрежения к миру, где все – обман и подделка, а потому – преходит.

7. Как-то я размышляла, почему наш Господь так любит добродетель смирения, и вдруг, словно по наитию, мне пришло в голову: да потому что Бог – Сама Истина, а смиряясь, мы ходим в истине, ведь правда же, у нас нет ничего хорошего, кроме убожества и нищеты, и всякий, кто этого не понял, пребывает во лжи, а тот, кто понял, больше угоден Истине, ибо он в Ней и ходит. Да удостоит нас Бог, сестрицы, всегда знать самих себя. Аминь.

8. Господь одаривает душу этими милостями как настоящую невесту, которая решила жить по Его воле; Он хочет ее получше научить, и являет Свое Величие. Больше об этом говорить не надо, и все-таки кое-что прибавлю к тем двум вещам⁸³, это по-моему очень важно: не опасайтесь, лучше хвалите Господа, что Он это вам послал; ведь и бесу, мне кажется, и воображению здесь мало места, а потому в душе остается великое утешение.

ГЛАВА XI

в ней говорится о том, что Бог дает нам великое, стремительное желание наслаждаться Собою, которое даже опасно для жизни, и о пользе от этой Господней милости.

1. Достаточно ли всех этих милостей, которые Жених дарует душе, чтобы наша голубка или бабочка (не думайте, я о ней не забыла) успокоилась, найдя место, где ей умереть? Конечно, нет; ей даже труднее. Годами получает она эти милости, а все стонет и плачет, ибо каждая из них причиняет все большую скорбь. Причина же – в том, что она постигает все больше и больше Величие своего Бога и видит, что она от Него далеко, отделена от этой радости, а потому все больше стремится к Нему. Чем лучше она видит, насколько достоин любви наш Великий Бог и Господь, тем сильнее, год за годом, воспламеняется ее желание, она страдает, о чем я сейчас и скажу. Я говорю «год за годом», потому что мне так сказала особа, о которой я вела речь, но понимаю, что Богу нельзя ставить предела, ибо Он в одно мгновение может возвысить душу до состояния, о котором мы и толкуем. Всесилен Господь во всем, что Ему угодно, а для нас Он хочет сделать много.

2. Так вот, все эти желанья, все слезы и вздохи, и пылкие порывы, о которых я говорила, по-видимому, происходят от нашей любви, ибо они совершенно искренни; и тем не менее, все это – лишь тлеющий огонь, хоть и с трудом, перетерпеть его можно, ведь по сравнению с другой милостью он – ничто. Порою душа воспламеняется изнутри, из-за мимолетной мысли, то из-за какого слова – скажем, о том, что смерть все медлит – и вдруг, нивесть откуда, ее настигает удар или как бы пронзает огненная стрела. Я не говорю, что это стрела и есть, но что-то ей подобное, и явственно не от нашего естества. Да и не удар это, хоть я так и сказала, но ранит сильно. И боль от него не такая, как от

здешней, земной раны, она вроде бы в самой сокровенной глубине души, туда этот луч и попал, испепелив всю нашу земную природу; и пока это длится, ни о чем своем не помнишь, ибо в одно мгновение отрешаются все силы души и она уже ничего не может, только ей все больнее.

3. Вы не думайте, что я преувеличила, я даже выразить всего не могу, об этом никак не скажешь. Все силы души и все чувства отрешаются от того, что не усиливает боли, это я уже говорила, Ведь разум живо понимает, как горько, что душа отдалена от Бога; Господь же в тот самый миг живо дает ощутить Себя, и становится так больно, что та, с кем это бывает, громко кричит. Она много перенесла, терпела больше скорби, а тут не может сдержаться, ибо болит не тело, а, как сказано, самая глубь души. Вот она и поняла, что такие муки сильнее телесных, и ей представилось, что так страдают в чистилище, ибо тело им не мешает, и мука их куда больше, чем здесь, на земле.

4. Я видела одну особу в таком состоянии; и прямо подумала, что она умирает, и ничего в этом нет удивительного, тут и впрямь умрешь. Длится это недолго, но все тело разбито, а пульс совсем слабый, словно душа вот-вот уйдет к Богу. Природное тепло уходит, и не хватает малого, чтобы Бог исполнил ее желание, и не потому, что ей больно – очень ли, не очень – хотя после этого такая слабость, что через два, через три дня даже писать нет силы, и боли немалые, да и вообще, мне кажется, тело слабее, чем раньше. Но боли и не чувствуешь, очень уж болит глубь души, так что и не до тела; словно что-то одно очень болит, а другого и не заметишь, это уж со мной бывало. Так и тут, ничего не чувствуешь, хоть бы тебя резали.

5. Вы скажете, что это – несовершенство; душа не согласна с волей Божией, вот она и страдает. До сей поры она была согласна, так и жила; но не теперь, разум уже не повинуется воле, она им не владеет, и может думать только о причине своих страданий – зачем ей жить, если она далеко от своего Блага? Она так странно одинока, ведь с нею нет

ни одного создания земного, да и, наверное, небесные бы ее не утешили, если с ней нет Возлюбленного, скорее ее все мучает. Она как будто подвешена, ни на землю спуститься не может, ни подняться на небо; жажда жжет ее, а до воды не дотянуться.

6. О Господи помилуй, Боже, как Ты испытываешь любящих Тебя! Но все это мало перед тем, что Ты дашь им после. Так и надо, чтоб многое стоило много; особенно если это помогает очистить душу, и она вошла бы в седьмую обитель, как очищаются души в чистилище перед тем, как войти в рай; и все эти муки – словно капля в море. Хоть они и превышают все страдания на земле (та особа немало претерпела и телом, и душой, но все ей кажется ничтожным перед ними), душа так ценит их, что прекрасно знает: она их заслужить не могла. От этого ей ничуть не легче, но она страдает охотно, пусть бы и всю жизнь, если Бог пожелает, хотя тогда она не умерла бы один раз, а умирала все время, ибо поистине это не меньше смерти.

7. Подумаем же, сестрицы, о тех, кто в аду, у них ведь нет ни покорности, ни довольства, ни радости, которые Бог дает душе, они не видят пользы в своих страданиях и страдают все больше. Поскольку мученья души куда тяжелее телесных, а муки ада несравненно сильнее тех, о которых шла речь (да они еще и вечны), что же сказать об этих несчастных душах? И что бы мы ни сделали в такой короткой жизни, что бы ни перестрадали, чтобы избежать столь ужасных мук, все кажется ничтожным. Поверьте мне, если кто этого не испытал, ему не объяснишь, насколько душевная мука тяжелее телесной! И Сам Господь хочет, чтобы мы это поняли, и еще лучше знали, как обязаны Ему: ведь Он призвал нас туда, мы надеемся, что Он спасет нас и простит нам грехи.

8. Возвращаясь к тому, о чем мы толковали (мы ведь оставили душу в большой муке), скажу, что она пребывает в оцепенении не так уж долго, три-четыре часа самое большее, я думаю; ведь если бы это длилось дольше, то из-за на-

шей природной немощи этого нельзя было бы выдержать, разве что чудом. Как-то она лежала только четверть часа, и то вся была разбита. Правда, на сей раз она совсем лишилась чувств. Было это во время разговора, на Пасху, в последний день, и все праздники она провела в сухости, почти и не разумела, что праздник; и вот, услышала одно только слово, что жизнь еще не кончена. Разве тут устоишь! Тебя как будто ввергли в самый огонь, а ты захотела бы потушить его, чтобы не обжечься. Таких ощущений не скроешь, и те, кто рядом, понимают, как это опасно, хотя не могут сказать, что же внутри. Они словно бы окружают душу, будто тени, и все земное кажется ей таким же.

9. Заметьте, если с вами это будет, что природная наша немощь сможет одолеть, и душа, которая жаждала смерти и страдает так, что, кажется, вот-вот выйдет из тела, вдруг испугается и попросит ослабить страдания. Ясно, что страх этот порождается нашим естеством, ибо душа хочет, чего хотела, да и страданий не ослабить, пока Сам Господь не облегчит их, обычно как бы рывком отрешая душу от чувств или являя в видении Истинного Утешителя, Который утешает ее и укрепляет, чтобы она захотела жить столько, сколько Ему угодно.

10. Очень это тяжело, но плод для души – великий, она больше не боится скорбей, которые могут прийти; ведь в сравнении с мукой, какую она испытала, они ей – ничто. Так что она получила пользу, и рада бы много раз пострадать; но и это невозможно, этого никак не вернешь, пока Господь не захочет, точно так же, как не воспротивишься муке и не устранишь ее, когда она есть. Теперь душа намного больше презирает то, что в мире, ибо видит, что ничто земное не помогло ей в том мучении; меньше связана она и с созданными, ибо видит, что только Создатель может утешить и насытить душу, и особенно боится и опасается оскорбить Его, ибо видит, что Он не только утешает, но и мучает.

11. По-моему, на этом духовном пути две вещи опасны до смерти: вот эта, она ведь опасна; а еще такая услада и

радость выше всякой меры, словно душа и впрямь вот-вот выйдет из тела – поверьте, тут опасность немалая.

Сами видите, сестрицы, права ли я, когда говорю, что тут нужно мужество, и прав ли Господь, когда отвечает на ваши просьбы, как ответил сыновьям Зеведеевым: «Можете ли пить чашу?»⁸⁴ Наверное, все вы, сестрицы, скажете: «Да», и не солжете, ибо Господь дает силу, когда и кому это нужно, и во всем защищает такие души, и отвечает вместо них, если их гонят и хулят, как было с Магдалиной⁸⁵, хоть не словами так делами. А в конце, в самом конце, Он воздает за все сразу, сейчас вы это увидите.

Да будет Он благословен вовеки, да хвалят Его все создания, аминь.

СЕДЬМАЯ ОБИТЕЛЬ
(в ней четыре главы)

ГЛАВА I

где говорится о великих милостях, которые Бог дает душе, вошедшей в седьмую обитель. Говорится и о том, какая, на Его взгляд, разница между душой и духом, хотя это все едино. Тут много примечательного.

1. Вот вам покажется, сестрицы, что я очень много сказала о духовном пути, больше сказать нечего. Очень глупо так думать; ведь величию Божию нет предела, нет и делам. Кто сочтет Его милости и великие силы? Их не счесть; так что не удивляйтесь, что я скажу, ибо все это – лишь малая часть того, что можно рассказать о Боге. Милосердно уже, что Он открывает нам все это, мы это можем узнать; а чем больше мы узнаем о том, что сообщает Он людям, тем больше восхвалим Его величие и постараемся ценить души, в которых Он находит такую отраду. Ведь у каждой из нас есть душа, только мы не так ее ценим, как надо ценить созданное по образу Божиему, и не понимаем ее великих тайн.

Да вразумит меня Господь, если Ему угодно, чтобы я хорошо водила пером и поняла, как сказать вам все, что надо; и да просветит Он тех, кого вводит в эту обитель. Много молила я Его, и Он знает, что я хочу, чтобы милости Его не были в тайне, и все вы хвалили и славили Его Имя.

2. Надеюсь, не ради меня, а ради вас, сестрицы, Он даст мне эту милость, и вы поймете, сколь важно, чтобы вы вступили в духовный брак с Небесным Женихом, ведь с этим связано очень много благ. О, Великий Боже! Такое жалкое создание, как я, просто трепещет, что надо это объяснить, а она и понять-то недостойна. И впрямь, я сильно смущалась, и думала, не лучше ли закончить словами эту обитель, а то покажется, что я все знаю по опыту, и мне очень стыдно,

очень страшно, я же знаю себя. С другой стороны, мне подумалось, что это – искушение и слабость, как бы вы о том ни судили. Пускай хоть немного больше прославят и познают Бога, а там хоть весь свет кричи на меня, тем более что, может, я уже умру, когда это все увидят. Благословен Живущий во веки. Аминь.

3. Когда Господу угодно сжалиться над душой, которая столько страдает и страдала из-за своего к Нему стремления, и Он с ней духовно обручился, то, прежде чем свершить этот брак, Он вводит ее в Свою обитель, в седьмую; ведь у Него на небе есть место, где Он живет, так и в душе должно быть такое место, только для Него, как бы второе небо. Тут очень важно, сестрицы, не представлять себе душу как что-то темное, ведь мы ее не видим, и обычно кажется, что есть только тот внутренний свет, который виден нам, а там, в нашей душе какая-то тьма. Если душа не в благодати, это так верно, но не потому, чтобы не было Солнца Истины – оно все равно внутри, потому она и жива, – а потому, что она неспособна воспринимать свет. Кажется, я говорила в первой обители, как одна особа уразумела, что эти несчастные души – словно бы в темнице, они немые и слепые, связаны по рукам и ногам и не могут делать ничего доброго, себе на пользу. Так что пожалеем их и подумаем, что недавно сами были такими и Господь тоже может их помиловать.

4. Особенно, сестрицы, будем молить о них, не забывать, ибо великая милостыня – молиться о тех, кто в смертном грехе. Если бы мы увидели, что у христианина руки прикручены цепью, а сам он прикован к столбу и умирает от голода, не потому, что нету еды – ее перед ним много, и самой лучшей, – а потому, что ему до нее не дотянуться, и он страдает, вот-вот умрет, да не этой, земной, а вечной смертью, не жестоко ли глядеть на него, но еды не протянуть? А что если по вашей молитве с него спадут цепи? Вот видите? Ради Бога прошу вас, всегда поминайте в своих молитвах таких людей!

5. Но мы говорим не с ними, а с теми, кто, по милости Божией, покался в своих грехах и сейчас – в благодати, а там – не темный, тесный угол, но целый мир, в котором, как вы знаете, много прекрасных обитателей; и как иначе, если в этой душе – та обитель, где обитает Господь?

Когда Ему угодно оказать ей милость этого дивного брака, Он прежде всего вводит ее в Свой чертог, но не в исступлении, как раньше, а в молитве, которую мы называли молитвой единения, хотя тогда душе кажется, что ее зовут не вглубь, а как бы вверх. Но это не очень важно; так ли, иначе ли Господь соединяет ее с Собой, отнимая от нее речь и зрение, как было с апостолом Павлом, когда он обратился⁸⁶, и она не может узнать, как оказана милость, которой она наслаждается, ибо все ее блаженство в том, что она рядом с Богом. А когда Он соединит ее с Собой, она совсем ничего не понимает, ничего не может.

6. Тут все не так: Благой наш Бог хочет, чтобы с глаз ее спала чешуя⁸⁷ и она хоть видела и понимала милость, которая ей оказана, хотя происходит это и необычно. Когда она входит в эту обитель, ей, в умном видении, является Пресвятая Троица, все Три Лица, и в таком пламени, что дух поначалу как бы видит очень светлое облако, а что до Лиц, душе дается дивное разумение, и она с чрезвычайной верностью видит, что Они – Единосущны, Одна Сила, Одно Знание, Один Бог. Словом, то, что мы знаем через веру, душа понимает, скажем так, через зрение, хотя видит она не телесными очами, и не душевными, ибо это – не из видений, порожденных воображением. Тут с ней общаются Все Три Лица, и говорят, и поясняют то, что сказал, по Евангелию, Господь: и Он, и Отец, и Дух Святой придут в душу, которая любит Бога и соблюдает Его заповеди.

7. О, Господи, сколь различно слышать эти слова и верить (как обычно слышат и верят) и понимать вот так, каковы они на самом деле! С каждым днем душа изумляется все больше, ей кажется, что Пресвятая Троица не исчезает, а пребывает в ней, в самой ее глубине. Она не может

это описать по своей неучености, но ощущает в себе Присутствие Божие.

8. Вам покажется, что от этого душа как бы вне себя, она поглощена всем этим и ничего не понимает. Нет, она понимает куда больше, чем прежде, особенно в служении Богу и, поскольку уже нет других занятий, пребывает в Его Присутствии. Если сама она не оставит Его, Он, по-моему, будет сообщать ей, что Он – рядом. Так думать и надо, хотя она все равно старается больше, чем прежде, ни в чем Его не обидеть.

9. Если Господь с нами, это, конечно, бывает не так полно, то есть не так ясно, как в первый раз, или в других случаях, когда Господь благоволит дать этот подарок; иначе душа совсем не могла бы разуместь что-нибудь еще и вообще жить среди людей. А все-таки, хоть это и не в таком ясном свете, душа всегда понимает, что Бог – тут, с нею. Ну, скажем, кто-то сидел в очень светлой комнате с другими людьми, и окно закрыли, и стало темно; но он понимает, что все они – здесь, хотя ничего и не видит, пока не станет светлее. А вот увидит ли он их, когда откроются ставни, зависит не от него – это уж Господь наш, когда Ему будет угодно, отворит окно разумения. Великая милость и то, что Он никогда не покидает душу, и хочет, чтобы она это хорошо понимала.

10. Кажется, что дивный и всемогущий Господь хочет расположить душу к еще прекраснейшему сообществу; ведь ясно, что Он ей поможет, чтобы она преуспела в добродетелях и утратила страх, в который иногда повергали ее другие Его милости, это я уже говорила. Она стала лучше во всех отношениях и ей казалось: она столько трудилась и страдала, что главное в ее душе никогда и не уходило из этой обители, так что душа вроде бы разделилась и, тяжело трудясь после той милости, она жаловалась сама на себя, как Марфа на Марию⁸⁸, иногда говоря, что все время улаживается, как только хочет, этим покоем, оставляя на нее столько забот и трудов, что ей некогда тоже побыть с Богом.

11. Вам покажется, доченьки, что это – чушь, но так оно и бывает. Конечно, душа едина, а все-таки я говорю дело, и самое обычное. Из того, что я говорила, по духовным явлениям, можно ясно увидеть, что есть различие между душой и духом, хотя вообще-то это одно и то же. Различие – очень тонкое, но иногда кажется, что действует они по-разному, смотря какой привкус захочет придать им Господь. Еще, мне кажется, душа – одно, способности ее – другое, это разные вещи. Внутри у нас столько различий, и таких тонких, что я не дерзну описать их. Все увидим, если Господь Своею милостью перенесет нас туда, где мы уразумеем эти тайны.

ГЛАВА II

дальше о том же самом, и о том, чем отличается духовное единение от духовного брака. Даются тонкие уподобления.

1. Поговорим теперь о духовном браке с Богом, хотя эта великая милость не может свершиться полностью, пока мы живы, ибо если мы от Бога отступим, ее от нас отнимут.

Оказывая эту милость впервые, Господь хочет открыть душе в видении Себя Человека, чтобы она поняла и узнала, что получает этот высший дар. Другим, быть может, это дается иначе; но той, о ком мы говорим, Господь явил его сразу после причастия, в великом блеске и красоте и славе, словно только что по Воскресении, и сказал, что ей уже время счесть Его дела своими, а Он позаботится об ее делах, и другие слова, которые легче пережить, чем пересказать.

2. Казалось бы, что тут нового, Господь и прежде являлся этой душе; однако все было настолько иначе, что она весьма изумилась и перепугалась: во-первых, потому, что видение – уж очень явственное, во-вторых, из-за этих самых слов, а в-третьих, потому что это произошло там, вну-

три, а с ней такого не бывало, кроме разве что вон того видения⁸⁹. Вы поймите, очень большая разница между прежними видениями и теми, что в этой обители; духовное обручение отлично от духовного брака, как обручение жениха и невесты – от союза супругов, которые уже не могут расстаться.

3. Я уже говорила, что так вот сравниваю, ибо не найду ничего получше, но надо понять, что о теле тут не помнишь, словно душа из него вышла, речь – об одном лишь духе, а уж тем более когда мы толкуем о браке духовном, ибо этот тайный союз свершается в самой сердцевине души, где, наверное, и Сам Бог, а Ему, на мой взгляд, не нужны двери, чтоб войти. Я говорю «не нужны двери», ибо в том, о чем мы вели речь прежде, Он вроде бы входит через чувства и способности, и, наверное, так и с явлением Человека Христа. А вот то, что бывает при духовном браке, – совсем иное: Господь является в сердцевине души в умном видении, которое куда тоньше того, представляемого; так явился Он апостолам, не войдя в двери, когда сказал им: «Мир вам»⁹⁰. Господь сообщает душе в одно мгновение такую великую тайну, такую высокую милость, душа ощущает такое блаженство, что и не знаю, с чем это сравнить, разве вот что: Господь хочет показать душе небесную славу самым возвышенным образом, превосходящим все видения и духовные улады. Можно сказать одно (насколько вообще это постижимо) – душа, то есть дух этой души, соединяется с Богом, Который, и Сам Дух, пожелал явить Свою любовь к нам, показывая некоторым людям, докуда Он доходит, чтобы мы славили Его величие, ибо так решил Он соединиться со Своим созданием, что оно не может от Него отделиться, Он – не хочет.

4. Духовное обручение – иное, тут жених и невеста часто разделяются, как и сам их союз; ибо союз состоит в соединении, но каждый может отойти и жить сам по себе, что обычно и бывает, ведь эта милость Господня уходит быстро, и душа остается без нее, то есть ее не ощущает. А вот с той,

другой милостью все не так; Господь остается в сердцевине души. Скажем, две восковые свечи соединились настолько, что пламя одно, или нет – и фитиль, и свет, и воск едины; но их можно разнять, и станет две свечи, а можно вытащить фитиль из воска. В этой же обители словно бы дождь льется в реку или в ручей, и уже не разберешь, где вода из реки, где – с неба; или же ручеек течет в море, их уже не разделишь; или в комнате два окна, и свет, входя отдельно, сливается воедино.

5. Может быть, об этом и говорит апостол Павел: «Соединяющийся с Господом есть один дух с Ним», понимая возвышенный брак, который Господь заключает с душой⁹¹. Еще он говорит: «Для меня жизнь – Христос и смерть – приобретение»⁹². Я думаю, то же самое может сказать душа: ведь бабочка, о которой шла речь, умирает теперь с великой радостью, ибо жизнь ее – Христос.

6. Это с течением времени понимаешь все лучше, из-за действий в душе, ибо сокровенные внушения ясно показывают, что это Бог дает ей жизнь, и внушения иногда так живы и ощутительны, что уже и не усомнишься, хотя о них и не расскажешь, а все же чувствуешь столько, что воскликнешь в умилении, не удержишься: «О, жизнь моей жизни и поддержка моя!» или что-нибудь такое. Ведь из груди Божией, у которой вроде Бог и держит душу, текут струи молока, постоянно питая всех насельников замка, словно Господь хочет, чтобы и они как-то услаждались тем, чем в обилии услаждается душа, или из полноводной реки, поглотившей ручеек, порою брызгает вода и орошает тех, кто служит Жениху и невесте. Человек, который не ждет, что его окатят водою, непременно ее ощутит; так и тут, только это еще бесспорней. Вода ведь не может окатить нас без причины (как я уже говорила), вот и тут понимаешь, что внутри кто-то мечет эти стрелы, дает жизнь этой жизни, и яркий свет идет от солнца, озаряя способности души. А душа (я уже говорила) не покидает сердцевины, и не теряет мира, ибо Тот, Кто дал его Своим апостолам, когда они были вместе, может дать и ей⁹³.

7. Вот я подумала, что слова Господни к славнейшей Марии Магдалине: «Иди в мире»⁹⁴ значат куда больше, чем кажется; ведь Его слова действуют в нас, и, наверное, действовали в душах, к тому расположенных, отстраняя от них все чувственное и оставляя чистый дух, чтобы она могла соединиться с Нетварным Духом в небесном единении, ибо, без сомнения, когда мы опустошим себя от всего тварного и отрешимся от него ради любви к Богу, Сам Господь наполнит наши души Собою. Как-то наш Господь, молясь за апостолов (не помню уж, откуда это), просил, чтобы они стали одно с Отцом и с Ним, как Он – во Отце и Отец – в Нем⁹⁵. Не знаю, что больше такой любви! И все мы непременно войдем туда, ведь Господь сказал: «... не только о них молюсь, но и о верующих в Меня по слову их», и еще: «Я в них». О, Господи, сколь истинны эти слова и как душа понимает их, видя, что они исполняются в ней самой! И как бы поняли их мы все, если б не наша вина, ибо слова Господа нашего Иисуса Христа непреложны. А мы виноваты, ибо не расположены к этому и не отреклись от всего, что мешает нам видеть этот свет, и ничего не видим в зеркале, где запечатлен наш образ.

9. Вернемся теперь к тому, о чем мы говорили. Когда Господь вводит душу в Свой чертог, то есть в сердцевину нашей души, где Он обитает Сам (говорят, это седьмое небо, эмпиреи, и, в отличие от других небес, оно не движется), то кажется, что душа тоже не движна, способности и воображение уже не мешают ей и не нарушают ее мира.

Вам покажется, будто получив эту Божию милость, душа уверена, что спасется и больше не упадет. Нет, я этого не говорю, и когда я вот так рассуждаю, понимайте: душа – в безопасности, пока не оскорбляет Господа, и Он ее держит за руку. Во всяком случае, я верно знаю, что в этом состоянии, даже и многие годы, она ни в чем не уверена, куда больше боится в самом малом прогневать Бога, очень хочет служить Ему (об этом я еще скажу) и горюет, и смущается, как всегда, что делает она так мало, должна – так мно-

го, а это истинный крест, великое послушание; но чем больше она страдает ради Бога, тем больше радуется. По-настоящему она страдает, когда Господь отнимет у нее здоровье и силы, которые для этого нужны. Я говорила в другом месте, как это тяжело, но тут это много тяжелее, а причина – в корне, ибо дерево, посаженное близ потоков вод, свежее и плодоноснее; так что незачем удивляться желаниям души, ведь истинный ее дух един с небесной водой, о которой мы говорили.

10. Вернемся к тому, о чем шла речь. Не думайте, что чувства, способности и страсти души совсем уж в мире; вот душа – та умиралась. В других обителях бывает время борьбы и трудов и усталости, но это не может нарушить ее мир и как бы сдвинуть ее.

А о сердцевине нашей души или духе очень трудно сказать, тут и поверить трудно, так что, сестрицы, я просто не знаю, как вам это объяснить, чтобы вы не соблазнились и не усомнились в моих словах; ведь нелегко понять, что труды и скорби есть, а душа – в мире. Приведу сравнение другое. Да поможет мне Бог, чтобы они хоть что-то пояснили, а не пояснят, я все равно знаю, что сказала правду.

11. Король живет во дворце, в стране его – и распри, и смуты, но он – все на месте. Так и тут: в остальных обителях – и суета, и суматоха, и ядовитые гады, и большой шум, но никто не проникает в последнюю обитель, и не гонит из нее душу; то, что ей слышно, немного мучает ее, но не смущает ее и не нарушает мира, ибо страсти уже покорены и боятся войти, чтобы их еще больше не унизили.

Или так: у нас болит все тело, но если не болит голова, оно ей боли не передаст.

Сама смеюсь над этими сравнениями, ведь это – совсем не то, а иначе не умею. Думайте, что хотите; я сказала правду.

ГЛАВА III

в ней говорится о том, какие дивные плоды у такой молитвы. На это надо обратить особое внимание, ибо это поразительно разнится от всего, что было.

1. Так вот, мы говорим, бабочка уже умерла, очень радуясь, что обрела покой, что в ней Христос. Посмотрим, как она живет и какая тут разница с прежней жизнью; а правда ли все, что сказано, мы узнаем по действию молитвы. Насколько я могу понять, они – вот такие:

2. Во-первых, она забывает себя, ее поистине как бы нету, это я уже говорила. Она уже не помнит о себе и не знает, будет ли ей честь, или жизнь, или награда на небе, ибо только и печется о славе Божией, так что воплотились Его слова: Ты позаботься о Моих делах, а Я позабочусь о твоих. И о том, что может случиться, она не заботится, а как-то забывает, вот и кажется (это я говорила), что ее больше нету и она не хочет быть ничем ни в чем, разве что это хоть немного споспешествует славе Божией, вот тут она охотно пожертвовала бы жизнью.

3. Только не думайте, доченьки, что она теперь не спит – не ест (хотя все это ее немало мучает), или не делает того, что ей положено. Мы говорим тут только о внутреннем, о внешнем мало что можно сказать, ибо ей скорее тяжело, что у нее ни на что не хватает сил. Ведь она ни за что на свете не пренебрегла бы тем, что, по силам ее и разумению, служит Богу.

4. Во-вторых, она очень хочет пострадать, но это ее теперь не тревожит. Ведь эти души хотят, чтобы в них исполнилась воля Божия, и все, что делает Бог, им хорошо. Если Ему угодно, чтобы они страдали, – пусть так и будет; если же нет – они не угрызаются, как прежде.

5. Кроме того, эти души очень радуются в гоненьях, и умиряются еще больше, чем прежде, и не питают никакой

вражды к тем, кто причиняет им зло или желает навредить; скорее они их особенно любят, так что когда тем трудно, они им сердечно сочувствуют, и что угодно сделают, чтобы тем стало легче, и охотно препоручают их Богу, и отдали бы их Его милости, только бы они Его не оскорбляли.

6. Больше всего меня поражает вот что: как вы уже видели, души эти много скорбели и трудились, желая умереть и быть с Богом, а теперь они так хотят послужить Ему и содействовать Его славе, и, если смогут, помочь хоть одной душе, что они желают не умереть, а жить много лет в величайших страданиях, только бы Господь был прославлен хотя бы в самом малом. Если бы они твердо знали, что, покинув плоть, будут с Богом, ничто бы не изменилось; если же они представляют блаженство святых в раю, они не стремятся туда, ибо все их блаженство – хоть как-то помочь Распятому, особенно когда они видят, как Его оскорбляют, и как мало людей поистине ищет Его славы, отрешаясь от всего земного.

7. Правда, порой, забывая об этом, душа снова желает быть с Богом и уйти из этого изгнания, особенно когда понимает, как мало для Него делает; но тут же одумывается, и видя, что Он – все время с нею, удовлетворяется этим и приносит Ему свое желание жить на земле, как самый ценный дар, какой у нее есть.

Смерти она боится не больше, чем тихого отрешения от чувств; ведь Тот, Кто внушал ей столь мучительные стремления, теперь посылает иные, да будет Он благословен во веки. Аминь.

8. Теперь этим душам не нужны ни награды, ни утешения, ведь с ними Сам Господь, Он живет в них. Ясно, что Его жизнь была непрестанною мукой, вот Он и делает, чтоб так жили мы хоть бы в желаньях, ведь в остальном Он ведет нас как немощных, хотя и уделяет от Своей силы, когда нужно.

Душа отрешается от всего, ей хочется быть одной или заниматься чем-то во благо другой душе. Больше нет ни сухо-

сти душевной, ни скорби, только умиление и память о Господе, и желание всегда Его славить; когда же она этим пренебрегает, Сам Господь пробуждает ее, как я говорила, и ясно видно, что этот порыв (я не знаю уж, как его и назвать) исходит из недр души, подобно прежним порывам. Только здесь он куда тоньше, ибо идет не от мысли, и не от памяти, не от каких-либо свойств души, так что никак нельзя приписать его ей самой. Бывает это часто, и столь обычно, что можно увидеть: как пламя, пусть самое большое, стремится не вниз, а вверх, так и это устремление исходит из сердцевины души, пробуждая ее силы.

9. И впрямь, если бы на этом молитвенном пути мы только того и достигали, что уразуметь, как хочет Господь общаться с нами и просит нас быть с Ним (ведь так и есть), то, по-моему, стоит перенести все испытания, чтобы насладиться такими нежными и всепроницающими знаками Его любви.

Это вы, сестрицы, наверное, испытали; я думаю, когда достигнешь молитвенного единения с Богом, Он печется обо всем этом, лишь бы мы соблюдали Его заповеди. Когда с вами так случится, не забывайте, что тут уже та сокровенная обитель, где обитает Господь, и восхвалите Его; ведь это Его письма, Его послание, и пишет Он с такой любовью и так, чтобы вы одни поняли, чего Он желает от вас. А вы непременно Ему ответьте, даже если очень заняты внешними делами или беседой с кем-нибудь; ведь часто бывает, что Господь хочет оказать вам эту милость на людях (а отвечать мы должны в тайне), и тогда надо откликнуться, скажу так, словом любви или повторить за апостолом Павлом: «Господи! Что повелишь мне делать?»⁹⁶, а Он уж научит вас разными способами, как угодить Ему в это самое время; ведь Он как бы слышит нас и нежно касается души, почти всегда располагая ее твердо исполнять Его Волю.

10. Я уже говорила, чем отличается эта обитель: здесь нет той сухости и того смятения, какие бывали иногда едва

ли не во всех прежних; напротив, душа всегда в мире. Она уже не боится, что этот великий дар – от дьявола, но твердо уверена, что он – от Бога; ведь, как я уже говорила, тут не при чем ни чувства, ни способности. Господь открыл Себя душе и вводит ее с Собой туда, куда, я думаю, бес войти не осмелится, да и Господь его не допустит. И еще, как я сказала, милости свыше никак не зависят от самой души, кроме того, что она совершенно предалась Богу.

11. Спокойно и тихо пользуется и учит здесь Господь душу, словно строится храм Соломонов, ибо тогда не было никакого шума⁹⁷; так и в этом храме Божиим, в этой Его обители только Он да душа радуются в великой тишине. Разуму не для чего кипеть или чего-то искать, ибо Господь, создавший его, хочет его умирить, и он как бы смотрит на все сквозь замочную скважину. Иногда он не может смотреть, но перерыв – очень короткий, ибо, по-моему, способности души не утрачены, они лишь бездействуют, словно бы в изумлении.

12. Очень меня удивляет, что здесь нет отрешения чувств, разве что иногда, но теперь они не такие, как прежние восхищения и полеты духа. Случаются они редко, почти всегда – не на людях, не то что раньше. На душу не действуют, как прежде, торжественные службы, благочестивые изображения, проповеди и церковные мелодии, которые приводили ее в исступление. Бедная бабочка металась, пугалась и хотела взлететь. Теперь она то ли нашла, где присесть, то ли увидела столько в этой обители, и ее уже ничто не изумляет, а кроме того, она не одинока, как раньше, с нею Бог. А вообще-то, сестрицы, я не знаю, в чем причина; может быть, когда Господь начинает показывать ей все, что есть в этой обители, просто уходит слабость, которая никак не уходила раньше. Наверное, Господь укрепил ее, расширил, усовершенствовал; а может, Он захотел, чтобы все увидели явно то, что Он дал этим душам втайне, а почему – Он Один и знает, ибо Его суждений мы здесь, на земле, и представить не можем.

13. Вот что дает Бог, вместе со всем другим, приносящим благо тогда, прежде, когда душа приходит к Нему, и еще Он дает ей лобзание, о котором просила невеста в Песни песней⁹⁸, ибо, по-моему, здесь исполняется ее просьба. Здесь раненая лань получает воду в изобилии. Здесь наслаждается душа в скинии Божией⁹⁹. Здесь голубица, посланная Ноем, чтобы узнать, прошла ли буря, находит оливковую ветвь, а ветвь эта значит, что она нашла твердую землю среди вод и бурь сего мира¹⁰⁰. О, Господи, кто бы знал все, что есть в Писании, чтобы описать этот мир душевный! Боже мой, Ты видишь, что нам во благо, сделай же так, чтобы христиане искали его, а там – не отнимай, по милости Своей, от тех, кому его даровал! Ведь пока Ты не даруешь душе истинного мира и не введешь ее туда, где она обладает им вовеки, она непременно будет жить в страхе. Я говорю: «истинный мир», не потому что тут – мир не истинный, а потому, что если мы удалимся от Бога, может начаться прежняя борьба.

14. Что же чувствуют эти души, видя, что могут утратить такое великое благо? Они становятся еще осмотрительней и стараются извлечь силу из немощи, чтобы ничего не упустить по своей вине и получше угодить Богу. Чем больше получают они Божиих милостей, тем меньше надеются на свои силы и тем они осторожней. Получая великие дары, они узнали, как слабы они сами и как тяжелы их грехи, а потому нередко не смеют поднять взора, как мытарь¹⁰¹, а то хотят умереть, чтобы верней избежать опасности, хотя сразу же, от любви к Богу, готовы жить, дабы служить Ему – это я уже говорила, – полагаясь во всем на Его милосердие. Иногда изобилие милостей уничижает их так, что они страшатся потерпеть крушение, словно чрезмерно нагруженный корабль.

15. Поверьте, сестрицы, здесь тоже есть крест, только он не сопряжен с тревогой и не нарушает мира, но уходит, словно волна или там буря, и сменяется ясной погодой. Ведь с душой – Господь, вот она и забывает сразу все невзгоды.

Да будет Он благословен и прославлен всеми Своими созданиями. Аминь.

ГЛАВА IV

которой она и кончает, объясняя, почему, на ее взгляд, Господь оказывает душе такие великие милости. Говорится здесь и о том, что Марфа и Мария должны помогать друг другу. Эта глава очень полезна.

1. Не думайте, сестрицы, что действия, о которых я говорила, так навсегда и остаются в душе; поэтому я, если не забываю, прибавляю: «обычно». Иногда Господь оставляет душу без сверхъестественной помощи; тогда кажется, что все ядовитые гады из окрестностей и из обитателей замка собираются, чтобы напасть на нее и отомстить за все то время, когда они не могли до нее добраться.

2. Правда, это бывает недолго – день или чуть побольше; и в немалой сумятице, которую вызывает обычно какой-нибудь случай, проявляется, что приобрела душа, общаясь с Богом. Он дает ей великую целостность, и она не уклоняется даже в малом от служения Ему и от добрых решений, они вроде бы возрастают, и она ни малейшим движением воли не уклоняется в сторону. Как я сказала, бывает это не часто. Господь не хочет, чтобы душа забывала о своем естестве, иначе она утратит смирение; это одно, а во-вторых, Он хочет, чтобы она лучше понимала, чем Ему обязана и воздавала Ему хвалу за великую милость.

3. Еще не подумайте, что если эти души так хотят ни в чем не отступить от совершенства, они и не отступают, и даже не грешат. Намеренно – не грешат, ведь Господь особо им в этом помогает; но я говорю о малых грехах, ибо от смертных, совершенных сознательно, они свободны, хотя полной уверенности и нет, ведь чего-то они могут не заметить, и это их очень мучает. Страдают они и от того, что

многие души гибнут, и сами как-то надеются не попасть в их число, а все же боятся (это я говорила), вспоминая, что в Писании сказано о тех, кто вроде бы и получил милости от Господа, например – царь Соломон¹⁰², который так много с Ним общался. Словом, та из вас, которая больше всех уверена, что она – в безопасности, пусть больше боится, ибо царь Давид говорит: «Блажен муж, боящийся Господа»¹⁰³. Да помогает нам Господь всегда, и будем молить Его, чтобы нам никак Его не обидеть, вот и вся наша уверенность. Благословен Он навеки. Аминь.

4. Здесь хорошо пояснить вам, сестрицы, с какой целью Господь оказывает столько милостей на этом свете. По плодам их вы, наверное, и сами все поняли, если поразмыслили, но все же я скажу снова, чтобы никто из вас не подумал, что Он хочет только одарить души, это будет ошибка. Ведь Господь не может оказать нам большей милости, чем сообразуя нашу жизнь с жизнью столь Возлюбленного Сына. Вот я и уверена, что такие милости призваны укрепить нашу немощь – это я уже говорила, – чтобы мы могли подражать Ему в Его великих страданиях.

5. Мы всегда видели, что самые приближенные к Господу нашему Христу больше всего и мучались. Вспомним, сколько страдала Его Преславная Мать и досточтимые апостолы. А как иначе, по-вашему, перенес бы апостол Павел такие великие тяготы? На его примере мы и видим, что дают видения и созерцания, когда они подлинны, а не от воображения или от бесовской прелести. Разве он удалился в скрытое место, чтобы одному наслаждаться этими дарами Божиими, ни о чем не заботясь? Сами видите, он не знал отдыха ни днем, ни ночью, ведь, насколько мы знаем, ночью он зарабатывал на жизнь¹⁰⁴. Я очень люблю думать о том, как апостол Петр, когда он бежал из тюрьмы, увидел Господа, и Тот сказал ему, что идет в Рим, чтобы Его снова распяли. Всякий раз, как мы читаем про это в церковной службе на его праздник¹⁰⁵, я получаю особое утешение. Что же было с апостолом после этого, что он сделал?

Пошел на смерть и счел за великую милость Божию найти того, кто бы его умертвил.

6. О, сестрицы мои, как же должна душа, в которой вот так обитает Господь, забыть всякий отдых, и пренебречь доброй славой, и радоваться, если ее не почитают ни во что! Ведь если она много времени с Ним, она, естественно, почти и не помнит о себе, ибо только и думает, как угодить Ему и доказать свою любовь. Для того мы и молимся, доченьки; этому служит и духовный брак – все для дел, для дел.

7. Дела и доказывают, что милость – от Бога, это я уже говорила; ведь мало мне пользы, если я соберусь, уединюсь и пообещаю нашему Господу совершать чудеса, угождая Ему, а выйду из уединения, и при первом же случае сделаю все наоборот. Нет, я неверно сказала «мало пользы» – все, что с Богом, очень полезно, и если даже, по слабости, мы ничего не исполним, Господь когда-нибудь нам поможет, а еще даст и тяготы, это часто бывает – ведь Он видит нашу трусость и посылает очень большие испытания, хотя мы того никак не хотим; вот нам и польза. А уж потом душа это поймет, и страх совсем уходит, чтобы она еще больше предалась Богу. Я хотела сказать, что это – мало по сравнению с тем, когда дела сообразны словам и намерениям; но если кто не в силах совершить все сразу, пусть совершает понемногу. Пусть удвоит решимость, если хочет, чтоб молитва приносила плоды, ибо тут, у нас, хватит для этого случаев.

8. Жаль, я не умею объяснить, сколь это важно. Посмотрите на Распятого, и все вам покажется легким. Если Господь доказал нам Свою любовь такими страшными муками и делами, как же хотите вы удовлетвориться одними словами? Знаете ли, что такое стать поистине духовными? Сделаться рабами Богу, дабы Он, заклеив их знаком креста, ибо они отдали Ему свободу, мог продать их в рабство всему миру, как Он Сам был продан; тут нет никакой обиды, это – великая милость. Если же душа на это не решится,

пусть не думает преуспеть в духовной жизни, ибо здание это, как я говорила, стоит на смирении, и если его на самом деле нет, Господь ради вашего же блага не допустит возвести постройку уж очень высоко, чтобы не рухнула на землю. Так что, сестрицы, чтобы фундамент у вас был прочен, старайтесь быть меньше всех людей, рабой им, только и думайте, как бы и в чем угодить им и услужить, ибо то, что вы сделаете для них, вы сделаете для себя, чтобы не рухнул ваш замок.

9. Снова скажу, для такой основы мало молитвы и созерцания; ведь если вы не стяжаете добродетелей и не примените их на деле, вы навсегда останетесь карлицами, и еще дай то Бог, чтобы вы просто не росли, вы же сами знаете – кто не растет, становится меньше. Ведь любовь не может удовольствоваться тем, что просто в нас пребывает; так я думаю.

10. Вам покажется, что я говорю только с новоначальными, а потом можно и отдохнуть. Нет, я уже говорила, – внутри, в душе царит покой, а извне его нет, к нему и не стремишься. Зачем, по-вашему, душа, из самой сердцевины замка, призывает, нет, лучше сказать вдохновляет тех, кто в верхних или во внешних покоях? Чтобы они легли спать? Нет и нет! Она сражается с ними, как сражалась, когда была с ними вместе, чтобы способности и чувства, и все, что относится к телу, не ведали отдыха; только куда сильнее, ведь тогда она не знала, какая польза от стараний. Может быть, из-за них Бог и ввел ее сюда, Он пребывает с ней, и потому ее силы намного больше. Царь Давид сказал: «Со святыми ты будешь свят»¹⁰⁶, тут незачем сомневаться: когда ты соединен с Сильным в таком высоком союзе, дух с Духом, к тебе переходит сила, которая, наверное, и помогала святым в страдании и в смерти.

11. Вернее верного, что душа, окрепнув, помогает не только обитателям замка, но и самому телу, хотя часто оно вроде бы того и не чувствует. Укрепившись крепостью, обретенной ею от вина, которое она пьет в том винном погре-

154

бе, куда ее ввел Жених и не выпускает, душа дает силы слабому телу, как пища, попавшая в желудок, дает силу голове, да и телу тоже. Оно все равно немало страдает, пока не умрет – ведь сколько ни делай, душа понуждает его изнутри, борется с ним, и перед этим все ему кажется ничтожным. Наверное, потому и совершали великие подвиги многие святые, особенно – Мария Магдалина, которой Господь всегда столько давал, и голодал ради славы Божией отец наш Илия¹⁰⁷, а святой Доминик со святым Франциском привлекали души, чтобы Его славить. Вы уж поверьте, они немало претерпели, забывая о себе.

12. Вот чего я хочу, сестрицы; и не для услаждения, а для того, чтобы у нас были силы служить, стремиться к молитве и творить ее; и не желать непроторенной дороги, там еще заблудишься, да и очень уж странно, если Господь даст нам эти милости не на том пути, которым Он шел Сам и Его святые. Так что об этом и не думайте; поверьте мне, Марфа и Мария должны быть вместе, чтобы Господь пришел к ним, и у них остался, а они хорошо Его приняли и накормили¹⁰⁸. Как накормила бы Его Мария, сидя у Его ног, если бы сестра ей не помогала? А пища Ему – в том, что мы, как только можем, привлекаем души, они же спасаются и славят Его.

13. Вот вы возразите мне, во-первых, что Сам Он сказал: «Мария избрала благую часть»¹⁰⁹. Но ведь Марфа уж Ему услужила, помыла ноги и вытерла волосами¹¹⁰. Думаете, малое унижение такой госпоже идти по этим улицам, (хотя, может быть, она так горела, что не понимала, где идет), да еще, наверное, одной, и войти в незнакомый дом, и перетерпеть ропот фарисеев и много другое? Ведь в селении увидели, что женщина так переменилась, и водится с дурными людьми, ну – хоть с Господом, Которого они терпеть не могли, и тут же припомнили, какой она прежде была, а сейчас вот хочет показаться святой, ясное дело, сменив одежду и все прочее. Если в наше время столько злословят о людях менее известных, что же было тогда? По-

верьте, сестрицы, «благую часть» она получила за многие муки и унижения. Взять хотя бы что она видела Своего Учителя в такой ненависти, это же страшное мученье. А сколько она перетерпела во время Страстей Господних! А потом, без Него! Вот и видно, что она не только радовалась и созерцала Христа у Его ног.

14. Во-вторых, вы скажете, что вы не можете и не умеете приводить к Богу. Вы бы и рады, но не знаете, как это делается, ибо не учите и не проповедуете, подобно апостолам. На это я уже отвечала, хотя не уверена, что в «Замке»; но раз вы об этом думаете, и хотите по воле Божией, скажу и тут: я уже говорила при другом случае, что бес иногда внушает нам великие желания, чтобы мы только не делали того, что под рукой, не послужили Господу в том, что исполнимо; так мы и довольствуемся лишь невозможным. Вы и молитвой много сделаете, а кроме того, стремитесь помочь не всем на свете, но тем, кто с вами, тут и дело будет больше, ведь это труднее. Думаете, мало пользы от смирения, и умерщвления, и служения ближним, и великой жалости к ним, и от любви к Господу, которая огнем воздвигает всех, и от других добродетелей? Очень много, и Господу это приятно. Вы старайтесь, как только можете, а Он и поймет, что бы вы рады сделать гораздо больше, и вознаградит вас, словно вы привели к Нему многих.

15. Вы скажете, мы их не обратили, они ведь все и так хорошие. Что же из этого? Чем они лучше, тем их хвалы приятнее Богу, молитвы полезнее ближним.

Словом, сестрицы, скажу напоследок: не будем строить башен без фундамента, ибо Господь смотрит не на величие наших дел, а на любовь, с которой мы их совершаем. Если мы делаем, что можем, Господь помогает нам каждый день делать больше, только бы мы сами сразу не устали. Жизнь эта длится очень недолго – может, меньше, чем мы думаем. Принесем Богу нашу духовную и телесную жизнь, и Он присоединит ее к Жертве, которую принес за нас Отцу на кресте, дабы что-то значила добрая воля, хотя и ничтожны дела.

16. Молите Господа, сестрицы и доченьки, чтобы мы все соединились там, где будем славить Его! И да поможет Он мне совершить что-нибудь из того, о чем я говорю вам, ради Своего Сына, Который живет и царствует во веки. Аминь. Поверьте, я очень смущаюсь, и потому Богом прошу вас – не забывайте в ваших молитвах меня, убогую.

ИИСУС

1. Я начала писать все это с неохотой, и сказала об этом вначале, но теперь, по окончании, очень довольна и считаю, что не зря потрудились, хотя труд и не такой большой. Вы живете в затворе, сестрицы, у вас мало случаев развлечься, да и места в некоторых ваших монастырях меньше, чем надо бы, и я надеюсь, что для вас будет утешением побыть в этом внутреннем замке, ибо тут без разрешения от настоятельницы вы можете сюда войти в любое время.

2. Правда, одними вашими усилиями, какими бы великими они вам ни казались, вам невозможно войти во все покои, если Сам Господин Замка не введет вас. Потому я вас и предупреждаю: не настаивайте, если заметите хоть какое-то противодействие, вы Его тогда рассердите, и Он вас вообще не пустит. Он очень любит смирение. Если вы будете считаться, что недостойны войти и в третью обитель, Он разрешит войти в пятую, а там, посещая ее, вы Ему так послужите, что Он введет вас в самый Свой чертог, чтобы вы уже оттуда не вышли, разве что позовет настоятельница – ведь Великий Господь хочет, чтобы вы слушались ее, как Его; но если вам и придется уходить надолго, Он всегда готов открыть дверь перед вами. Познав усладу этого замка, вы во всем найдете отдохновение, хоть бы это и стоило больших трудов, ибо надеетесь туда вернуться, и никто вам не помешает.

3. Хотя здесь шла речь только о семи обителях, в каждой из них много других: вверху, внизу и вокруг, с прекрасными садами, и фонтанами, и лабиринтами, и иными усадками, и

все они побудят вас прославлять Великого Бога, создавшего их по Своему Образу и Подобию. Если вы найдете что-либо хорошее в том, что я о них рассказала, поверьте, что это сказал Господь, чтобы вас порадовать; а, что плохо – уже от меня.

4. Я очень хочу как-то помочь вам, чтобы вы служили Господу Богу, и молю вас: каждый раз, когда вы будете читать это, воздайте Ему хвалу и молитесь Ему об Его Церкви и о просвещении лютеран, а для меня – о прощении грехов и об избавлении от чистилища, где, может статься, по милосердию Божию, я буду, когда вам это доведется прочитать после того, как посмотрят люди ученые. Если же тут найдутся ошибки, то это – от недостатка разумения, ибо я во всем подчиняюсь учению святой Римской Церкви, ибо этим я живу и обещаю жить и умереть. Да будет прославлен и благословен Господь и Бог наш во веки. Аминь.

Это окончено в Обители Св. Иосифа, в Авиле, в году 1577, накануне дня святого апостола Андрея, во славу Бога, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скрытый намек на т.н. «Книгу о моей жизни», которая уже года два рассматривалась инквизицией.
2. Троица приходилась в 1577 году на 2 июня. Кончила св.Тереза книгу 29 ноября.
3. Речь идет об о.Иерониме (Херонимо) Грасьяне и д-ре Алонсо Веласкесе.

ОБИТЕЛЬ ПЕРВАЯ

4. Ср. Ин 14.2. Дальше – аллюзия на Пр. 8.31.
5. Ин 9.2-3.
6. Быт 19.26.
7. Грасьян заменил слово «скотство» на мерзость. Брат Луис де Леон, вполне резонно, положился на самую святую и предпочел прежнее слово. Тереза понимает здесь под «скотством» жизнь как у животных, когда человек не осознает своего, человеческого достоинства.
8. Ин 5.2-8 (Грасьян прибавил между строк, по тексту Писания: «и восемь»).
9. См. Мтф 6.21.
10. Образы – из Писания (ср. Откр 21.2 и 10; Мтф 13.45; Откр 21.21; Пс 1.3; Быт 3.22; Мтф 7.17; Откр 22.1 и дал.; Мтф 22.13; 8.12.
11. Св.Тереза говорит о самой себе.
12. Ср. Пс 126.1.
13. Здесь снова святая говорит о самой себе.
14. Кармелитский устав предписывает «молиться денно и ночью».
15. В книге «Путь к совершенству», гл. 39.
16. См. гл. 13.8 и 10; и «Путь к совершенству», гл. 4. т.н. «Книгу о моей жизни».

ОБИТЕЛЬ ВТОРАЯ

17. В «Пути к совершенству» 20-24 и в автобиографии, гл. 11-13.
18. Св.Тереза пользуется свободно единственным и множественным числом: «обитель» и «обители».
19. В те времена в некоторых западных странах умерших хоронили под плитами (полом) церкви.
20. Лк 15.16.
21. См. Ин. 15.15.

22. См. Кн. Суд. 7.
23. Мтф 20.22.
24. Ин 20.21.
25. Зло – оставить молитву.
26. См. Сир. 3.27.
27. См. Ин 14.6.
28. Ин 14.9.
29. Мтф 10.24.
30. См. Мтф 26.41.

ОБИТЕЛЬ ТРЕТЬЯ

31. Пс 111.1.
32. Ин 11.16.
33. Мтф 19.16-22.
34. См. Лк 17.10.
35. Лк 12.48.
36. См. Ис 30.15.

ОБИТЕЛЬ ЧЕТВЕРТАЯ

37. Ср. Ин 15.
38. Обратите внимание на то, что св. Тереза не очень строго употребляет слова, хотя они как бы термины; не всегда ясно, чему соответствует тот или иной синоним.
39. См. Песн 8.1.
40. Дальше в этой главе св. Тереза называет это и «усладой» и «покоем» («спокойной молитвой», «молитвой покоя»).
41. Другими словами: сосредоточенная молитва (молитва сосредоточения) приуготовляет душу к молитве покоя; «без ухищрений» – т.е. без собственного усилия, пассивно. Выражение это и следующее, о здании, намекает на образы из гл. 2, № 2-4.
42. Святая имеет в виду «Третий букварь» францисканца де Осуны, книга 6, гл. 4.
43. По-видимому, Святая имеет в виду Бернардина Ларедского «Путь души к Богу», ч. 3. Гл. 27.
44. «*Libro de Fundaciones*». См. гл. 2.

ПЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

45. Мтф 20.16.
46. Песнь Песней 3.2.
47. Мтф 28.2.
48. Ср. Колос 3.3.
49. Песнь Песней 2.4.
50. Лк 22.15.
51. Речь идет о самой Терезе.
52. Тереза снова говорит о себе самой.
53. Ин 11.35.
54. Иона 4.6 и 7.
55. Ин 17.22.
56. Фразу в скобках святая приписала между строк и на полях.
57. Речь идет о св.Игнатии Лойоле и об основанном им Обществе (посл. «Отряде») Иисусовом (Compañía de Jesús).

ОБИТЕЛЬ ШЕСТАЯ

58. См. обитель пятая, гл. 4.
59. Св. Тереза снова говорит о себе самой.
60. Речь идет о самой Терезе и отце Бальтасаре Альваресе.
61. Иона 4.1.
62. Лк 10.16.
63. Книга Иисуса Навина 10.12-13.
64. Быт 28.12.
65. Исх 3.2.
66. Песня Песней 3.2.
67. Ин 9.6-7.
68. См. т.н. «Книгу о моей жизни», гл. 21.
69. Числ 13.18-24.
70. Исх 14.21; Иисус Нав. 3.13.
71. «Господи, если я еще нужен Твоему народу, я не отказываюсь от трудов, да будет воля Твоя» (слова св.Мартина Турского).
72. Лк 15.11-32.
73. Ин 14.6-9.
74. 3 Царств 18.30-39.
75. Песн 3.2.
76. Исповедь 10.6.
77. Лк 22.44.
78. Ин 16.7.

79. Мтф 25.41.
80. Франсиско Баньес.
81. Пс 115.2.
82. Ин 18.38.
83. Речь идет о мистических милостях, о которых святая говорила в §§ 2 и 5.
84. Мтф 20.22.
85. Ин 11.2.

СЕДЬМАЯ ОБИТЕЛЬ

86. Деян 9.8 (Апостол Павел утратил зрение, но не речь).
87. Деян 9.8.
88. Лк 10.40.
89. Речь идет о I главе этой обители, §§ 6 и 7.
90. Лк 24.36.
91. I Кор 6.17.
92. Фил 1.21.
93. Ин 20.19-21.
94. Лк 7.50.
95. Ин 17.21.
96. Деян 9.6
97. 3 Царств 6.7.
98. Песн 1.1
99. Откр 21.3.
100. Быт 8.8-9.
101. Лк 18.13.
102. 3 Царств 11.
103. Пс 111.1.
104. I Фесс 2.9.
105. Легенду об этой встрече кармелиты читают 29 июня, в день Петра (т.н. «Куда идешь, Господи?», лат. «Quo vadis, Domine?»).
106. Пс 17.26.
107. См. 3 Царств 19.
108. Лк 10.38-39.
109. Лк 10.42.
110. Лк 7.37-38. (Речь там идет не о Марфе, а о Марии Магдалине, которую некоторые отождествляют с Марией из Вифании).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	5
<i>ОБИТЕЛЬ ПЕРВАЯ</i>	7
Глава I	7
Глава II	11
<i>ВТОРАЯ ОБИТЕЛЬ</i>	19
<i>ОБИТЕЛЬ ТРЕТЬЯ</i>	25
Глава I	25
Глава II	29
<i>ОБИТЕЛЬ ЧЕТВЕРТАЯ</i>	37
Глава I	37
Глава II	43
Глава III	47
<i>ПЯТАЯ ОБИТЕЛЬ</i>	55
Глава I	55
Глава II	60
Глава III	66
Глава IV	71
<i>ОБИТЕЛЬ ШЕСТАЯ</i>	77
Глава I	77
Глава II	83
Глава III	86
Глава IV	93
Глава V	100
Глава VI	105
	163

Глава VII	110
Глава VIII	117
Глава IX	122
Глава X	128
Глава XI	131
<i>СЕДЬМАЯ ОБИТЕЛЬ</i>	137
Глава I	137
Глава II	141
Глава III	146
Глава IV	151
<i>ИИСУС</i>	157
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	159

